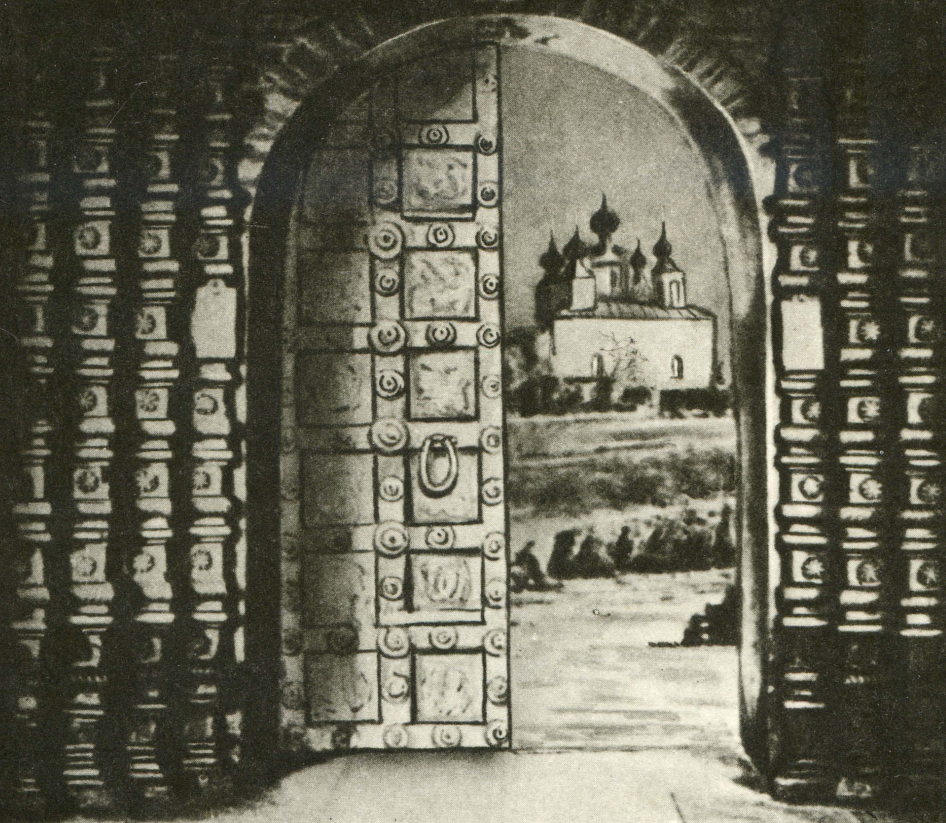

В. П. Шильниковская

Великий Устюг

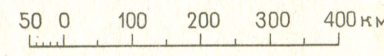

Карта Севера Руси с указанием основных торговых путей и границ русских земель XII—XVII вв.

- Границы русских княжеств в XII—XIII вв.
- Границы Великого Московского княжества в 1462 г.
- Границы Русского государства к 1533 г.
- Границы Русского государства к 1689 г.

- 1 Морской путь промышленников (до 1620 г.)
- 2 „черезкаменный“ путь (до 1704 г.)
- 3 Северный вариант Черезкаменного пути
- 4 Чердынско-Лозьвинский путь (с 1550 по 1598 г.)
- 5 Чусовской путь - путь Ермака (до 1590 г.)
- 6 Верхотурский путь (с 1598 по 1763 г.)

- XXXXXX волоки
- грунтовые дороги — „сухие пути“

Великий Устюг

В. П. Шильниковская

Великий Устюг

**развитие
архитектуры
города
до
середины XIX в.**

Издание второе

**Москва
Стройиздат
1987**

Шильниковская В. П. Великий Устюг.— 2-е изд., доп.— М.: Стройиздат, 1987.—255 с. ил.

Рассказывается об архитектуре одного из интереснейших древнерусских городов, его многочисленных и малоизученных памятниках зодчества и ансамблях. Рассматривается формирование планировочной структуры города на различных этапах исторического развития, анализируются особенности памятников, дается общая картина развития декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов. Изд. 1-е вышло в 1973 г.

Для архитекторов и искусствоведов.

Ил. 186, список лит.: 99 назв.

Печатается по решению секции литературы по архитектуре жилых, гражданских зданий и градостроительству редакционного совета Стройиздата.

Рецензент канд. архит. М. П. Кудрявцев (ЦНИИТИА).

*«О светло-светлая и украсно украшенная
земля Русская!
И многими красотами удивлена еси,—
Озера многими удивлена еси,...
Дубравами чистыми, полями дивными...
Городы великими, селы дивными...
Сады монастырскими, храмы церковными...
Всего ты исполнена, земля Русская!...»*

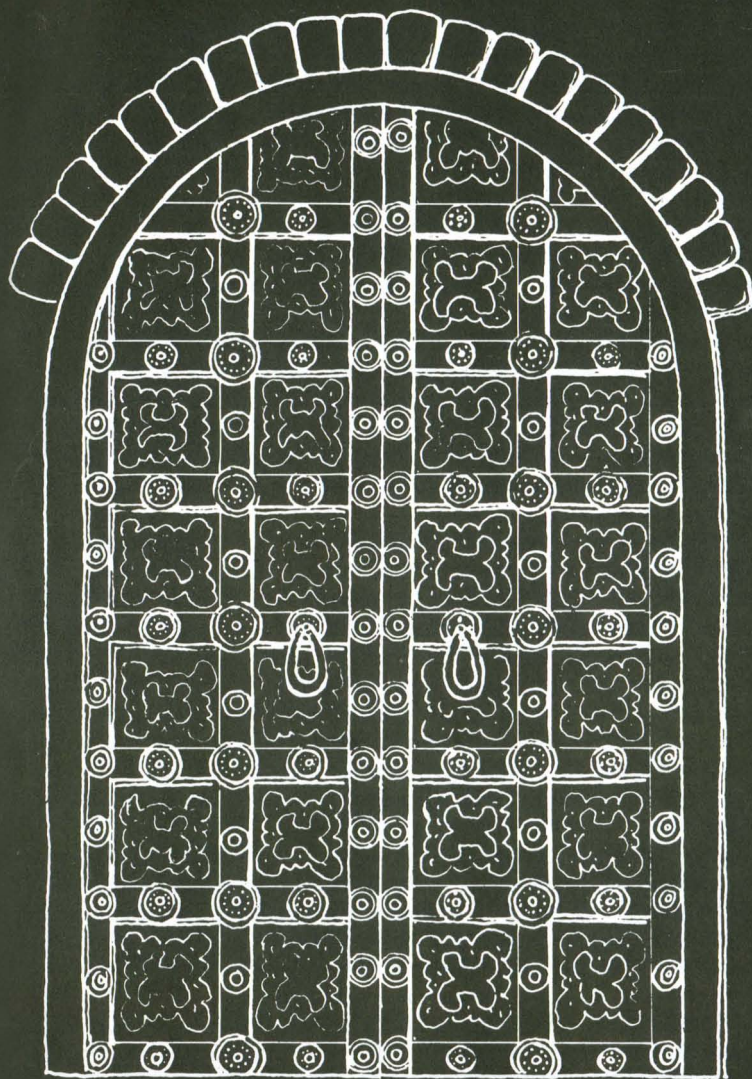
Неизвестный русский поэт XVIII в.

Сокращения

ААН	—	Архив Академии наук СССР, Ленинград
ВОГА	—	Вологодский областной государственный архив, Вологда.
В.-У.кр.музей	—	Велико-Устюжский краеведческий музей, Великий Устюг
ГИМ	—	Государственный Исторический музей, Москва
ГТГ	—	Государственная Третьяковская галерея, Москва
МАСиА	—	Музей архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР, Москва
ПСЗРИ	—	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
ЦГАДА	—	Центральный государственный архив древних актов, Москва
ЦГВИА	—	Центральный государственный военно-исторический архив, Москва
ЦГИАЛ	—	Центральный государственный исторический архив СССР, Ленинград

глава
первая

ИСТОРИЯ ГОРОДА ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

В жизни Русского Севера Великому Устюгу, насыщенная событиями история которого насчитывает более восьми столетий, суждено было сыграть определяющую роль.

Издrevле Север представлял собой край бесконечных, непроходимых лесов, где продвигаться можно было только водными путями, а все развитие этого района было обусловлено наличием такого природного рубежа, как водораздел, поделивший реки Северного и Балтийско-Каспийского бассейнов. Мощным полукольцом этот водораздел протянулся от Карелии и истоков Онеги к верховьям Юга, Вычегды и Печоры до Уральского хребта и тем самым отрезал северо-восточную часть Европы от ее центральных и западных областей, поэтому из бассейна Волги в бассейн Северной Двины суда могли попадать, только преодолевая водораздел «волоком». Отсюда обширные и богатые земли, расположенные за этим природным рубежом, издревле стали называться «Заволочьем», а населявшие их местные угро-финские племена — «чудью заволочьской».

Дремучие леса Заволочья изобиловали пушным зверем, а реки — рыбой. Поэтому к освоению Северного края с его богатыми пушными, рыбными и соляными промыслами издавна стремились его предприимчивые соседи. Так, уже в XI в. на Двинскую землю началось упорное наступление новгородцев, и к началу XII в., несмотря на сопротивление местного населения, почти весь Северный край превратился в обширную новгородскую колонию.

Однако уже в первой половине XII в., с возвышением Владимиро-Суздальского княжества, началась также и «низовская» колонизация этого края, идущая с «Низу», из Волго-Окского бассейна. Южная часть Заволочья превратилась в арену напряженной борьбы между могущественными соседями. В результате этой борьбы новгородцы захватили верхнее и среднее течение Сухоны, где они основали Вологду и Тотьму, тогда как все нижнее течение реки оказалось в руках выходцев из Владимиро-Суздальской земли, которые для закрепления своих позиций на стыке крупнейших рек этого края — Сухоны, Юга и Северной Двины, близ древнего города Гледена основали новый город Устюг¹.

Свое название город получил от размещения близ устья реки Юга, а в некоторых летописных источниках сохранилась наиболее древняя его редакция: «Устьюг»². Позднее это характерное положение города у слияния двух больших рек было принято в основу композиции его герба, на котором дано символическое изображение «Водолея», сливающего воду из двух кувшинов в одно место.

Точная дата основания Устюга не известна, а первые летописные упоминания о нем относятся к 1207 г. и отображают процесс феодального дробления русских земель, когда в недрах Владимиро-Суздальского княжества образовалось самостоятельное Ростовское кня-

жество, из состава которого позднее выделилось Ярославское княжество.

В 1286 г. остатки Ростовских земель были вновь поделены между двумя ростовскими князьями, тогда Ростов и Устюг оказались под властью князя Константина Борисовича³. В 1212 г. летописец, рассказывая об основании Михайло-Архангельского монастыря, характеризует Устюг как типичный для своего времени город-крепость с «осторожною осыпью», а в 1220 г. он описывает первый успешный военный поход устюжан, которые были вовлечены в борьбу «низовских» князей за господство на важнейших водных путях — Волге и Каме⁴.

Таким образом, все первые летописные упоминания об Устюге свидетельствуют о том, что уже в начале XIII в. он был значительным городом, который упоминался наряду с такими крупными центрами, как Ростов, Ярославль, Углич, Молога и Белозерск. Поэтому наиболее вероятным временем его основания следует считать середину XII в., когда сопровождающийся многочисленными войнами процесс дробления Руси вызвал естественное стремление к укреплению границ отдельных земель. В этом и заключалась одна из основных причин оживленной градостроительной деятельности русских и, в частности, владими́ро-суздальских князей, за сравнительно короткий срок основавших Углич, Ярославль, Кострому, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польской, Дмитров, Москву и др. К числу этих новых городов следует отнести и Устюг, который, по-видимому, был ровесником Москвы и, подобно Москве, в этот ранний период своего развития представлял собой укрепленное окраинное поселение Владимиро-Суздальской земли. Вся история Устюга оказалась тесно связанной с Ростовом — этим крупнейшим политическим и культурным центром северо-западной Руси.

Во время татаро-монгольского нашествия дремучие леса и топкие болота водораздела стали для Северного края надежной защитой от конницы Золотой Орды. Вот почему в этот труднейший период древнерусской истории Устюг оказался в числе немногих городов, которые избежали разорения. Однако, когда завоеватели по всем русским городам поставили своих управителей для сбора дани-ясака, в Устюг, по сообщению летописца, также был назначен татарский баскак по имени Багуй (Буга). Но власть его здесь продержалась недолго, и уже в 1262 г., в связи с прокатившейся по северным городам волной народных восстаний против татарских сборщиков дани, устюжане учинили расправу над «бесерменами», а испуганный Багуй поспешно крестился и лишь таким образом спас свою жизнь⁵. Этот рассказ устюжского летописца интересен также и тем, что содержит упоминание об устюжском вече. Следовательно, в середине XIII в. Устюг, подобно таким крупным вечевым центрам, как Новгород и Вологда, в известной степени обладал самоуправлением и был своего рода «вольным» городом.

Больше всего от татаро-монгольского нашествия пострадали расположенные на плодородных и открытых землях Волго-Окского «ополья» южные и юго-восточные районы Владимиро-Суздальского княжества, а население этих земель, покидая разрушенные города, вынуждено

было уходить с насиженных мест. Поток беженцев разделился на две части: одни из них двинулись на запад, что привело к возвышению Московского и Тверского княжества, другие — на север, в дремучие леса Заволочья. В связи с этим во второй половине XIII и в XIV в. усилилась «низовоская» колонизация этого края, идущая наперерез новгородской колонизации, и борьба между Ростовом и Новгородом за богатые земли Заволочья разгорелась с еще большей остротой.

Особое внимание новгородцев всегда привлекал Устюг, так как здесь владения ростовских князей подобно острому клину врезались в подвластные Новгороду земли и отделяли верхнее течение Сухоны, с Вологдой и Тотьмой, от новгородских колоний на Северной Двине. А Устюг, расположенный на стыке трех рек, стал как бы ключом к основным водным путям Северного края. Этим и объясняется упорное стремление новгородцев овладеть городом и тем самым получить в свое распоряжение весь Сухоно-Двинский путь. Однако Устюг в это время представлял собой такой сильный укрепленный центр, который не только не желал подчиняться «Господину Великому Новгороду», но и не боялся враждовать с ним и, пользуясь своим выгодным положением, чинил серьезные препятствия торговым сношениям новгородцев с народами Двинской земли и Поморья.

После разорения Золотой Ордой юго-восточной части Волго-Окского «ополья» главным центром возрождения всей страны становится молодое и сильное Московское княжество, в основу политики которого была положена идея объединения всех русских земель. В результате этой политики уже при Иване Калите Москве были подчинены основные Владимиро-Суздальские земли, включая и Ростовское княжество вместе с Устюгом. Таким образом, судьбы Москвы и Устюга — этих двух городов-братьев, зародившихся примерно в одно время в лоне Владимиро-Суздальского княжества, с середины XIV в. были объединены тесными политическими, экономическими и культурными отношениями.

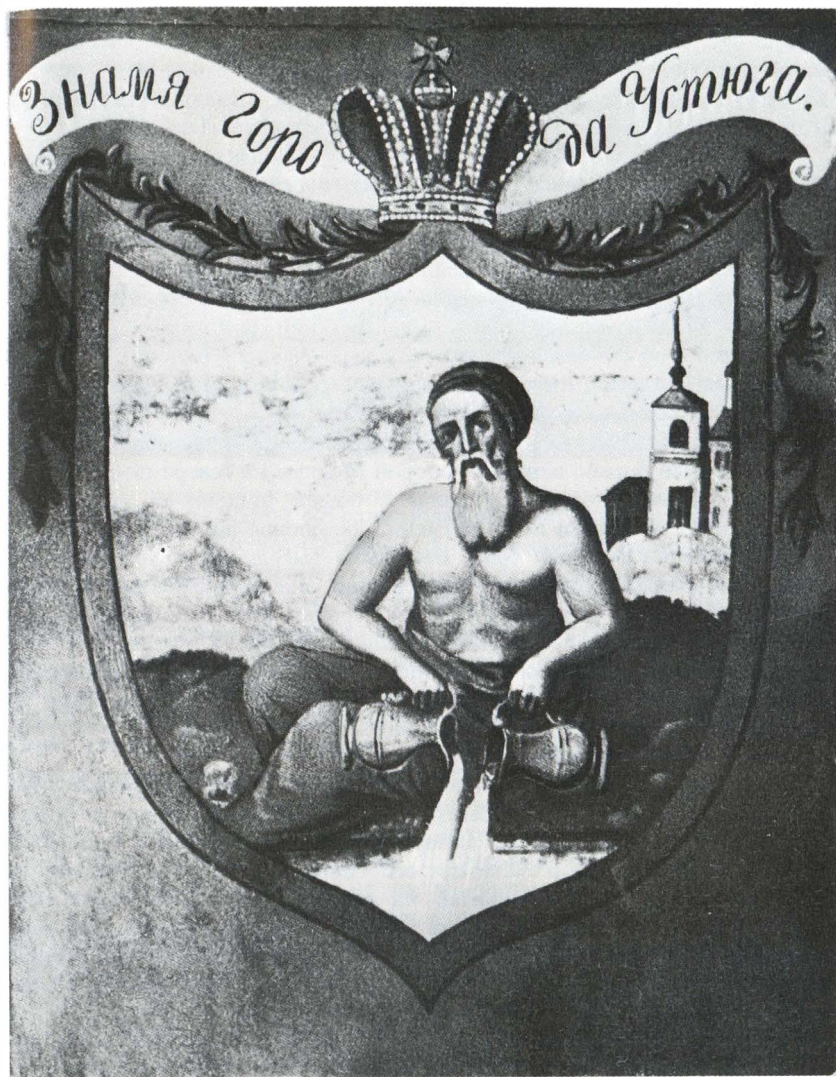
После знаменитой Куликовской битвы значение общерусского центра окончательно укрепилось за Москвой, которая неизменно проводила политику объединения русских земель, преодолевая упорное сопротивление отдельных областей и особенно Новгорода. В это время Устюг выступает на стороне Москвы и, активно включившись в борьбу за создание единого Русского государства, уже в 1386 г. участвует в походе Дмитрия Донского против новгородцев.

При Василии I Дмитриевиче подвластная Москве территория увеличилась в несколько раз, что способствовало дальнейшему укреплению Московского княжества. В это время к Москве отошел такой важный политический и торговый центр Северного края, как Вологда, и в руках Москвы оказалась вся верхняя часть Сухоно-Двинского водного пути от Вологды до Устюга, что открывало дорогу в одну из самых богатых новгородских колоний — в Двинскую землю. В этих условиях борьба великих князей с новгородским сепаратизмом разгорелась с особой остротой, а Устюг превратился в основной опорный пункт для дальнейшей московской колонизации Северного края.

В своей объединительной политике Москва использовала самые разнообразные средства и, по образному выражению С. Ф. Платонова,

Знамя Великого Устюга с гербом, символически изображающим расположение го-

рода при слиянии двух рек — Сухоны и Юга

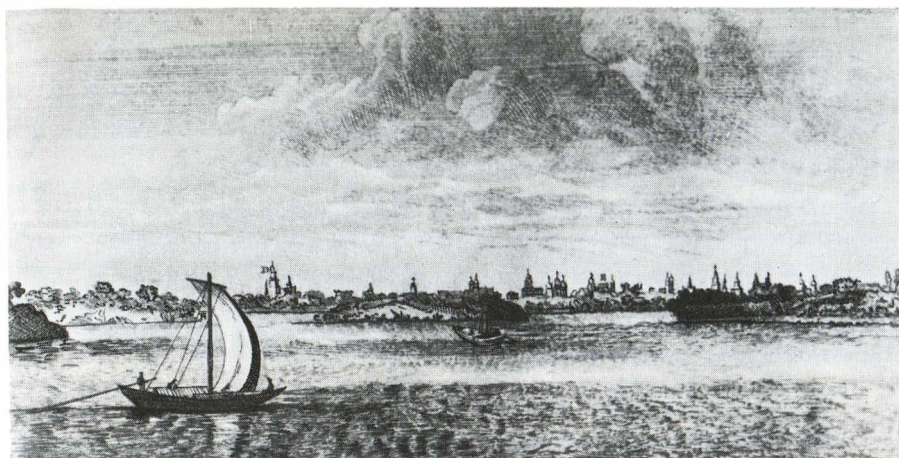
«... добром и злом, силой и ласкою собирала Северную Русь». Важную роль в покорении севера по-прежнему играло заинтересованное в укреплении великокняжеской власти православие, которое насаждалось среди местного населения многочисленными монахами — выходцами из Ростова и Устюга, а также из Троице-Сергиевского, Кирилло-Белозерского и других монастырей. Так, уже в XIV в. с помощью церкви к Московскому княжеству были присоединены населенные коми-зырянами богатые земли бассейна Вычегды (так называемая «Малая Пермь»), где проводником христианства был выдающийся политический деятель своего времени, устюжанин Стефан Пермский⁶.

В XV в. устюжане были вовлечены в развязанную галицкими князьями жестокою многолетнюю войну, в результате которой город Гледен был полностью razорен вначале войсками Василия Косого (1436 г.), а затем вятчанами (1438 г.), которые «... древний град, зовомый Гледен, сожгли и опустошили, а граждане, разбежавшись по лесам и удобным местам, скрылись»⁷. После этого события в устюжской летописи больше не встречается упоминаний о Гледене. Так этот древнейший город северного края, существовавший рядом с Устюгом около трех столетий, навсегда сошел со страниц истории, пав жертвой кровопролитных междоусобных войн.

Иван III продолжил борьбу с сепаратизмом отдельных областей страны. В этой борьбе основной опорой Москвы на севере по-прежнему оставался Устюг, который, в связи с общей тенденцией укрепления и роста русских городов этого времени, постепенно превращался в крупнейший центр Северного края. Благодаря выгодному положению Устюга на основных водных путях здесь рано начали развиваться ремесло и торговля. Однако ведущей функцией города в этот тревожный период продолжала оставаться оборона границ все более расширявшегося централизованного Русского государства. Летопись отмечает 16 военных походов, предпринятых устюжанами в течение XV в., а сам Иван III неоднократно «жаловал» устюжан за их активную борьбу с остатками феодальной раздробленности Руси.

С особой остротой в XV в. разгорелась борьба за подвластные новгородцам богатые земли Северного края. Военные походы устюжан в новгородские владения на Северной Двине значительно подорвали экономику Новгорода и ослабили его силы. В 1471 г., одновременно с решающей победой москвичей на реке Шелони, устюжская рать под предводительством Образцова нанесла сокрушительный удар новгородцам в их двинских колониях. Это двойное поражение решило судьбу Новгорода, который в 1478 г. утратил свою независимость и официально признал себя «отчиною» великого московского князя.

Победа над Новгородом ускорила процесс покорения всего европейского Севера, и в этой борьбе ведущая роль также принадлежала устюжанам, активно выступавшим против югры, пермяков, марийцев, казанских татар, «кондийских немцев» (шведов) и других иноязычных народов. В итоге успешных военных походов устюжской рати в последней четверти XV в. были присоединены Карельская, Двинская, Пермская, Вятская и Югорская земли и, таким образом, весь Северный край оказался в руках Москвы.

В результате активной объединительной политики к середине XVI в. в основном был завершен процесс формирования централизованного Русского государства, границы которого значительно расширились, и оно превратилось в государство многонациональное. Эта славная эпоха открыла качественно новый этап в истории Устюга, который, оказавшись в глубине территории вновь созданного государства, вдали от его границ, утрачивает функции города-воина и постепенно превращается в крупный центр промышленности, ремесла и торговли, представляя собой яркий пример коренного изменения роли русских городов, включенных в состав централизованного государства.

Иван IV Грозный, продолжая непримиримую борьбу против реакционных устремлений феодальной знати, предпринял ряд реформ, в результате которых изменилась социальная база государственной власти, опирающейся теперь не на родовитых князей и бояр, а на служилых дворян и торгово-ремесленный люд городского посада. Это способствовало бурному развитию торгово-промышленных городов и, в частности, Устюга, который был включен в число так называемых опричных городов и официально начал именоваться «Великим».

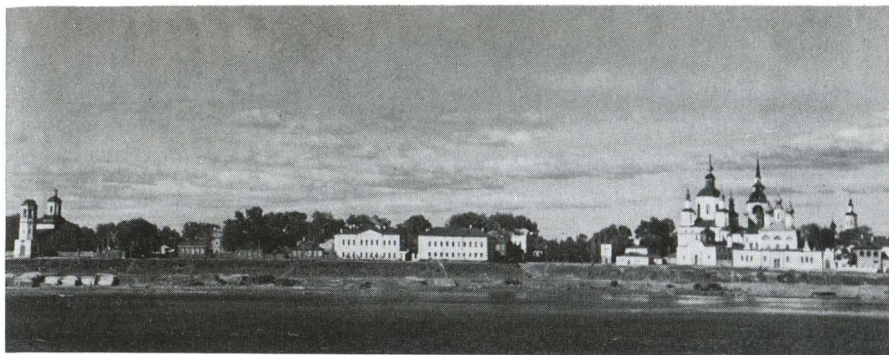
В это время в результате покорения Казанского и Астраханского ханств весь древний Волжский путь оказался в руках Русского государства, что привело к интенсивному развитию торговли со странами Средней Азии и Закавказья. Однако Черное и Азовское моря продолжали оставаться под властью турок, а берега Балтики — под властью шведов. Таким образом, страна была лишена выхода к европейским морям, что служило серьезным препятствием на пути ее дальнейшего развития. В этих условиях решающее экономическое

и политическое значение имело открытие Северного морского пути (1653 г.), который позволял установить прочные торговые и дипломатические связи России со странами Западной Европы. Путь этот прошел вокруг Скандинавского полуострова в Белое море, а оттуда — по Северной Двине и Сухоне, через Устюг до Вологды, где товары перегружались с судов на подводы и зимним санным путем отвозились в Москву. Таким образом, древняя водная артерия Северного края — Сухоно-Двинская магистраль с середины XVI в. превратилась в основную дорогу из Западной Европы в Россию, что способствовало бурному росту таких городов Русского Севера, как Вологда, Устюг, Холмогоры, Архангельск и др.

Интенсивное развитие внешней торговли способствовало оживлению внутренних рынков и привело к повышению спроса на пушнину, издревле служившую основным предметом русского экспорта. Однако хищническое истребление ценного пушного зверя в Северной и Центральной Руси привело к резкому снижению добычи «мягкого золота», что ускорило наступление предприимчивых русских промышленников на богатые земли Сибири.

Еще в XI—XII вв. русскими были проложены древнейшие пути в Сибирь: Северный морской и Печорский через «Камень» (Урал), которые проходили по Сухоне и Двине мимо Устюга. В 1472 г., задолго до окончательного покорения Сибири, устюжанами был открыт так называемый Верхнекамский путь, от Устюга по Югу и Лузе через волок на Каму. Пути на Нижнюю Каму (Чусовской, Чердынско-Лозвинский и Верхотурский) Русское государство получило после победоносного похода Ермака (1581 г.), в результате которого распалось Сибирское ханство и для русских открылся «путь удобоезден» в обширную речную систему Сибири. В это время русские окончательно укрепились в нижнем течении Оби, в устье Таза и далее по Турухану вышли в низовья Енисея, что привело к расширению главной пушной базы северо-западной Сибири — Мангазеи. В результате освоения этих новых земель в Россию стала в изобилии поступать сибирская пушнина, которую Нижнекамским путем везли в основном на волжские рынки, тогда как все прочие пути обслуживали рынки Сухоно-Двинской магистрали.

Установление постоянных транзитных путей между странами Запада и Востока способствовало расширению внешнеторговых связей России, что привело к быстрому росту портовых городов — Астрахани на Волжском и Архангельска на Сухоно-Двинском водном пути, причем значение основного порта России постепенно приобретает Архангельск, через который в XVII в. проходило около 75% всего внешнеторгового оборота. Это стимулировало блестящий расцвет расположенных на Сухоно-Двинской магистрали торгово-промышленных городов, среди которых одно из первых мест занимает Великий Устюг, оказавшийся в чрезвычайно выгодных условиях. Так, в начале XVII в., благодаря героическим выступлениям устюжской рати против польских интервентов, Устюг избежал разорения и раньше других городов русского Севера сумел восстановить свою экономику. И если в XVI в. по размаху торговых операций он значительно отставал от

Вологды, то уже в первой четверти XVII в. разоренная поляками Вологда уступила место Устюгу, дававшему государевой казне значительно больше доходов. Кроме того, экономическому и культурному расцвету Устюга способствовало выгодное его положение в центре обширного Северного края, на пересечении основных внешних и внутренних торговых путей Русского государства. С главной дорогой западноевропейских купцов — Сухоно-Двинской магистралью — здесь пересеклись сибирские торговые пути, из которых древний Печорский путь стал основным путем в северо-западную Сибирь, благодаря чему в Устюг поступало громадное количество ценной сибирской пушнины и он превратился в главный пушной рынок страны. Помимо пушнины большим спросом на внешнем рынке пользовалась продукция русского земледелия и животноводства, рыбных, соляных и звероловных промыслов, а также замечательных русских ремесел, достигших в это время своего блестящего расцвета. В обмен на эти товары иностранцы везли в Россию через Архангельский порт сукна, шелковые ткани, цветные металлы, драгоценности, предметы роскоши, стеклянные изделия, бумагу и т. п.⁸ И весь этот поток грузов шел через Великий Устюг. Широкий размах торговли и особенно знаменитые пушные ярмарки привлекали сюда множество иноземных купцов, благодаря чему в Великом Устюге, так же как и в других крупных торговых центрах России, образовалась так называемая немецкая слобода, расположившаяся под горой близ Иоанно-Предтеченского монастыря на берегу ручья, который отсюда и получил свое название Немчинов ручей.

Оживление внешней торговли способствовало дальнейшему развитию внутренних рынков России, что ускорило процесс их концентрации и создало условия, необходимые для образования всероссийского рынка. В это время устюжский рынок приобретает важное значение и во внутреннем товарообороте страны. Так, по таможенным записям

второй четверти XVII в. Великий Устюг находился в устойчивых торговых отношениях с двумя русскими ярмарками, 15 уездами, 65 городами европейской части России, а также с обширными территориями восточного Поморья и Сибири. Но особенно тесные связи он поддерживал с Москвой, Вологодой, Холмогорами, Архангельском, а также с крупнейшими центрами верхнего Поволжья — Ярославлем и Костромой.

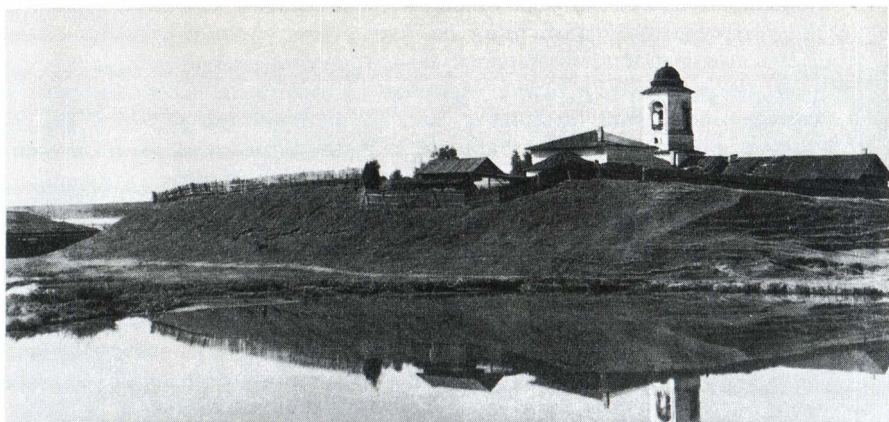
Одновременно с расширением торговых связей шел процесс интенсивного развития ремесленного производства, и Великий Устюг превратился в крупный ремесленный центр страны, прочно завоевав славу «города народных умельцев». В середине XVII в. ремеслом здесь было занято около 500 жителей городского посада 55 специальностей, из которых значение основных отраслей приобрели различные виды обработки дерева, металла, глины и многие другие. Общему подъему ремесленного производства способствовали обширные торговые связи, обеспечивающие эффективный сбыт продукции, а также характерные особенности местного хозяйственного уклада, которые привели к быстрому росту посадского населения, составлявшего в XVII в. основную массу жителей города. Посадские люди жили на государственной земле и несли повинности («тягло»), которые распределялись посадским «миром», отображающим специфику местного выборного самоуправления. Занимались они торговлей и так называемым «тяглым ремеслом», которое, в отличие от ремесла казенного и вотчинного, было тесно связано с рынком, что способствовало широкому развитию в Устюге товарного производства.

Существенными особенностями отличалось также и сельское хозяйство этого края. В силу специфики своего исторического развития города русского Севера, подобно вновь основанным сибирским центрам, не знали власти потомственного именитого боярства, обосновавшегося в центральных областях страны. Помещики также отказывались владеть землями в этих отдаленных районах. Вот почему в то время, когда повсюду в России было окончательно оформлено крепостное право, ни Север, ни Сибирь не знали гнета крепостничества. Основу сельского хозяйства здесь составляло свободное от частновладельческой зависимости «черносошное» крестьянство, которое жило на государственной («черной») земле и платило подати. Право владеть крестьянами здесь имели только монастыри, а все остальное сельское население обладало сравнительной по тем временам свободой. Поэтому жители Устюжского уезда — самого населенного во всем Северном крае, в свободное от полевых работ время имели возможность заниматься различными промыслами, продукцию которых они поставляли на рынок Великого Устюга и тем самым способствовали еще более интенсивному развитию товарного производства.

Бурное развитие промышленности и торговли сопровождалось процессом классового расслоения посадского населения, поскольку образование всероссийского рынка привело к дальнейшему обогащению торгово-промышленной знати и к еще большему закабалению и разорению городской и сельской бедноты. Все это вызвало обострение классовой борьбы, и, вслед за Москвой, волна стихийных народных

*Общий вид великоустюжского
Городища с церковью Вар-
лаама Хутынского. До наших*

*дней хорошо сохранились
земляной вал и ров*

восстаний прокатилась по многим городам Русского государства, захватив также и Великий Устюг (1632 и 1648 гг.).

В этот период большой остроты достигла идейная борьба между старым и новым укладами жизни. Всевозрастающее недовольство народных масс и раскол внутри церковной организации отражали идейное брожение в широких демократических слоях русского общества и расшатывали основы официальной и реакционной церковной идеологии.

В конце столетия массовый характер приобретает такая пассивная форма протеста трудящихся масс против угнетателей, как уход в Сибирь. Этот стихийный поток переселенцев потянулся в Сибирь вслед за отрядами «служилых людей», которые для закрепления завоеваний XVI в. ставили здесь новые города и остроги и приводили местное население «под государеву руку». Кроме того, царское правительство, заинтересованное в скорейшем освоении богатых сибирских земель, занималось организованным переселением русских в Сибирь, предоставляя им определенные льготы. Основную массу этих переселенцев составляли жители городов Северного края, и в том числе Великого Устюга⁹. Так формировалось русское население Сибири, существенную часть которого составили устюжане.

Однако впереди всех в Сибирь шли «охочие» люди — промышленники. Причем в первых рядах здесь по-прежнему были отважные и предприимчивые устюжане, которые раньше всех прошли всю Сибирь от Урала до самого Тихого океана и положили начало великим географическим открытиям русских землепроходцев в Восточной Сибири. Эти открытия начались в 1648 г. походом устюжанина Семена Ивановича Дежнева, доказавшего существование пролива между Азией

и Америкой и подробно описавшего Чукотский полуостров и Анадырь. В 1649 г. устюжанин Ерофей Павлович Хабаров совершил ряд открытий в Приамурье и Даурской земле, установил кратчайший путь из Якутска на Амур, составил описание этого края и «чертеж реке Амуру». Замечательные подвиги русских землепроходцев XVII в. завершил устюжанин Владимир Атласов открытием и описанием Камчатки (1697 г.). Все эти отважные люди были не только предприимчивыми промышленниками и храбрыми воинами, но и кропотливыми исследователями, а их подробные описания — «скаска» и «чертежи» вновь открытых земель — составили подлинную эпоху в истории географии и картографии. Вот почему эти открытия должны быть поставлены в один ряд с великими мировыми географическими открытиями того времени.

Присоединение богатых земель Восточной Сибири сопровождалось расширением также и западных границ, что привело к территориальному росту Русского государства, превратившегося в крупнейшее государство мира. Одновременно укрепилось внешнее и внутреннее положение страны, а интенсивное развитие торгово-промышленного капитала способствовало постепенному становлению нового капиталистического способа производства. Таким образом, XVII в. стал заключительным этапом древнерусской истории, всем ходом развития которой были созданы предпосылки для коренных преобразований последующего столетия.

Эпоха Петра I открыла качественно новый период в истории всей страны, которая, благодаря петровским реформам, превратилась в обширную многонациональную Российскую империю и заняла ведущее место среди великих мировых держав. Однако для Северного края эта бурная эпоха стала началом упадка, обусловленного открытием нового пути в Западную Европу через Балтийское море. Путь этот был значительно короче и удобнее Северного морского пути, и поэтому древняя Сухоно-Двинская магистраль утратила свое былое значение, а Архангельск уже не мог соперничать с вновь основанным Петербургом, который с 1708 г. становится главным внешним портом России. Так города Северного края остались в стороне от новых торговых путей Российской империи, что подорвало основы их экономического развития.

Однако судьба Великого Устюга отличалась от судеб других городов Северного края. Причиной этому послужили длительные и удобные связи Устюга с богатыми землями Сибири, сыгравшей решающую роль в развитии экономики города, которая, несмотря на утрату прежнего значения Сухоно-Двинской магистрали, продолжала интенсивно развиваться за счет обширного сибирского торга. Все внимание предприимчивые устюжане обратили теперь на восток и, продолжая дело своих знатных земляков — землепроходцев XVII в., отважно отправились на исследование новых, еще неизведанных областей этого богатого края.

В 1745 г. устюжский мастер-серебряник Михаил Неводчиков исследовал Алеутские острова; в 1748 г. устюжанин Афанасий Бахов совместно с якутским купцом Новиковым во время плавания в северо-восточных водах Тихого океана впервые увидел неизведанные ранее

Вид на северо-восточную часть центрального района города с колокольни Мирносицкой церкви. На переднем плане слева — церковь Вознесения; справа — так на-

зываемый Земляной мост; вдали слева направо: Спасо-Преображенская церковь, Владимирская надвратная церковь, Сретенско-Преображенская церковь, собор Ми-

хайло-Архангельского монастыря с трапезной и церковью Введения. Снимок выполнен в 20-х годах XX в. А. Х. Седельниковым

северные берега Америки и фактически открыл этот новый континент с севера; в 1764 г. устюжский купец Василий Шилов составил карту Алеутских островов и принял активное участие в их освоении, за что получил от Екатерины II медаль «За усердие о взыскании за Камчаткою новых островов».

В результате этих исследований в 1798 г. была организована Российско-Американская торговая компания, директором которой стал устюжский купец Михаил Булдаков. Эта компания пользовалась всеми промыслами, расположенными по северным берегам Америки, на Алеутских, Курильских и на других островах, «по Северо-Восточному океану лежащих», которые были превращены в обширные русские колонии, где устюжане добывали огромное количество ценной пушнины. Кроме того, после заключения русско-китайского договора (1727 г.) они организуют свое торговое общество в пограничном городе Кяхте, превратившемся в основной центр русской торговли с Китаем. Так установились еще более тесные связи Великого Устюга с Дальним Востоком и Сибирью, благодаря чему в это время даже сложилась поговорка о том, что «в Сибири ни одно дело без устюжан не обойдется». Одновременно в Великом Устюге продолжали интенсивно развиваться промышленность, разнообразные ремесла и художественные промыслы, благодаря чему он и в XVIII в. сохранил значение крупного

торгово-промышленного центра и избежал упадка, постигшего другие города Северного края.

Во время правления Екатерины II Россия в результате русско-турецких войн получила выход к южным морям, что способствовало дальнейшему расцвету экономики страны. Однако для Великого Устюга это послужило началом упадка, так как сибирские товары с Камы теперь стали следовать прямо по Волге, откуда открылись удобные пути на юг. Еще большее значение эта магистраль приобрела после завершения строительства Волго-Балтийской искусственной водной системы (1810 г.), которая соединила волжский бассейн с реками, впадающими в Балтийское море. Таким образом, Волга превратилась в основной водный путь, связавший внутренние районы страны, включая Урал и Сибирь, с южными и западными портами России, и весь транзитный товарооборот, следовавший некогда через Великий Устюг, теперь пошел по Волге. В 1869 г. в связи с открытием движения по Суэцкому каналу утратила свое значение и Кяхта, служившая ранее основным центром русско-китайской торговли, что привело к полному разорению расположенного там устюжского торгового общества. Но окончательный удар экономике города был нанесен во второй половине XIX в., когда развернувшееся по всей стране интенсивное строительство железных дорог обошло Великий Устюг стороной и он остался вдалеке от новой транспортной сети России. Таковы были исторические причины заката былой славы Великого Устюга, который в XIX в. полностью утрачивает свое прежнее значение.

* *
*

Древнейшие памятники устюжского искусства не сохранились до нашего времени, поэтому судить о художественном развитии города на раннем этапе очень трудно. Однако очевидно, что уже в XII—XIII вв., благодаря тесным связям с Ростовом, в Устюг проникают лучшие традиции владими́ро-суздальского искусства, которое в то время переживало период блестящего расцвета и представляло собой ведущую линию в развитии всей древнерусской художественной культуры. Одновременно в устюжском искусстве складываются те характерные местные черты, которые были обусловлены спецификой его исторического развития. Удаленность Устюга от центра и от великокняжеской власти способствовала относительной его самостоятельности, благодаря чему народное, демократическое начало здесь играло решающую роль в формировании художественной культуры, а фольклор стал основой развития всех видов искусства этого края. Кроме того, значительно слабее было на севере и влияние христианской церкви, поэтому здесь дольше, чем в других районах страны, держались древние языческие верования, определившие общий характер излюбленных народом образов. Этой связью с народным творчеством и с многовековыми местными художественными традициями была обусловлена самобытность и оригинальность произведений устюжских мастеров, которые всегда творчески перерабатывали любые влияния извне. Блестящее художественное наследие Владимиро-Суздальской Руси здесь

сочеталось с местными народными традициями, и тем самым уже на раннем этапе были заложены основы формирования самостоятельной устюжской художественной школы.

Один из наиболее прогрессивных периодов в развитии всей древнерусской истории — период образования централизованного государства — сопровождался блестящим расцветом культуры и искусства, а также широким размахом строительства. В это время значение главного художественного центра страны окончательно приобретает Москва, искусство которой, как могучее эхо, нашло отклик в искусстве отдельных областей. Большую роль сыграло оно и в формировании устюжской художественной школы, где эта преемственность была обусловлена не только политической обстановкой того времени, но и всем предыдущим ходом развития устюжского искусства, ведущего свое начало от одного общего с искусством столицы корня — от культурного наследия Владимиро-Суздальской Руси. Одновременно устюжские мастера продолжали следовать установившимся местным художественным традициям, создавая на этой основе оригинальные и самобытные произведения. Таковы были те главные источники, которые сыграли решающую роль в дальнейшем развитии устюжской архитектуры и градостроительства, изобразительного искусства и художественных промыслов.

Особенно ярко самобытные черты народного творчества сказались в совершенных формах северных деревянных построек, а сам Устюг, вплоть до середины XVII в. не знавший другого строительного материала, кроме дерева, представлял собой один из крупнейших центров деревянного зодчества, основанного здесь на многовековых художественных традициях. В настоящее время древние деревянные сооружения Великого Устюга полностью утрачены. Однако до нас дошли их описания и изображения, которые свидетельствуют о широком размахе устюжского деревянного строительства и заставляют поражаться красоте общегородского ансамбля, неповторимо своеобразного в его бесконечных вариациях темы величественного шатрового храма с многочисленными колокольнями, живописными монастырями и жилыми домами, заключенными в суровую раму крепостных сооружений.

Самые ранние из сохранившихся до наших дней памятников устюжской архитектуры относятся к середине XVII в. и связаны с освоением нового строительного материала — кирпича, который постепенно сменяет дерево вначале в церковных, а позднее и в жилых постройках, в результате чего вторая половина XVII в. становится для Великого Устюга периодом расцвета его каменного культового зодчества. В это время искусство Великого Устюга продолжало развиваться как одна из ветвей общерусского искусства со всеми свойственными ему чертами, одновременно отличаясь существенными местными особенностями.

Общий подъем экономики Устюга, превратившегося в XVII в. в один из крупнейших торгово-промышленных центров страны, способствовал блестящему расцвету всех отраслей его хозяйственной и культурной деятельности. Кроме того, уже в начале столетия Устюг, не испытывавший разорения интервентами, оказался в выгодном положении. И в то

время, когда многие города Русского государства вынуждены были заниматься восстановительными работами, в Устюге не прекращалось интенсивное поступательное развитие всех видов искусства. Чрезвычайно важную роль сыграло также и то, что в Устюге не было именитой феодальной знати — бояр и дворян, которые, финансируя строительство, стремились перещеголять друг друга в пышности и «изукрашенности» сооружений, в результате чего в архитектуре «царственной Москвы» появляются те сложные, вычурные и перегруженные деталями постройки, которые отображали эстетические вкусы отживающего свой век реакционного класса феодалов. И, наконец, Устюг не знал крепостного права, угнетавшего и иссушавшего творческие силы народа, и здесь, в силу специфики хозяйственного развития, широкие народные массы — начиная от посадского люда и кончая черносошным крестьянством — занимались разнообразными промыслами и тем самым принимали активное участие в художественной жизни города. Благодаря этому народное, демократическое начало и на этом этапе продолжало играть определяющую роль в развитии местной художественной школы, а животворящее влияние народного творчества способствовало расцвету устюжского искусства и явилось главной причиной его своеобразия.

Не следует забывать, однако, что все идеологические движения в условиях средневековья облекались в религиозную форму, а церковное зодчество вплоть до конца XVII в. продолжало играть преобладающую роль в устюжском монументальном каменном строительстве. Богатые монастыри и духовенство выкачивали из хозяйства города все соки на строительство многочисленных культовых сооружений. При этом церковь оказывала сильное влияние на развитие всех видов искусства того времени. Она духовно угнетала народ, навязывала народу реакционную идеологию господствующего класса и эксплуатировала искусство в своих интересах. В этом причины противоречивости идейно-эстетического содержания устюжских культовых сооружений, где прогрессивные народные начала скрещиваются с мистическими чертами, а глубоко народная строгость общей композиции зданий и сооружений контрастирует с чрезмерной изощренностью отдельных элементов убранства храмов, особенно в резьбе иконостасов и в рисунках богатых ювелирных изделий.

Таким образом в архитектуре этого периода отчетливо сказались противоречия между гением мастеров, вышедших из народа, и ограниченными творческими возможностями, которыми они располагали, выполняющая социальные заказы духовенства и будучи стеснены узкими рамками церковного зодчества.

Вместе с тем основным источником вдохновения для устюжских зодчих всегда служила неиссякаемая сокровищница народного творчества. Развивая основной тип кубического пятиглавого храма, ставшего после реформы Никона каноническим, устюжские мастера сумели придать всем этим по существу типовым сооружениям неповторимое разнообразие и те особые, местные черты, которые формировались здесь в течение предыдущих столетий на основе органической преемственности, характерной для развития всего древнерусского искусства. Эти особенности выразились в сравнительной простоте, монументаль-

ности и конструктивной логичности, унаследованных устюжской каменной архитектурой от предшествовавшего ей деревянного зодчества и выгодно отличающих местные памятники от многих чрезмерно усложненных столичных сооружений этого периода. Тесная связь с народным творчеством придала постройкам Великого Устюга особенно жизнерадостный «мирской» характер, и в то же время именно эта связь чаще всего уберегала устюжскую архитектуру от характерной для XVII в. перегруженности деталями, которая была чужда искусству простого народа, всегда, во всех своих «узорочьях» тонко сохранявшего чувство меры.

В это время широкое развитие получило в Великом Устюге декоративное и прикладное искусство, наиболее тесно связанное с народным творчеством и в бесконечном многообразии своих форм отображающее вкусы, мечты и чаяния простого народа.

И, наконец, устюжские зодчие XVII в. проявили себя выдающимися мастерами в наиболее сложной области архитектурного творчества — в градостроительстве. Продолжая следовать лучшим традициям своих замечательных предшественников, они закрепили древнюю топографию Устюга новыми живописными и нарядными постройками и тем самым внесли неоценимый вклад в развитие ансамбля этого красивейшего из городов Русского Севера. Так XVII век стал для Великого Устюга поистине «золотым веком» в развитии его художественной культуры.

Развитие русской культуры XVII в. подготовило условия для знаменитых петровских преобразований, положивших начало новой русской национальной культуре, которая в результате общего процесса «обмирщения» постепенно освобождается от идейных оков церковного мировоззрения и переходит на путь светский. Эти новые принципы нашли свое отображение в различных отраслях устюжского искусства первой половины XVIII в. Но особенно ярко сказались они в архитектуре, где на смену каноническому пятиглавому храму приходит компактная и динамичная композиция высотного ярусного сооружения, близкого к памятникам так называемого московского барокко и вместе с тем основанного на преемственном развитии многовековых традиций северного деревянного зодчества. Возводятся эти храмы «иждивением» местного купечества, богатство которого продолжает расти за счет сибирского торгового дела, поэтому размах строительства Великого Устюга в первой половине XVIII в. не уступает предыдущему столетию, а значительное число дошедших до наших дней памятников устюжского церковного зодчества относится именно к этому периоду.

В середине XVIII в. в убранстве построек Великого Устюга прослеживается влияние декоративных форм московского барокко, которые к концу столетия в связи с дальнейшим развитием реалистических тенденций сменились строгими и сдержанными приемами классицизма. Эти черты в архитектуре жилых домов проявились значительно ярче, чем в культовом зодчестве, которое в это время постепенно идет на убыль в связи с общей тенденцией преобладания гражданского строительства над церковным. И если во второй половине XVII и в первой половине XVIII в. архитектуру города определяли главным образом культовые сооружения, то уже с середины XVIII в. в устюжском строи-

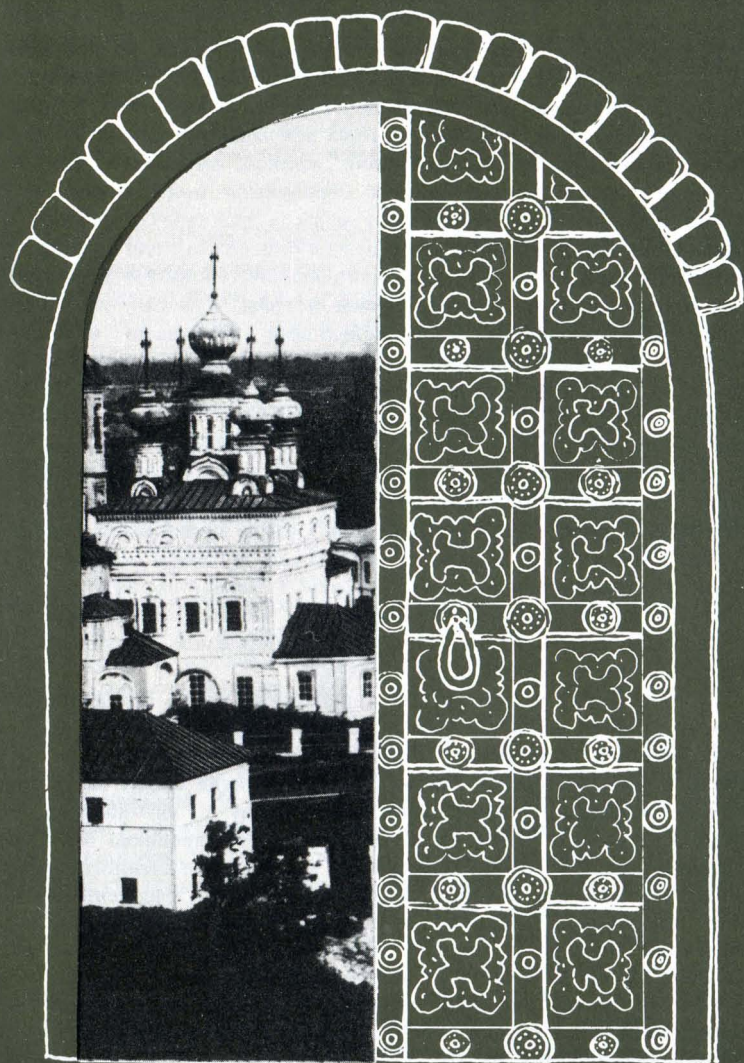
тельстве возрастает удельный вес жилых и общественных зданий, отражая тем самым общерусский процесс упрочения светской культуры. В это время так же, как в предыдущие периоды, столичные влияния скрестились с местными традициями, что придало устюжским памятникам неповторимый характер.

Дальнейшее развитие получили в XVIII в. разнообразные виды устюжского декоративного и прикладного искусства, из которых особого расцвета достигли ювелирное дело, изготовление архитектурной облицовочной керамики, а также искусство резьбы иконостасов, пышное богатство которых завершило многовековой местный опыт художественной обработки дерева.

XVIII в. стал также периодом больших достижений в области русского градостроительства, основой которого в это время становится так называемая регулярная планировка, получившая широкое развитие во второй половине столетия, когда по указу Екатерины II «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» сотни русских городов получили новые планы. К числу этих городов относится и Великий Устюг, история перепланировки которого представляла сложный и длительный процесс, завершившийся в 1804 г. созданием нового плана, который подобно планам многих русских городов был положен в основу всей дальнейшей застройки и определил общую структуру города нашего времени.

глава
вторая

РАЗВИТИЕ ПЛАНИРОВОЧНОЙ СТРУКТУРЫ ГОРОДА

Природные условия и топография города

Основной причиной бурного роста и блестящего расцвета древнего Устюга послужило чрезвычайно выгодное его географическое положение на важнейших водных путях Северного края. Здесь главные реки Заволочья — Сухона и Юг соединились, «сдвинулись» и дали начало Малой Северной Двине, открывающей выход в «великое море — океан».

Вся история Устюга связана с Сухоной — одной из красивейших рек русского Севера. То спокойная и величественная, то бурная и стремительная, река эта необычайно переменчива и капризна. Весной, как у всех северных рек, верховья Сухоны вскрываются раньше, чем устье, что становится основной причиной ледяных заторов и наводнений. Особенно часто весенние заторы образуются при слиянии Сухоны и Юга, где обе реки устремляют воды в зажатое островами русло Малой Северной Двины. В связи с этим в поисках выхода Сухона в районе Устюга трижды меняла свое направление. Наиболее древнее русло реки проходило близ отрогов Красной горы, а место его вплоть до наших дней отмечено многочисленными старицами и болотами. В IX—X вв. река образовала крутую излучину и повернула на юг, где на высокой горе возник древний город Гледен. В начале XIX в. Сухона в третий раз изменила направление: значительно спрямив свое русло, река прорвалась к Двине и, отойдя от Гледена, берега которого она подмывала в течение нескольких столетий, оставила за собой широкую заболоченную пойму. Но и это не успокоило реку. Ежегодно во время весенних паводков Сухона продолжает обрушивать на город массы воды и льда, а устюжская летопись пестрит сообщениями о страшных наводнениях. Лишь с середины XIX в., в связи с сооружением земляной дамбы между 1-й и 2-й частями города и строительством укреплений городской набережной, удалось несколько отрегулировать весенний режим Сухоны.

Великий Устюг расположен на территории Северо-Двинской долины, которая тянется вдоль Сухоны и Северной Двины, а в районе Устюга расширяется и приобретает характер обширной, значительно заболоченной поймы. Северные Увалы, представляющие собой часть древней «страны волоков», ограничивают эту долину с юго-востока и при слиянии Сухоны с Югом образуют знаменитую древнюю гору Гледен. С северо-запада к городу подступают отроги возвышенного плато Сухонского Заволочья, которые сходят к реке резко очерченными широкими террасами. I нижнюю террасу образуют «бечевник» и низкие, пойменные луга; на II террасе расположена современная юго-восточная часть города (2-я часть), а высота ее составляет 2—4 м над уровнем реки и во время весенних паводков частично затопляется водой; центральный район города (1-я часть) занимает территорию III террасы, которая возвышается на 10—12 м и никогда не подвергается затоп-

лению, и, наконец, IV терраса (Красная гора) имеет высоту от 20 до 30 м. Она ограничивает с севера основную часть города, а выше по течению реки приближается к самому берегу, достигая в районе Гребешка наибольшей в окрестностях Устюга высоты — 57 м. Глубинную часть этого плато занимает обширное верховое Трепагино (Богородское) болото, которое служит источником многочисленных ручьев, образующих у подножия Красной горы систему болот и мелких озер. Сток из них осуществляется в Сухону большим ручьем, получившим в XVII в. название Немчинова. Этот ручей протекает по дну обширного оврага и, разграничивая основные террасы, играет роль естественной границы между 1-й и 2-й частями города.

Особенности природного ландшафта всегда играли определяющую роль в формировании структуры древнерусских городов. Поскольку города закладывали, как правило, на высоких берегах рек, постольку анализ форм естественного рельефа и начертания русел рек и ручьев нередко дает ключи к разгадке вопросов древнейшего освоения территории.

Так, можно предполагать, что первоначальное расселение началось здесь с высоких отрогов Красной горы, которые омывались водами Сухоны. Изменение русла реки в IX—X вв. создало условия для преимущественного развития Гледена.

Освоение территории Устюга началось с наиболее благоприятной по своим природным условиям III террасы берегового рельефа. При этом можно предполагать, что ландшафтными особенностями объясняется и древнее название места основания Устюга «Черный Прилук», поскольку дремучие «черные» боровые леса подступали к самой излучине «луке» Сухоны. Вместе с тем весьма вероятной является и гипотеза М. П. Кудрявцева, который трактует название «черный» в распространенном на Руси смысле: «зависимый», что свидетельствует о зависимости Устюга на раннем этапе развития от более могущественного Гледена.

Основное богатство русского Севера, начиная с раннего периода его освоения и вплоть до наших дней, составляет лес. Дремучие боровые леса простирались на сотни километров, покрывая всю территорию Северного края, поэтому для Устюга дерево было тем основным местным материалом, который нашел самое широкое применение как в хозяйственной, так и в художественной жизни города. Вплоть до середины XVII в. дерево служило здесь главным и единственным строительным материалом. Из дерева выполнялись также предметы домашнего обихода и прекрасные произведения изобразительного, прикладного и декоративного искусства. На освобожденных из-под леса территориях создавались благоприятные почвенные условия для произрастания льна. Поэтому лен уже с древнейших времен стал для Устюга одной из основных сельскохозяйственных культур, на базе которой широкое развитие получило здесь льнопрядильно-ткацкое производство.

Важнейший местный материал также красная глина, залежи которой находятся как в пределах города, так и в его окрестностях. Уже в глубокой древности в Устюге развивается гончарное дело. Но особенно широкое использование устюжские глины получили в XVII в.,

когда здесь было основано производство кирпича и архитектурной облицовочной керамики, которые постепенно сменили дерево и с середины столетия стали основным строительным и декоративным материалом. В районе Опок на базе местных материалов уже в древности было основано производство извести, получившей широкое применение в строительстве устюжских кирпичных зданий XVII—XVIII вв.

В XVI в., после включения всего Северного края в состав централизованного Русского государства, были созданы благоприятные условия для установления постоянных и прочных связей Устюга с близлежащими районами. С этого времени в город, не имеющий собственных запасов строительного камня, начинают завозить с берегов Сухоны, Ерги, Уфтюги, Стрельни и Юга песчаник и известняк. Берега Северной Двины, и особенно бассейн Вычегды и Сысолы, были богаты железными рудами, первичный продукт обработки которых — «кричное железо» — также в изобилии начинает поступать на устюжский рынок, благодаря чему здесь была создана сырьевая база и для металлообрабатывающей промышленности. Таким образом, уже в XVI—XVII вв. Великий Устюг был обеспечен всеми материалами, необходимыми для всестороннего хозяйственного и художественного развития города.

Проблемы первоначального заселения территории города

Основные водные пути Северного края — Сухона, Юг и Двина — способствовали раннему заселению широкой и плодородной долины, расположенной при слиянии рек. Поэтому очевидно, что местное чудское население обитало здесь уже в глубокой древности. Подобно раннеславянским городищам, поселения располагались чаще всего группами, что облегчало их совместную оборону.

По предположению местного историка В. П. Шляпина, укрепленные родовые поселения в окрестностях Устюга существовали на Гребешке, в устье реки Вздвиженки, на Красной горе, близ села Городище, на месте древнего Гледена и, возможно, на территории самого Устюга. Из них наиболее ранним, вероятно, было городище, расположенное в излучине реки выше города на высоком мысу, названном позднее Гребешком. В настоящее время о существовании здесь укрепленного родового поселения напоминают лишь характерные остатки древней топографии верхней площадки этого мыса (земляной вал и ров), откуда открывается одна из лучших видовых точек на Устюг и его окрестности¹⁰. Позднее эти древнейшие поселения были покинуты его обитателями, и только городище, существовавшее при слиянии Сухоны и Юга, дало начало Гледену — одному из древнейших городов Северного края, старшему брату Устюга. Таким образом, в IX—XI вв. здесь происходили процессы, аналогичные процессам образования многих древнерусских городов, когда из группы языческих городищ дальнейшее развитие получали лишь те из них, которые отличались наиболее благоприятными топографическими условиями и по своему местоположению обеспечивали возможность интенсивной торгово-ремесленной деятельности населения.

Схема первоначального освоения территории города

1 — предполагаемое место Гледена; 2 — Троице-Гледенский монастырь; 3 — Соборное двориче-

детинец; 4 — Михайло-Архангельский монастырь; 5 — Иоанно-Предтеченский монастырь; 6 — территория устюжского посада и древнейшей Леонтьевской сло-

боды; 7 — крепость Городище Римскими цифрами на чертеже обозначены террасы берегового рельефа

В вопросе первоначального освоения территории самого Устюга в литературе установилась точка зрения Б. И. Дунаева, который считал, что древнейшим укрепленным ядром города было так называемое Городище. Расположенное на возвышенном мысу, образованном рекой и впадающим в нее ручьем, и укрепленное внушительными, хорошо сохранившимися до наших дней земляными валами, Городище по своему виду действительно напоминает древние поселения домонгольского периода. Однако сопоставительный анализ хронологии основных градообразующих комплексов города вызывает сомнения в правильности гипотезы Дунаева. Так, сам город был заложен в середине XII в., а Успенский собор — в конце XIII в.; первые же укрепления посада, в черту которых была включена и территория Соборного дворища, возникли лишь в 1438 г. Следовательно, по теории Дунаева оказывается, что главный храм Устюга с момента своего основания и до укрепления, т. е. почти полтора столетия, был расположен за пределами городских стен, на расстоянии около 1 км от кремля. Для объективной оценки такого предположения полезно сравнить Устюг с другими древнерусскими городами, история развития которых свидетельствует о том, что положение главного собора, как правило, определяет место древнего городского центра — кремля. Поэтому трудно представить, чтобы в период бесконечных феодальных войн в Устюге, расположенном на бойких транзитных водных путях, главный собор столь долгое время мог оставаться незащищенным. Кроме того, устюжский Успенский собор был деревянным, что еще больше усиливало опасность его разрушения. А если к тому же учесть, что подобно другим древнерусским сооружениям этого типа он служил не только центром религиозной жизни города, но также архивом, библиотекой, хранилищем казны и представлял собой сооружение, уникальное по «величеству» и красоте, то станет очевидной противоречивость гипотезы Дунаева.

Одного из первых и наиболее последовательных историков Устюга В. П. Шляпина серьезно занимала проблема первоначального освоения территории города, и он в одной из своих ранних работ высказал предположение о том, что заселение города шло не от Городища, а от Успенского собора. Однако после издания трудов Дунаева Шляпин, очевидно под их влиянием, отказался от своих ранних предположений и, присоединившись к точке зрения Дунаева, позднее подробно ее развил¹¹.

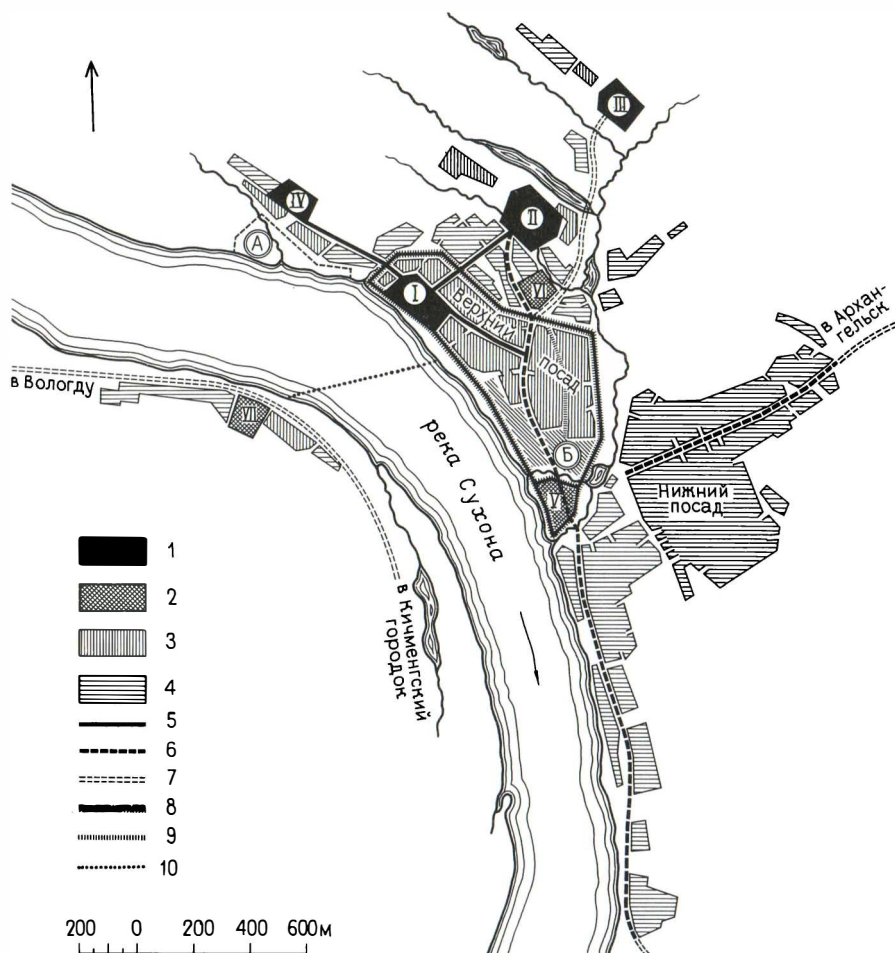
Нередко ключи к разгадке подобных вопросов дают исследователям летописные источники. При устюжском Успенском соборе летописание регулярно велось уже с середины XIII в. Но поскольку собор этот был деревянным и часто страдал от пожаров, выгорая до основания примерно каждые сто лет, постольку естественна утрата древнейших местных летописных материалов. Деятельность известных нам так называемых устюжских летописцев относится к последней четверти XVIII и к XIX в.¹², их поздние работы отличаются значительными неточностями, поэтому использовать их можно только как подсобный материал. Наиболее достоверные данные по древней истории Устюга содержит «Устюжский летописный свод» (Архангелогородский летописец)¹³, в котором все материалы местных авторов уточнены на основе других общерусских летописей, и поэтому ранний период истории города здесь освещен более

Схема исторического развития плана города:

I — Соборное дворще-детинец (середина XII в.); *II* — Михайло-Архангельский монастырь (1212 г.); *III* — Иоанно-Предтеченский монастырь (1262 г.); *IV* — Леонтьевская слобода (XIII в.); *V* — крепость Городи-

ще (1399 г.); *VI* — Спасо-Преображенский монастырь (1422 г.); *VII* — Дымковская слобода (середина XIV в.); *A* — предполагаемое место древнего торга; *B* — торговый центр города XIV—XVII вв.; *1* — основные комплексы XII—XIII вв.; *2* — основные комплексы XIV—XV вв.; *3* — застройка

XIV—XV вв.; *4* — застройка XVI—XVII вв.; *5* — основные магистрали XII—XIV вв.; *6* — основные магистрали XV—XVII вв.; *7* — внешнегородские дороги; *8* — оборонительные сооружения XIV—XVII вв.; *9* — предполагаемое место восточной крепостной стены 1438 г.; *10* — перевоз

достоверно, но чрезвычайно кратко и в основном отмечает события общеполитического значения. В связи с этим и летописные источники не дают ответа на вопрос о первоначальном освоении территории Устюга.

Таким образом очевидно, что для изучения раннего периода развития Устюга, так же как и других деревянных и полностью исчезнувших городов, только археология может обеспечить достаточно надежные и достоверные сведения. И, действительно, уже первые раскопки, проведенные на территории Городища в 1959—1960 гг. группой специалистов Института археологии Академии наук СССР под руководством А. В. Никитина, установили, что комплекс этот имеет позднее, послемонгольское происхождение, а самые древние из обнаруженных здесь археологических находок датируются началом XV в. Эти данные опровергли теорию возникновения Устюга от Городища, хотя и не дали прямого ответа на вопрос о первоначальном освоении территории города. Однако благодаря исключению Городища из числа его древнейших градообразующих комплексов наиболее вероятным представляется вариант образования первичного ядра города на территории Соборного дворища. Поэтому древний устюжский кремль следует искать именно в этом районе. Вместе с тем необходимо отметить, что окончательный ответ на этот вопрос могут дать только систематизированные археологические исследования всего устюжского посада.

Большой вклад в изучение вопросов развития Устюга на ранних этапах внесли работы Института теории и истории архитектуры (ЦНИИТИА) по ретроспективной реконструкции древней структуры этого города, выполненные в 1971—1974 гг. под руководством М. П. Кудрявцева в качестве предпроектных исследований для последующей реконструкции города. На основании имеющихся материалов, а также по аналогии с другими древнерусскими городами в настоящее время можно представить себе примерную картину раннего этапа развития города.

В своем стремлении закрепиться на стыке важнейших водных путей Заволочья основатели Устюга — выходцы из Ростово-Суздальской земли — выбрали место на левом берегу Сухоны, в 4 км выше расположенного при слиянии Сухоны и Юга древнего города Гледена. Можно предполагать, что Устюг был заложен как один из форпостов Гледена. Выбор места для строительства Устюга был продиктован, в первую очередь, стратегическими соображениями, и в этом вопросе местные мастера следовали традиционным приемам древнерусского градостроительства. Город был основан в излучине реки на высоком коренном берегу. Такое местоположение позволяло видеть подступающего к городу неприятеля уже издали, что было одним из важнейших условий успешной обороны. Крутые береговые откосы облегчали устройство городских укреплений, а прилегающие к городу плодородные земли широкой речной поймы, так называемое сполье, обеспечивали успешное развитие земледелия. Кроме того, близ вновь основанной крепости несколько выше по течению реки бровка нагорья отступала от берега, создавая условия для развития столь типичного в структуре древнерусского города «подола». Здесь, в устье впадающего в Сухону безымянного ручья, по-видимому, и возникла первая пристань, при которой постепенно начал развиваться древний устюжский торг.

Уже с момента своего основания призванный играть роль крайнего на северо-восточных границах форпоста Ростово-Суздальской земли, Устюг превратился в типичный для своего времени город-крепость. Его древнейшие оборонительные укрепления, построенные около середины XII в., состояли из земляного вала — «осыпи», дополнительно усиленного деревянной стеной — «острогом». Первое летописное упоминание этих укреплений относится к 1212 г. и связано с основанием Михайло-Архангельского монастыря, который, по рассказу летописца, был заложен близ «новонаселенного» города «за острожную осыпьку» (выделено мною — В. Ш.). Это сообщение чрезвычайно ценно тем, что, подтверждая существование ранних городских укреплений и определяя их общий характер, оно дополнительно свидетельствует в пользу предположения об образовании первичного ядра города именно в районе Успенского собора, так как в этом случае Михайло-Архангельский монастырь располагался буквально за городскими укреплениями. В то же время от Городища монастырь оказался далеко в стороне, и подобное определение места монастыря летописцем вряд ли было бы возможно.

Из-за отсутствия детальных археологических исследований территории устюжского Соборного дворища в настоящее время не представляется возможным определить точное место, границы и характер застройки древнего кремля. Однако, по аналогии с другими древнерусскими городами, можно предполагать, что под защитой городских укреплений здесь разместились сооружения административного и общественного характера, жилища основателей города, сторожевые и «осадные дворы», а также первая деревянная церковь, на месте которой в 1290 г. и был построен Успенский собор. Издавна на территории устюжского кремля находились владения ростовских митрополитов — «старый владычен двор», а также княжеская резиденция, куда, по сообщениям летописцев, нередко приезжал ростовский князь Константин Борисович. Можно предполагать, что крепость по конфигурации была близка к полукругу, а основу ее планировки образовали две улицы, из которых одна пролегла параллельно берегу реки, а вторая перпендикулярная ей, связала Соборное дворище с Михайло-Архангельским монастырем.

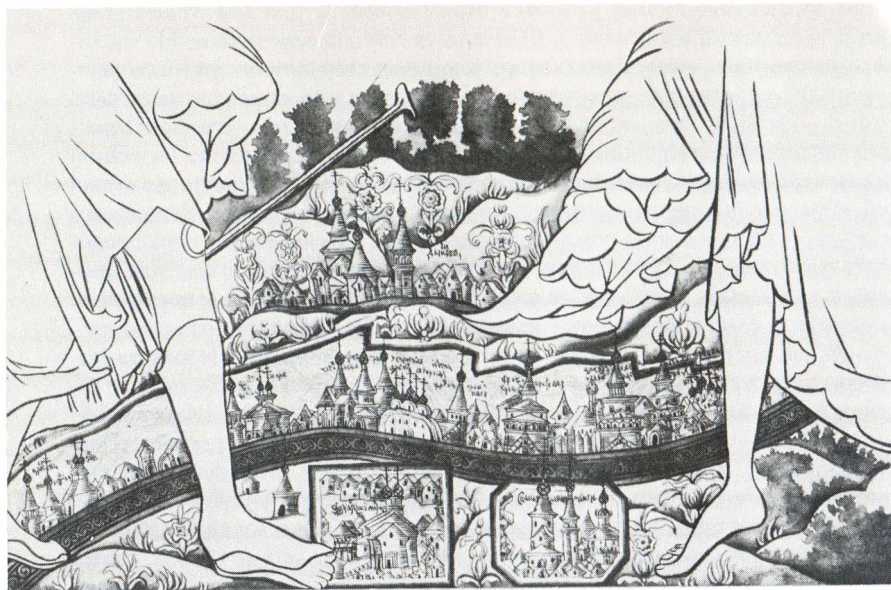
Одновременно с крепостью на устюжском «подоле» возник и начал развиваться торг, близ которого на возвышенной бровке нагорья была заложена древнейшая приходская церковь. Эта церковь была освящена в честь ростовского епископа Леонтия, а самое название церкви, так же как и название главного собора города «Успенский», дополнительно свидетельствуют об установившихся уже в этот ранний период тесных связях Устюга с Ростовом. К числу ранних комплексов города следует отнести также и Иоанно-Предтеченский монастырь, который был основан в 1262 г. на живописных отрогах Красной горы за Михайло-Архангельским монастырем. Таким образом, Устюг XII—XIII вв. представляется значительным и весьма типичным для своего времени укрепленным пограничным городом с пристанью, торгово-ремесленной слободой и двумя укрепленными монастырями на подступах к городу по главной сухопутной дороге из Красноборска.

Без специальных археологических исследований трудно предположить, когда образовался второй торгово-ремесленный посад, который

Фрагмент иконы «Проконий и Иоанн устюжские» с изображением панорамы Велико-

го Устюга середины XVII в. Икона хранится в музее села Коломенского под Мо-

сковой. Копия иконы графически обработана автором.

начинает интенсивно развиваться вниз по течению реки на юго-восток от Соборного дворища. Здесь возвышенное и ровное плато III террасы берегового рельефа создавало наиболее благоприятные условия для заселения, тогда как выше по течению реки, вскоре за Леонтьевской церковью, рельеф местности значительно понижался, образуя обширную заболоченную долину. Этими особенностями местной топографии и объясняется одностороннее развитие устюжского посада. Природными условиями был вызван, очевидно, и перенос древнего торгова, низменная территория которого периодически затоплялась во время бурных весенних паводков, что исключало возможность полноценного использования и застройки «подола». Так, древний торгов, первоначально удовлетворявший скромным потребностям города, в процессе дальнейшего развития оказался недостаточным и был вместе с пристанью перенесен ниже по течению реки. Здесь быстро стала расти вторая торгово-ремесленная слобода с церквями Никольской и Рождественской. В истории древнерусского градостроительства нередки были подобные случаи переноса первоначального торгова на новое, более благоприятное место, обеспечивающее его беспрепятственный рост, и в этом отношении Устюг имел немало аналогий.

В 1398 г. летописцы отмечают одно из самых разрушительных нашествий на Устюг новгородцев, которые «... город Устюг повоевав и пожгоша, и стояша на Устюге четыре недели»¹⁴, а, отступая от Устю-

га, разграбили и подожгли Успенский собор и увезли в Новгород все лучшие устюжские иконы. Летопись рассказывает также, что новгородцы «...пожгоша и волости многие повоеваша, а города Гледена не могоша взять»¹⁵. Следовательно, в это время Гледен был укреплен лучше, чем Устюг, старые крепостные стены которого обветшали и уже не могли в случае опасности вместить значительно возросшее население торгово-ремесленного посада. Это нашествие послужило толчком к строительству третьего в Устюге, Покровского, монастыря, который был заложен близ нового торгового мыса на возвышенном мысу, образованном рекой и оврагом, по дну которого протекал ручей, названный позднее Немчиновым. В отличие от двух древнейших устюжских монастырей, расположенных в глубине территории, этот комплекс возник на самом берегу. Именно поэтому военная функция здесь взяла верх над функцией религиозной и Покровский монастырь был построен как крепость. Вокруг монастыря были возведены земляные валы, которые так хорошо сохранились до наших дней. А с северной стороны, где подступы к монастырю не были защищены природными условиями, устюжане вырыли искусственный ров, земля из которого могла быть использована при устройстве валов. Так новая крепость была превращена в неприступный остров, со всех сторон окруженный водой и связанный с торгом подъемным деревянным мостом.

Именно в это тревожное время, очевидно, были построены первые укрепления устюжского посада в виде земляной «осыпи» с деревянной стеной — «острогом». А летописец отмечает, что в 1399 г. «... на посаде обложили город около святого Покрова Пречистые Богородицы монастыри»¹⁶. Эта система примкнула к северным угловым башням Покровского монастыря и окружила торгово-ремесленный посад с Рождественской и Никольской церквями. Северную границу этих укреплений, по предположениям М. П. Кудрявцева, следует искать на месте бывшей улицы Рождественской. Там, на остром мысу, при слиянии двух рек, в Устюге возникла типичная для древнерусского градостроительства крепость, аналоги которой прослеживаются в структуре многих городов и, в первую очередь, в структуре Москвы. В литературных источниках XVII в. Покровский монастырь начал именоваться «Городищем». Это название, вероятно, и послужило одной из причин того, что поздние исследователи истории Устюга приписывали Покровскому монастырю — Городищу значение древнейшего ядра города. В связи с этим необходимо отметить, что, следуя древней терминологии, русские называли «городом» и «городищем» всякое укрепленное «огороженное» место. Следовательно, такое название отнюдь не определяет древнего, домонгольского происхождения объекта.

Итак, на рубеже XIV и XV вв. в Устюге сложилась своеобразная двухчастная структура городского центра. При этом древний кремль с Успенским собором превратился в религиозный центр города, а военные функции перешли к новой крепости — Городищу, за стенами которого помимо старой монастырской Покровской церкви были размещены «осадные» дворы и амбары, склады оружия и «зелья» (пороха), сторожевые избы и тюрьмы. Между этими двумя основными узлами города вдоль реки расположились посад и торг. Для правильной оценки такого

приема организации городского центра необходимо отметить, что и в этом отношении Устюг не был исключением, а история древнерусского градостроительства знает немало подобных примеров. Так, в целом ряде старых русских городов (Тула, Галич, Старица, Муром и др.) по различным причинам помимо древнего детинца возникла дополнительно новая крепость, а центр города таким образом получил двухчастную структуру. Фактически два центра существовали и в Новгороде, и в самом Ростове, где после перестройки основного ядра города его древний детинец с главным Успенским собором оказался за пределами стен кремля. Но, пожалуй, ближе всех в этом отношении к Устюгу стоит Смоленск, где в связи со строительством новой крепости детинец приобрел исключительно религиозное значение, в результате чего в городе образовались два центра, между которыми выросли торг и посад.

В конце XIV в. на противоположном берегу Сухоны возникла вторая устюжская слобода — Дымково, а в 1422 г. в развилке дорог, связавших Михайло-Архангельский и Иоанно-Предтеченский монастыри с новым торгом, был основан четвертый в городе, Спасо-Преображенский, монастырь. Таким образом, уже в первой четверти XV в. в Устюге окончательно сложились все те основные градоформирующие «вехи», которые предопределили дальнейший территориальный рост города и его планировочную структуру.

После присоединения к Москве Устюг превратился в важнейший стратегический пункт Московского княжества, поэтому великие князья придавали большое значение его укреплению. Особенно остро вопрос об усилении оборонной мощи города встал в тревожный период развязанной галицкими князьями жестокой феодальной войны, жертвой которой пал ближайший сосед Устюга — древний Гледен. После гледенской катастрофы основная масса населения из разрушенного города переселилась в Устюг, в связи с чем территория устюжского посада значительно возросла. В этих условиях ранние укрепления Устюга оказались явно недостаточными, да и старый способ обороны, когда во время осады все население города бросало свое недвижимое имущество и укрывалось в крепости, теперь был уже неприемлем, так как неминуемо вел к разорению посада и к нарушению всей торгово-ремесленной жизни города. Вот почему в 1438 г. Василий II Темный распорядился о строительстве в Устюге новых укреплений вокруг всего посада, в результате чего «...на посаде, в Черном Прилуке, сделана большая осыпь и город деревянный с башнями от Покровского монастыря, что ныне именуется Городище, даже и по забору окруженный»¹⁷. Таким образом, новые укрепления представляли собой типичное для своего времени оборонительное сооружение, а в их черту помимо посада были включены также и оба устюжские центра — древняя Соборная группа и Городище. Однако укрепления эти охватывали территорию, вероятно, меньшую, чем поздние городские стены, известные нам по описаниям сотных и писцовых книг XVII в.

В течение насыщенного военными событиями XV в. Устюг продолжал оставаться основной опорой Москвы на севере и вел активную борьбу за объединение русских земель. В это время сам Устюг неоднократно подвергался нападению соседей: его осаждали и новгородцы, и двиняне,

и вятчане, и казанские татары. Однако обветшавшие к тому времени первые укрепления устюжского посада уже не могли удовлетворить новым условиям обороны. Поэтому в 1478 г. Иван III «... прислал гонца на Устюг ... а велел ставити город Устюг новой, а старой разваляти»¹⁸. Новые укрепления города, по сообщению летописца, были построены с значительным «распространением оногo», поэтому они в отличие от «Старой осыпи» и первых укреплений посада получили название «Большого Нового острога» и, окончательно закрепив границы устюжского посада, определили место более поздних его укреплений. В это время, по-видимому, был вырыт и новый ров, который соединил Сухону с оврагом Немчинова ручья и дополнительно защитил новые стены с севера. Так к концу XV в. окончательно оформился устюжский посад, занявший всю наиболее благоприятную по своим природным условиям территорию III террасы берегового рельефа.

В XVI в., в связи с общим подъемом торгово-ремесленной деятельности Устюга, к его торгу окончательно перешло значение основного центра города. Именно в это время устюжане, очевидно, и начали заселять прилегающую к торгу с юга пониженную II террасу (2-я часть города), где раньше располагались лишь отдельные деревни, пашни и пастбища. Здесь образовался Нижний посад, названный так в отличие от более древнего Верхнего посада, и город, перекинувшись за овраг Немчинова

ручья, начал интенсивно расти вниз по течению реки. К концу XVI в. сложилась двухчастная структура посада, предопределившая аналогичную структуру всего города.

В течение XVI в. общая политическая обстановка продолжала оставаться сложной и государство было заинтересовано в укреплении своих основных опорных пунктов не только на границах, но и внутри страны. Поэтому в XVI в. стены устюжского Верхнего посада восстанавливались два раза в 1537 и 1582 гг. И, наконец, последние укрепления города были сооружены в 1613 г., в смутное время, когда в Северном крае хозяйничали банды польских интервентов. Эти укрепления сыграли чрезвычайно важную роль в истории города и способствовали успешной его обороне, благодаря чему Устюг не был razoren поляками и избежал участи многих русских городов. Именно эти укрепления были подробно описаны в сотной книге 1630 г., дающей богатый материал для восстановления общего облика деревянного города XVII в.

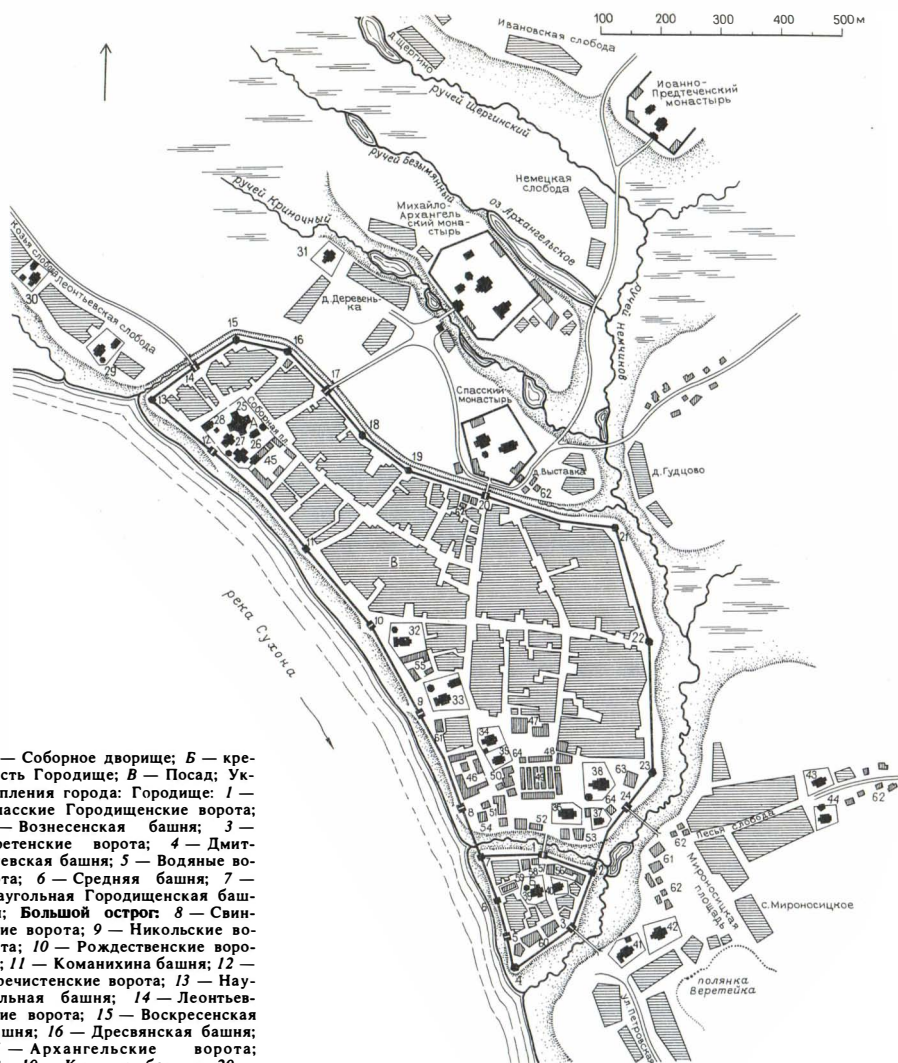
Планировка и застройка Великого Устюга в XVII в.

Первые достоверные сведения о планировке и застройке Устюга относятся к XVII в. и приведены в сотной книге 1630 г. и писцовых книгах 1676—1683 гг.¹⁹, а также в различных переписных книгах, составленных при Архиерейском доме в первой четверти XVIII в. Все эти книги содержат подробные описания устюжских укреплений, церквей, монастырей, общественных зданий, улиц и площадей; кроме того, они снабжены детальными цифровыми данными и выполнены со свойственной подобным документам тщательностью и методичностью, а проведенная их составителями огромная обмерная работа дает в руки современного исследователя богатый материал, исключительную ценность которого переоценить невозможно²⁰. Перепись сооружений в этих книгах производилась в определенной последовательности, поэтому содержащиеся здесь данные позволяют с известной степенью достоверности восстановить не только внешний облик, но и планировочную структуру древнего деревянного, полностью исчезнувшего города. Вот почему эти документы были использованы автором настоящей работы как основной материал для общей реконструкции города XVII в. При этом в качестве топографической основы был принят план 1784 г., где проектные предложения XVIII в. наложены на подробную инструментальную съемку старой, не сохранившейся до наших дней застройки. Чертеж этот выполнен в сравнительно крупном масштабе (40 саженей в 1 дюйме) и от других обмерных планов города своего времени отличается особенно тщательной и детальной проработкой, что позволяет определить не только направления улиц, габариты площадей и местоположение основных сооружений, но также и общий характер отдельных планировочных узлов²¹. В своей работе над реконструкцией города автор не задавался целью точного восстановления его древнего плана, так как для этого, безусловно, необходимы систематизированные археологические исследования всей территории устюжского посада и основных его комплексов. Однако для выяснения общего характера планировки горо-

План Великого Устюга первой четверти XVII в. Реконструкция выполнена автором

на топографической основе обмерного плана XVIII в. по материалам летописных ис-

точников и по данным сотных и писцовых книг XVII в.

А — Соборное двориче; Б — крепость Городище; В — Посад; Укрепления города: Городище: 1 — Спасские Городищенские ворота; 2 — Вознесенская башня; 3 — Сретенские ворота; 4 — Дмитриевская башня; 5 — Водяные ворота; 6 — Средняя башня; 7 — Наугольная Городищенская башня; Большой острог: 8 — Свиные ворота; 9 — Никольские ворота; 10 — Рождественские ворота; 11 — Команихина башня; 12 — Пречистенские ворота; 13 — Наугольная башня; 14 — Леонтьевские ворота; 15 — Воскресенская башня; 16 — Дресвянская башня; 17 — Архангельские ворота; 18, 19 — Круглые башни; 20 — Спасские ворота; 21 — Ивановская башня; 22 — Коровкина башня; 23 — Корелина башня; 24 — Кабацкие ворота; соборы; 25 — Успенский собор; 26 — Прокольевский собор; 27 — собор Иоанна Устюжского; церкви: 28 — Власьевская; 29 — Ильинская; 30 — Леонтьевская; 31 — Воскресенская; 32 — Рождественская; 33 — Никольская; 34 — Троицкая; 35 — Варваринская; 36 — Иоанна Богослова; 37 — Александра Невского; 38 — Вознесения; 39 —

Покровская; 40 — Варлаамовская; 41 — Мироносицкая; 42 — Сретенско-Мироносицкая; 43 — Борисоглебская; 44 — Георгиевская; общественные здания: 45 — Владычный двор; 46 — Гостинный двор; 47 — земские дворы; 48 — посадские дворы; 49 — торговые ряды; 50 — земские избы и схожая из-

ба; 51 — воеводская и съезжая избы; 52 — таможенная и кабацкая избы; 53 — богадельни; 54 — баня; 55 — воеводский двор; 56 — тюрьмы; 57 — сторожная изба; 58 — бражная изба; 59 — зеленый двор; 60 — осадные амбары; 61 — кабак; 62 — кузницы; 63 — писчая изба; 64 — харчевная изба

да до изменений, внесенных в план в XVIII—XIX вв., эта реконструкция может служить материалом достаточно достоверным.

Вся история градостроительного искусства свидетельствует о том, что древние города, как правило, веками сохраняют неизменным свой первоначальный план, и только преднамеренная перепланировка вносит в общую структуру города существенные преобразования. Поэтому можно утверждать, что предшествовавший реконструкции Великого Устюга обмерный инструментальный план XVIII в. определяет основные принципы планировки города не только предыдущего столетия, но и значительно более ранних периодов.

При первом взгляде на этот так называемый план межевания общий характер его представляется случайным и неорганизованным, а уличная сеть — сложной и запутанной. В связи с этим для анализа планировочной структуры города полезно применить метод, предлагаемый Л. М. Тверским²², и, отбросив второстепенные детали, выделить из сложной паутины плана главные узлы и основные направления. В этом случае план сразу же раскрывает общие закономерности своего построения, обусловленные рельефом местности и теми особенностями исторического развития, которые отображены в этом чертеже, как в своеобразной книге, написанной языком планировки.

Подобно большинству древнерусских городов, Устюг прошел через стадию крепости, и этот ранний этап развития оставил здесь древнейшее ядро города — кремль, вокруг которого концентрировалась застройка и к которому по радиусам сходились дороги, положившие начало формированию уличной сети. Одна из древнейших дорог по кратчайшему

расстоянию — по прямой — связала кремль с Михайло-Архангельским монастырем и положила начало улице Архангельской²³. Одновременно на северо-запад от кремля была проложена дорога к Леонтьевской слободе и к древнему торгу, а на юго-восток протянулась улица Здыхальня, названная позднее Успенской и приблизительно совпадавшая с направлением современного Советского проспекта. Две последние дороги прошли почти параллельно берегу, и тем самым было подчеркнуто решающее значение реки в хозяйственной жизни города. Так в общем характере планировки прилегающей к кремлю древнейшей части устюжского посада был ясно выражен начальный момент формирования радиальной планировочной системы, которая, подчиняясь решающему влиянию реки, получила односторонний веерный характер. При благоприятных топографических условиях такой план мог бы развиваться в радиально-кольцевую систему. Но, как отмечалось выше, местная топография ограничила рост города в северо-западном направлении, в результате чего устюжский посад получил асимметричное развитие вниз по течению реки. В связи с этим Здыхальня постепенно приобрела значение основной городской магистрали, вдоль которой началось интенсивное нарастание жилой застройки. В то же время два другие древние радиуса, связавшие кремль с Михайло-Архангельским монастырем и с Леонтьевской слободой, на этом раннем этапе развития не получили полной обстройки и вплоть до середины XVII в., в большей своей части сохраняли значение загородных дорог.

Следующий период в развитии плана города может быть условно отнесен к XIV—XV вв., когда после переноса на новое место торгового и возникновения крепости — Городища в Устюге сложилась своеобразная двухчастная структура городского центра. В это время в связи с общим оживлением торгово-ремесленной жизни города его второй центр с торгом и новой крепостью постепенно приобрел значение того основного градоформирующего ядра, которое обусловило все дальнейшее развитие уличной сети. К этому центру от загородных монастырей по кратчайшему направлению пролегла новая дорога, определившая положение второй главной улицы устюжского посада — Спасской Гулыни, которая как бы «перебила» старую Здыхальню и всю тяготевшую к древнему детинцу первичную радиальную систему. Так возникновение второго городского центра положило начало образованию новой планировочной системы.

Заключительная стадия формирования плана города относится к XVI—XVII вв., когда Устюг превратился в крупный торгово-промышленный центр. В это время в связи с ликвидацией феодальной замкнутости русских городов и расширением связей между отдельными областями страны старые водные пути с их ограниченной сезонностью оказались уже недостаточными, что привело к интенсивному развитию дополнительной сети грунтовых дорог, оказавших решающее влияние на процесс формирования городских планов. Важнейшим ядром тяготения различных дорог как местного, так и общекраевого значения становится устюжский торг, игравший исключительно важную роль в жизни всего русского Севера. По правому берегу Сухоны с северо-запада к Великому Устюгу подошла дорога из Вологды и Тотьмы, а с юга — дорога из Кичменгского городка, продолженная позднее до

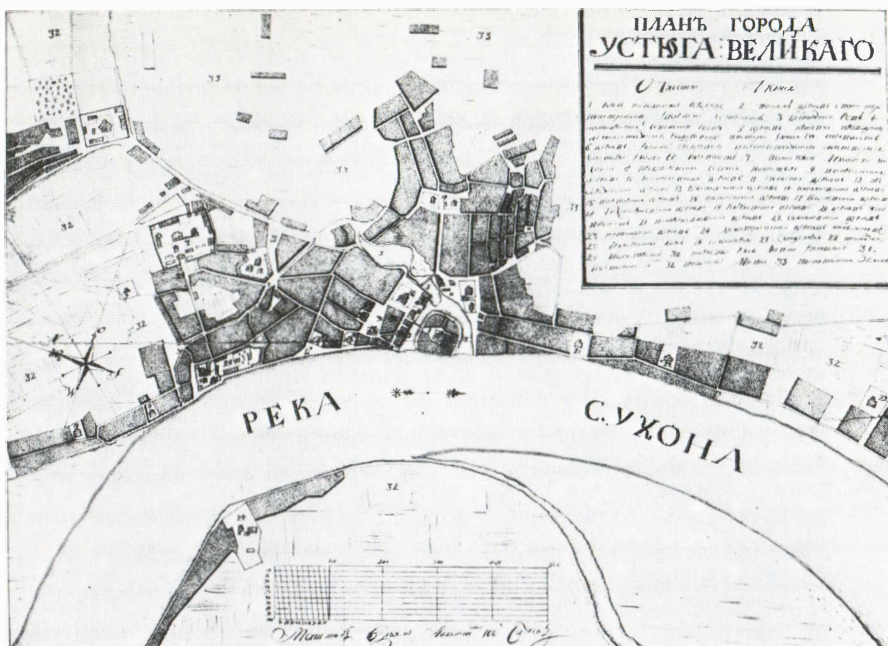
вновь основанного Никольска. Обе эти дороги сошлись в Дымковской слободе, связанной перевозом с центральной частью Верхнего посада. Новые грунтовые дороги появились и на левом берегу Сухоны: с востока к торговому центру города подошла дорога из Красноборска и Архангельска, а с юга, из-за Двины, — дорога из Лальска. Вдоль этих дорог возникли слободы, а сами дороги постепенно превратились в главные улицы Нижней части города (улицы Шилова и Петровская). Совместно со Спасской Гульней Верхнего посада эти улицы образовали три основные радиальные направления, которые, связав город с внешним миром, объединили старую и новую его части в единое и органичное целое. Так был создан крепкий костяк новой планировочной системы, которая начала развиваться очень интенсивно и постепенно получила явно выраженный радиальный характер.

В это время обширный устюжский торг окончательно приобрел значение основного градообразующего фактора и предопределил дальнейшее развитие города: к торгу потянулись улицы и дороги, вокруг торгового центра начали концентрироваться общественные здания, к торгу тяготело жилье. А самый торг, занимавший некогда на территории города окраинное положение, теперь оказался в геометрическом центре всего городского пятна и явился главным организующим ядром основных улиц новой радиальной системы. Так в планировке Устюга нашло свое отображение его возросшее торговое значение.

Таким образом, в XVII в. окончательно оформилась общая схема плана города. Основой этого плана стала исторически сложившаяся двухчастная структура городского центра, которая обусловила образование двух радиальных веерных систем, очень сходных по общим принципам своего построения: каждая из них включала три радиуса, два из которых, подчиняясь направлению реки, протянулись вдоль берега, в то время как третий средний луч прошел перпендикулярно реке, «в поле». Эти две системы магистралей определили собой двухчастную организацию устюжского посада (Верхний и Нижний) и образовали тот опорный каркас, который, будучи выделен из общего сложного узора городского плана, может служить своего рода «ключом» к расшифровке основных закономерностей его построения. При этом все остальные улицы города, в зависимости от своего происхождения и назначения, могут быть отнесены к одной из двух систем и своим направлением еще больше подчеркивают своеобразную двухцентровую радиальность устюжского плана.

Существенную роль в планировочной структуре древнерусских городов играли улицы концентрического направления, приводившие к различным преобразованиям первичной радиальной системы плана. Эти концентры возникали обычно на месте древних укреплений, и поэтому их история всегда неразрывно связана с историей оборонительных сооружений города.

Укрепления устюжского посада за время своего существования возобновлялись шесть раз, при этом восточная крепостная стена, очевидно, оставалась на старом месте, так как здесь развитие города было ограничено условиями топографии, а расширение территории посада шло на северо-запад — от Покровского монастыря к древнейшей устюжской

крепости — Соборному дворищу. В результате на месте первой стены 1399 г., очевидно, образовалась Рождественская улица, которая по своему происхождению представляла собой часть древнего концентрика, а положение этой улицы четко прослеживается по «Плану межевания». Стены, построенные в 1478 г. по приказу Ивана III, включили в себя торг, посад и оба центра, способствуя тем самым «распространению» города и формированию уникального ансамбля устюжской набережной.

В XVII в., когда окончательно обветшавшие оборонительные сооружения Верхнего посада были разобраны, на месте северо-западной крепостной стены образовалась новая широкая улица, которая замкнула устюжский концентр и придала радиальной системе плана этой части города характер ранней стадии формирования системы радиально-кольцевой, получившей здесь одностороннее асимметричное развитие. На «Плане межевания» Великого Устюга ясно видна и эта концентрическая улица, которая своим положением в плане наглядно определяет направление старых его укреплений. При этом характерно, что вплоть до начала XIX в. улица эта сохраняла остатки древнего «осторожного рва», входившего некогда в состав оборонительных сооружений и уничтоженного только в результате работ, связанных с перепланировкой города.

Нижний посад города, выросший в то время, когда необходимость

в укреплениях уже отпала, в отличие от Верхнего посада никогда не имел крепостных стен. Поэтому более поздняя по своему происхождению вторичная система улиц городского плана не знала концентров и вплоть до перепланировки сохраняла свой ранний, явно выраженный радиальный характер.

При внимательном рассмотрении крупномасштабного обмерного «Плана межевания» обращают на себя внимание существенные различия также и в общем характере планировки селитебной территории основных районов города. При этом древний Верхний посад от позднего Нижнего отличается более сложным и запутанным рисунком плана. Основные причины этого различия кроются в социально-экономических условиях развития этих районов города. Так, формирование плана Верхнего посада относится к периоду феодальной раздробленности и к начальному этапу образования единого Русского государства, когда все население городов Древней Руси по своему социальному составу делилось на живших на государственной земле и плативших налоги тягловых «черных» людей и на освобожденную от тягла верхушку городского населения — «беломестцев». Последние владели на территории посада отдельными дворами, кварталами и даже целыми улицами, что чрезвычайно осложняло нормальное естественное развитие городов и накладывало неизгладимый отпечаток на характер их планировки. Эта общая для всех древнерусских городов данного периода пестрота и запутанность городского землевладения в Устюге усугублялась еще и тем, что здесь различные сельскохозяйственные угодья и земли так называемых экономических и черносошных крестьян, располагавшиеся некогда на городских окраинах, постепенно «вросли» в город и оказались в самой гуще его застройки. Обширными участками, дворами, садами и огородами на территории устюжского посада владели также местные монастыри и Архиерейский дом. Эта чересполосица отразилась на формировании сети городских улиц и проездов, которые, обходя различные частновладельческие земли, образовывали необъяснимые на первый взгляд повороты и отклонения, в результате чего план Верхнего посада приобрел столь типичный для средневековых городов характер узорчатости. Кроме того, обширные «белые» земли совместно с землями экономических и черносошных крестьян сплошным кольцом окружили территорию устюжского посада. В связи с этим зажатый как в тисках город был лишен возможности нормального роста и дальнейшего его развитие пошло по пути уплотнения городской застройки: постепенно начали застраиваться внутренние огородные пространства, а к новым домам и усадьбам прокладывались различного типа тупиковые и петельные переулки, составлявшие характерную деталь городских планов этого времени.

Новый этап в развитии древнерусских городов относится к середине XVII в., когда правительством было проведено так называемое посадское строение, юридически освободившее городское население от прежней феодальной зависимости по земле и тяглу. Это положило начало упорядочению городской застройки и сопровождалось землеустроительными работами, нередко принимавшими характер преднамеренной планировки. Под строительство жилых домов теперь отводились участки определенных стандартных размеров, что привело к образованию квар-

талов сравнительно правильной формы и постоянной ширины. Именно к этому периоду и относится формирование плана устюжского Нижнего посада, отдельные слободы которого — Песья слобода, Георгиевская слобода, Мироносицкое сельцо — отличаются от старой Верхней части города явными признаками более правильной и рациональной планировки, близкой к так называемой перекрестно-рядовой системе. Таким образом, общий характер плана этой части Великого Устюга служит свидетельством того, что уже в XVII в. в русском градостроительстве были заложены основы регулярной планировки, достигшей своего расцвета в следующем столетии.

Уже на ранних этапах исторического развития река играла решающую роль в хозяйственной жизни Устюга, но одновременно она служила и тем транзитным путем, которым к городу поступали неприятеля: сверху по Сухоне — новгородцы, упорно стремившиеся подчинить Устюг власти «Господина Великого Новгорода», а снизу по Югу — волжские и камские булгары, затем казанские татары, черемисы, вятчи, пермяки и другие враждебные устюжанам народы. Поэтому Устюг, защищенный с севера дремучими лесами и топкими болотами, обернулся «лицом» к реке, чтобы иметь возможность заранее видеть любого неприятеля и достойно встретить его.

Особенно интенсивное развитие прибрежная полоса получила в XVI—XVII вв., когда с активизацией торгово-промышленной деятельности устюжан река приобрела для них особенно важное значение. В это время за сравнительно короткий срок здесь выросли новые слободы: за Леонтьевским приходом образовалась Козья слобода, на территории Нижнего посада появился Пятницкий конец, продолжало расти Дымково. По аналогии с основной частью Нижнего посада эти прибрежные слободы получили приблизительно правильные и регулярные планы, но здесь рядовая застройка образовала простейшую, так называемую линейную систему, основу которой составляли одна или несколько улиц, вытянутых вдоль берега реки.

Подводя итоги общему анализу уличной сети Великого Устюга до его перепланировки, необходимо отметить, что благодаря своеобразным историческим и топографическим условиям развития города здесь сложился весьма различный в отдельных своих частях, сложный двух-центральный план, сочетающий радиальную систему с радиально-кольцевой и перекрестно-рядовую с линейной. В этом плане трудно установить закономерности геометрического порядка, и он не может быть подведен под узкое понятие какой-либо конкретной планировочной схемы. Вот почему общую композицию этого плана правильнее всего определять как пример нерегулярной так называемой свободной планировки, которая была столь типична для древнерусских городов и явилась главной основой их живописности.

Тем же закономерностям свободного и живописного построения пространства была подчинена и общая композиция площадей города, из которых самой древней следует считать Соборную. На ранней стадии своего развития Соборная площадь, подобно другим аналогичным ей площадям кремлей средневековых русских городов, совмещала функции административно-политические и военные с функциями религиозными

и, таким образом, играла роль главного центра кремля, в свою очередь служившего композиционным ядром всего города. Позднее военные функции переходят к вновь основанной крепости — Городищу, а административно-политические и общественные здания начинают тяготеть к новому торгу. С ростом торгово-ремесленного значения города функции Соборной площади ограничались функциями религиозными, что привело к интенсивному строительству на ее территории различных культовых сооружений, и постепенно близ величественного объема главного Успенского собора концентрируются основные устюжские святыни — соборные церкви местных праведников Прокопия и Иоанна, а также более скромные теплые церкви (Алексеевская, Козьмодемьянская и Власьевская), соборные колокольни и разнообразие сооружений древнего Владычного двора, расширенного и перестроенного в конце XVII в. под Архиерейский дом. Так на Соборной площади сложилась чрезвычайно живописная группа зданий с целым кустом церквей, уже издали зрительно определяющим место религиозного центра города.

На рубеже XIV и XV вв. главным военным центром Устюга становится новая крепость, заложенная на территории Покровского монастыря. По сведениям сотных и писцовых книг, за мощными оборонительными сооружениями этой крепости, получившей название Городища, расположились склады оружия и боеприпасов (так называемый «двор государев зеленый»), дворы «осадные и тяглые молотчих людей», а также различные лавки и амбары с запасами провизии для «осадного времени». Здесь же были размещены три тюрьмы: «опальная», «бражная» и «разбойная татина», при которых находилась «сторожная изба». Крепость была связана с Верхним и Нижним посадами города через Спаские-Городищенские и Сретенские ворота, от которых через ров и овраг были перекинуты деревянные мосты. На территории Городища эти ворота соединяла узкая и длинная площадь, по своему характеру напоминающая уширенную улицу. Характерно, что писцы XVII в. даже не называют ее площадью, хотя она представляла собой весьма распространенную в древнерусском градостроительстве площадь так называемого проходного типа. В течение длительного времени в Городище находилась всего одна церковь — бывший Покровский собор, который после упразднения монастыря был превращен в обычную приходскую церковь, и лишь в 1613 г. в честь успешно отбитого наступления польских интервентов здесь был построен «обетный» Варлаамовский храм. Обе эти церкви располагались в небольших карманах, открытых в сторону транзитной городищенской площади, а по своим масштабам и формам они были очень скромны. Поэтому во внешнем облике Городища, окруженного мощными валами и рвами, суровыми крепостными стенами и многочисленными башнями, была явно выражена военная оборонная функция этого ансамбля, игравшего роль главной цитадели города.

Во второй половине XVII в., в связи с дальнейшим усилением централизованного Русского государства, города, расположенные в глубине территории страны, утрачивают свое бывшее стратегическое значение, что приводит к постепенной деградации их старых укрепленных центров. В это время в Великом Устюге, по сообщению писцовых книг 1676—1683 гг., укрепления Городища, не возобновлявшиеся с 1613 г., сильно

связан с жилой застройкой и непосредственно примкнул к торговой пристани и к переправе через реку. Доступ в Городище, как в главный центр обороны города, для посторонних был ограничен, поэтому на территорию торгога были вынесены все основные общественные здания, благодаря чему торговые функции этого комплекса были совмещены с функциями административно-политическими и общественными.

По своей структуре устюжский торг представлял собой весьма сложный организм, для правильной оценки масштабов которого следует отказаться от определения писцов XVII в., называющих торговыми три сравнительно небольшие площади: Богословскую, Воскресенскую и Варварскую. Сами по себе эти отдельные элементы торгога не дают верного представления об общей его территории, которая практически определялась размерами всей, расположенной между крепостью и посадом эспланады, со свободно размещенными на ней торговыми, общественными и культовыми зданиями. Площадь эта имела неправильную, сложную конфигурацию, обусловленную топографией местности и характером прилегающей к ней жилой застройки, а в общей ее форме была явно выражена свойственная всему древнерусскому градостроительству тенденция к раскрытию внутреннего пространства в сторону реки. По своим размерам (около 5 га) устюжский торг приближался к крупнейшим торговым площадям Древней Руси, что служит дополнительным доказательством большого торгового значения Великого Устюга.

Вся территория устюжского торгога делилась на отдельные участки различного назначения: Богословская площадь служила для торговли разнообразными привозными товарами, на Варварской площади зимой торговали дровами, сеном и соломой, а Вознесенская площадь была отведена под «животинный торг». Каждый торговый участок имел площадь от 0,23 до 0,27 га и приблизительно прямоугольную форму. Одну или две стороны этих площадей оформляли церкви, по имени которых площади и получили свои названия. Кроме того, на каждую из них были обращены отдельно стоящие общественные здания, причем большинство этих зданий было сосредоточено на Богословской площади. Здесь разместились главные органы государственной власти — «воеводская изба» и «съезжая изба», куда приезжали дьяки для различных «государевых дел» и «земские расправы»; здесь же находилась «изба таможенная и кабацкая», где головы и целовальники учитывали и собирали государственные налоги; кроме того, на той же площади «для земских и всяких дел» были поставлены «земские избы», а также основной орган местного самоуправления — «схожая изба» для «устюжских посадских судей, старост и целовальников и всех посадских людей». На Варварской площади размещались так называемые «земские дворы», а на Вознесенской — «посадские дворы».

Все эти площади группировались вокруг центрального ядра, занятого собственно торгом, в состав которого входили восемь торговых рядов: хлебный, харчевой, рыбно-мясной, хмелевой, «мыльный и всяких мелочных товаров», серебряный, сапожный и, наконец, так называемый «большой площадной ряд» — самый обширный среди остальных рядов и игравший решающую роль в товарообороте устюжского торгога. Этот последний ряд был обращен на Богословскую площадь и, подобно всей

территории площади, предназначался для торговли самыми разнообразными привозными товарами, как отечественными (меха, соль, железо, моржовая кость и пр.), так и иноземными (сукна, шелка, драгоценности, стекло, пряности и пр.). Помимо этих основных рядов на территории устюжского торгового центра располагалось множество разнообразных лавок, амбаров, «полков», лотков и палаток, а общее число торговых помещений, по сведениям писцов XVII в., здесь было равно 242.

Важную роль в ансамбле устюжского торгового центра играли расположенные на берегу Сухоны живописные комплексы «государевых дворов»: между Рождественской и Никольской церквями разместилась главная резиденция городского воеводы — «воеводский двор», а ниже по течению реки перед Варварской церковью — «гостинный двор», выполнявший функции постоялого двора «на приезд иногородцам торговым и всяким людям». Кроме того, на береговой бровке близ Никольских ворот стоял городской кабак, а близ Свинских ворот — «государева баня». В южной части торгового центра, за Богословской церковью, на берегу рва, отделившего Городище от торгового центра, находились две поставленные «миром» богодельни, а в восточной части торгового центра, за Вознесенской церковью близ Кабацких ворот, размещалась «писцовая изба». И, наконец, общую картину этого комплекса дополняли многочисленные церкви, которые в виде отдельных доминант свободно располагались на его территории, еще больше повышая общий эффект объемно-пространственной живописности, столь характерной для торговых площадей древнерусских городов.

В XVI—XVII вв. интенсивное заселение Нижнего посада привело к образованию на его территории новой Мироносицкой площади, связанной с торговым центром города через Кабацкие ворота Большого острога. Эта площадь имела форму неправильной трапеции и отличалась значительными размерами (1,36 га). На площади располагались второй городской кабак и группа кузниц, а главными зданиями служили две церкви Мироносицкого прихода, по имени которого площадь и получила свое название. Со стороны этих церквей площадь свободно раскрывалась в сторону Городища, которое, после строительства моста от Сретенских ворот, получило дополнительную связь с Нижним посадом, и Мироносицкая площадь, таким образом, была включена в состав центрального комплекса города.

В XVII в., в связи с полной деградацией Городища как крепости, значение главного городского центра окончательно перешло к торгу, превратившемуся в основное ядро тяготения магистралей второй радиальной системы плана города. Но поскольку этот центр имел чрезвычайно сложную структуру и в его состав входило целое созвездие различных площадей, живописным кольцом обнимавших старое Городище и разделенных оврагом и рвом, постольку вся эта система не получила — и не могла получить — определенной точки тяготения отдельных радиусов, а ее улицы, подобно рекам, впадающим в озеро, сбегались к различным участкам этого сложного и развитого комплекса.

Общая картина планировочной структуры Великого Устюга была бы неполной без обзора площадей, образовавшихся при отдельно стоящих приходских церквях и игравших роль местных, локальных

Общий вид Великого Устюга в первой четверти XVII в. Реконструкция выполнена автором по материалам летописных источников, соотных

и писцовых книг XVII в. с использованием аналогов. Графическое оформление реконструкции выполнено автором и архит. Е. В. Амосовым

центров города. Располагались такие площади в основном вдоль берега, подчеркивая тем самым решающую роль реки в хозяйственной жизни городского населения. На территории Верхнего посада в Леонтьевском конце подобные центры возникали при церквах Леонтьевской и Ильинской, а на территории Нижнего посада — при церквах Петропавловской, Симеоновской и Пятницкой. Все эти пять площадей были объединены одним общим планировочным приемом: каждая из них размещалась в узком квартале жилой застройки, между двумя параллельными улицами и была раскрыта в сторону реки. Иной прием иллюстрировала Георгиевская площадь Нижнего посада. Здесь, аналогично площади Городища, на транзитной магистрали с двух сторон симметрично разместились церкви со своими площадями, имевшими форму «карманов». Все устюжские площади подобного типа располагались в стороне от основных направлений городского движения, что приводило к столь типичному для древнерусского градостроительства боковому завершению перспективы улиц, в результате которого отдельные церкви открывались зрителю с наиболее интересных угловых точек зрения и в чрезвычайно выигрышных ракурсах.

Интересные планировочные и объемно-пространственные узлы возникали также перед входами в монастыри. Особенно интересна площадь, образовавшаяся перед Спасо-Преображенским монастырем, на месте Спасских ворот бывшего Большого острога. Эти ворота играли очень важную роль в жизни города, так как со стороны торгового к ним подходили две основные улицы Верхнего посада — две Гульни, а с другой стороны сюда же вели две дороги от Михайло-Архангельского и Иоанно-Предтеченского монастырей. В развилке этих дорог, подобно желудю в своей чашечке, разместился Спасо-Преображенский монастырь, ворота которого находились в створе со Спасскими воротами укреплений посада. В XVII в. после окончательного исчезновения крепостной стены на месте Спасских ворот образовалась своеобразная площадь, к которой с разных сторон сходились шесть лучей, и площадь таким образом приобрела форму звезды.

Все площади Великого Устюга, начиная от главных и кончая местными планировочными узлами, имели чаще всего неправильную, геометрически трудно определимую форму и были лишены сплошной фасадной застройки, а их основные сооружения играли роль отдельно стоящих, свободно размещенных доминант определенного идейного и архитектурно-художественного значения. Полное отсутствие симметрии и жесткой геометризации способствовало естественной и органичной связи этих ансамблей с окружающим их природным ландшафтом и со свободным узором сети городских улиц, что еще больше повышало общий эффект живописности городского плана.

Свои названия все устюжские площади получили по имени размещенных на них храмов: Вознесенская, Варварская, Мирносицкая и др. Аналогичным было происхождение названий и большинства улиц города: Никольская, Рождественская, Архангельская, Успенская и др. Многие улицы именовались по своему расположению (Поперешная, Клин, Заозерская и др.) или по находившимся здесь крупным дворам (Афанасьевская). В названиях устюжских улиц нашло свое

отображение также зонирование городской территории по профессиональному признаку, которое было характерно для всех средневековых городов. Так, в северо-восточной части города близ кузниц возникла Кузнецкая улица, на Нижнем посаде — Пушкариха, а «под городской на лугу» образовалась Немецкая слобода. В 1626 г. по приказу Михаила Федоровича устюжские стрельцы из Большого острога были переселены на Нижний посад, в результате чего здесь появилась новая слобода, улицы которой получили свои названия по фамилиям и прозвищам стрелецких десятников: Шилова, Вострая, Прахова и др.

По данным писцовых книг, в конце XVII в. в Великом Устюге было 5 площадей и более 30 улиц, из которых 14 улиц — а вместе с ними 4 переулка и 10 односторонков — входили в состав Верхнего посада. Те же источники свидетельствуют о значительной, по сравнению с западноевропейскими средневековыми городами, ширине главных улиц — 8—10 м; второстепенные улицы имели ширину 5—6 м, а переулки доходили до 2—3 м. О благоустройстве города XVII в. в настоящее время судить весьма трудно, однако по аналогии с другими крупными городами Древней Руси можно предполагать, что устюжские улицы в то время были относительно благоустроены, а главные из них имели бревенчатые мостовые.

* * *

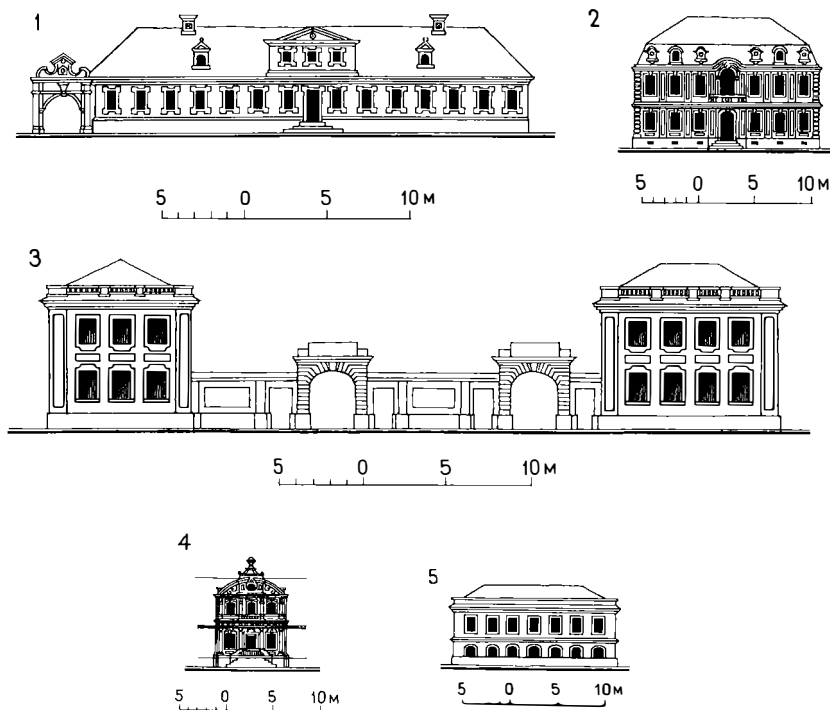
В неразрывной связи с свободно трактованным планом Великого Устюга находилась и его общая объемно-пространственная композиция, выяснение принципов построения которой представляет задачу большой важности, поскольку позволяет расширить наши познания об одной из интереснейших сторон древнерусского народного творчества — о деревянном зодчестве. Однако, переходя к обзору архитектурно-художественного облика старого города, необходимо отметить, что вопрос этот чрезвычайно сложен, так как весь город в то время был деревянным, а его застройка полностью утрачена в результате многочисленных пожаров и сплошной перепланировки, осуществленной в XVIII—XIX вв. Еще больше осложняет эту проблему отсутствие достаточных археологических исследований территории устюжского посада. Поэтому о внешнем облике Великого Устюга XVII в. в настоящее время можно судить только по свидетельствам его современников.

Так, в XVI—XVII вв. в этом крупном торгово-промышленном центре, расположенном на основных водных путях страны, побывало немало иностранных путешественников и художников, оставивших значительное число описаний и изображений Великого Устюга. Однако все эти материалы носят, как правило, поверхностный характер, допускают немало вольностей и не представляют серьезной научной ценности. В связи с этим исключительно важное значение приобретают немногочисленные, но чрезвычайно подробные местные документы, к числу которых, в первую очередь, следует отнести сотные и писцовые книги 1630 и 1676—1683 гг. Книги эти содержат не только детальные описания основных сооружений города, но также опреде-

Фасады «образцовых» жилых домов XVIII—XIX вв., использованные в жилищном строительстве Великого Устюга

1 — «дом для зажиточных»; 2 — «дом для именитых»; 3 — фрагмент фасада «дома для именитых»; 4 — дома «второго номера

так называемой Тверской серии; 5 — фасад № 3 серии «фасадов примерных»

ляют их тип и общие размеры. С той же пунктуальностью выполнено единственное из известных нам изображение панорамы деревянного Великого Устюга на иконе «Прокопий и Иоанн устюжские», необычайно ценное по своей реалистической трактовке и документальной точности. Чрезвычайно важные для современного исследователя характеристики старой деревянной застройки города содержит также «Устюжский летописный свод» («Архангелогородский летописец») и особенно его знаменитая «устюжская легенда», служащая ключом к разгадке наиболее ранних форм северного деревянного зодчества. Все эти местные документы, благодаря методической тщательности их выполнения, позволяют, с известной степенью достоверности, восстановить облик древнего, полностью исчезнувшего города. Вот почему именно они и были использованы автором настоящей работы в качестве основного материала для общей реконструкции городского ансамбля первой четверти XVII в.

Описание города авторы сотных и писцовых книг начинают с характеристики его укреплений, и это совершенно естественно, потому что внешний облик старого Устюга, как и всякого другого средневе-

кового города, в первую очередь, определяли его оборонительные сооружения. Как уже отмечалось выше, устюжские укрепления членились на две части — крепость Городище и так называемый Большой острог — и состояли из земляных сооружений, деревянных крепостных стен и башен, подразделявшихся на проездные и глухие. По своему общему характеру и по строительным приемам эти укрепления были близки к более ранним образцам древнерусского крепостного зодчества и в основном повторяли его традиционные типы.

В состав земляных укреплений Великого Устюга входили валы, называемые «осыпью», и заполненные водой искусственные рвы. Особенно внушительные размеры получили городищенские рвы и валы, которые хорошо сохранились до наших дней. Земляные сооружения Большого острога были полностью ликвидированы при последующей перестройке города, предпринятой в начале XIX в., поэтому судить о них можно лишь по данным сотной книги 1630 г., которая сообщает, что ров, соединявший Сухону с оврагом Немчинова ручья и игравший роль дополнительного укрепления северной границы Верхнего посада, имел ширину 8—9 м при глубине от 2,5 до 3,5 м. О земляных валах этой части города в писцовых книгах не сохранилось упоминаний, но, по-видимому, они также существовали, хотя и имели сравнительно скромные масштабы. Таким образом очевидно, что общая система земляных сооружений Большого острога значительно превосходила своей протяженностью укрепления Городища, но по основным размерам намного уступала последним.

По верху земляного вала — «осыпи» — была установлена деревянная крепостная стена «острог», которую писцы XVII в. определяют как «тын стоячей». Следовательно, устюжские деревянные укрепления представляли собой типичное для древнерусского крепостного строительства сооружение, основу которых составляла стена из вертикально поставленных, врытых в землю и заостренных сверху бревен. С внутренней стороны на специальных прирубах вдоль всей стены тянулась боевая площадка, предназначенная для удобства действия защитников города и, вероятно, перекрытая тесовой кровлей. Высота стены составляла около 6,5 м при ширине 4,5 м.

Общую систему устюжских укреплений завершали крепостные башни, составлявшие неотъемлемый элемент всех средневековых городов. В стенах Городища было размещено семь башен, из которых три были проездными и играли роль крепостных ворот. Главными воротами здесь служила Спасская Городищенская башня, связавшая территорию оборонного центра города с Верхним посадом и с торгом. К нижнему посаду из Городища вели Сретенские ворота, а для выхода из крепости к берегу реки служили третьи, Водяные, ворота. Стены Большого острога имели 17 башен, в числе которых было 8 проездных. Роль основных ворот этой части устюжских укреплений играли Пречистенские ворота, ведущие от берега Сухоны к главному религиозному центру города — к Соборному дворищу. На древнейшей магистрали, связавшей этот центр с Михайло-Архангельским монастырем, располагались Архангельские ворота, а от Соборного дворища в Леонтьевский конец города вели Леонтьевские ворота. Чрезвычайно важную роль

Вид на город с колокольни Петропавловской церкви. Справа — Мироносицкая церковь; в центре — Городище с Покровской и Варлаамов-

ской церквами; справа от Городища — церковь Иоанна Богослова и далее — церковь Вознесения; слева по набережной — церкви Николь-

ская и Рождественская, вдали — Соборная группа храмов. Снимок выполнен в 1914 г. А. Х. Седельниковым

в жизни Верхнего посада играли ворота торгового значения: три из них — Рождественские, Никольские и Свинские связывали устюжский торг с берегом реки. Расположенные в северо-восточной стене Большого острога Спасские ворота вели от торгового центра к Михайло-Архангельскому, Иоанно-Предтеченскому и Спасо-Преображенскому монастырям. Связь торга с Мироносицкой площадью осуществлялась через Кабацкие ворота. Кроме того, Верхний и Нижний посады города дополнительно были связаны через Городище, которое в XVII в. окончательно утратило свое бывшее стратегическое значение и превратилось в промежуточный, транзитный элемент городского плана.

Все проездные ворота устюжских укреплений были однотипны и имели в своей основе прямоугольный план, тогда как рядовые («глухие») башни отличались значительно большим разнообразием: башни Городища были прямоугольными все, за исключением угловой Дмитриевской, которая, подобно большинству башен Большого острога, имела форму «круглую», «о шти стенах». Все устюжские башни были перекрыты невысокими крышами типа шатра и завершались наблюдательными вышками — «вежами». В верхнем ярусе башен размещались навесные бойницы, придававшие общему силуэту этих сооружений особую суровость и выразительность. Крепостные ворота Городища помимо навесных бойниц имели дополнительный ряд «средних боев», а проездные башни Большого острога были снабжены тремя ярусами бойниц: «...а боев на воротах трои: верхней, да средней, да подошвенной». Башни имели внушительные размеры в плане: длина каждой из сторон шестигранных башен колебалась от 3 до 4,5 м, а прямоугольных — от 6,5 до 8,5 м. Этим размерам соответствовали не менее значительные общие высоты этих сооружений.

Особое место среди всех устюжских крепостных башен принадлежало Спасским Городищенским воротам, которые располагались примерно в центре северной стены Городища. Эту стену фланкировали две угловые глухие башни — Вознесенская и Наугольная Городищенская, к которым, очевидно, и примыкали стены Большого острога. Спасская Городищенская башня связывала крепость Городище с торговым и Верхним посадом и играла в интерьере города роль его главных парадных ворот. Поэтому она была самой крупной из всех устюжских башен: длина одной ее стороны в плане достигала 10 м. Кроме того, в отличие от других рубленых бревенчатых крепостных сооружений города эта башня была «брусяная», что особо отмечено писцами XVII в. Башня имела ворота деревянные «решетчатые, створчатые», от которых через ров был перекинут подъемный деревянный мост.

В 1445 г., в честь избавления жителей города от «морowego поветрия», монах-«изограф» Серапион написал иконе «Спас Нерукотворный», которая была помещена над Спасскими Городищенскими воротами, и с тех пор в Устюге установился обряд ежегодного (в Преполовенье день) крестного хода к этой иконе. Процессия шла от Успенского собора вдоль всех крепостных стен города и называлась в народе «хождением по осыпи». Таким образом, между двумя функционально различными городскими центрами — Соборной группой и Городищем — установилась определенная обрядовая связь, существовавшая в течение нескольких столетий. Подробные описания пути этой процессии служат дополнительным источником, помогающим уточнить место старых, полностью исчезнувших укреплений городского посада. В XVII в., когда с утратой былого оборонного значения старых городских укреплений в русской архитектуре начался процесс надстройки крепостных башен нарядными декоративными «верхами», Спасская башня устюжского Городища также получила шатровое завершение и была превращена в одноименную церковь.

Размещение башен в стенах устюжских укреплений было подчинено традиционным приемам древнерусского крепостного строительства. Башни, игравшие в условиях обороны средневекового города решающую роль, располагались чаще с той стороны, откуда обычно ожидалось нападение врагов. К Устюгу враги подступали всегда с реки, поэтому башни здесь сконцентрировались в стенах Городища, которое первым встречало многочисленных врагов, подступавших к городу с юга, и в северо-западной части стен Большого Острога, обороняя с запада главный религиозный центр города от нападения новгородцев²⁵.

По сведениям сотных и писцовых книг XVII в., общая протяженность укреплений Городища составляла $300\frac{3}{4}$ сажень (640 м), а Большого острога — $1304\frac{1}{4}$ сажень (2783 м), при этом укрепления Городища охватывали территорию около 2,4 га, в то время как площадь Большого острога была равна 31,5 га. Таким образом, и по общей площади (34 га), и по протяженности крепостных стен (3,4 км) Великий Устюг может быть поставлен в один ряд с наиболее значительными укрепленными центрами своего времени, а его оборонительные сооружения на ранних этапах развития города представляли

Вид на набережную Велико-го Устюга. Слева направо: здание торговых рядов; комплекс жилых домов первой

половины XIX в.; церкви Рождественская, Никольская, Варваринская, Троицкая, за которыми видны церк-

ви Иоанна Богослова и Мироносицкая; справа — Городище. Снимок выполнен в 1914 г. А. Х. Седелниковым

надежную защиту от нападения врагов и придавали городу суровый характер неприступной крепости.

Наряду с крепостными сооружениями определяющую роль во внешнем облике древнего Устюга играли многочисленные церкви, придававшие его силуэту особую остроту и выразительность, столь характерную для всех древнерусских городов и особенно для городов Северного края. По данным местных писцов, в XVII в. в Великом Устюге было 28 церквей, а с учетом культовых сооружений, расположенных в непосредственно прилегающих к городу монастырях, общее число церквей здесь доходило до 40.

Размещение церквей, кажущееся, на первый взгляд, случайным, при внимательном анализе обнаруживает глубокую и органичную связь с общей структурой плана города и, выявляя основные планировочные узлы, подчиняется тем же закономерностям свободного и живописного построения ансамбля. Большинство культовых сооружений Устюга было сосредоточено в черте городских укреплений, и условно их можно подразделить на три группы. Основная группа церквей, из которых три были соборными, отмечала религиозный центр города — Соборное дворище (соборы Успенский, Прокопьевский, Иоанновский и церкви Алексеевская, Козьмодемьянская и Власьевская). В крепости Городище разместились церкви Покровская, Варлаамовская и Спасская. Третью группу церквей укрепленной части города составляли сооружения, тяготевшие к основному центру его торговой и общественной жизни — к торгу (Рождественская, Никольская, Троицкая, Варварская, Вознесенская, Богословская, Александро-Невская).

За пределами оборонительных сооружений отдельными группами располагались культовые постройки монастырей Михайло-Архангель-

ского, Иоанно-Предтеченского, Спасо-Преображенского и основанного в 1654 г. Яиковского Филипповского монастыря. Вдоль дороги, ведущей от Соборного дворища в Леонтьевский конец города, разместились Ильинский и Леонтьевский приходы, вблизи которых особняком «на сполье» стояла Воскресенская церковь, построенная в 1474 г. за один день («обыденная») в честь избавления города от «мора». На территории Нижнего посада в непосредственной близости к торговому центру города возникли церкви Мироносицкая и Сретенская. Отдельные группы приходских храмов располагались здесь при слободах вдоль основных дорог, связавших город с внешним миром. Так, вдоль дороги, ведущей в Лальск, стояли церкви Петропавловская, Симеоновская и Пятницкая. В Пёсьей слободе на дороге в Красноборск и Архангельск образовался Георгиевский приход, а за рекой, там, где к переправе через Сухону с северо-запада подходила дорога из Вологды и Тотмы, а с юга — из Кичменского городка, разместилась группа Дымковских церквей. При этом характерна общая тенденция тяготения всех культовых сооружений к берегу реки, что еще больше подчеркивало обусловленное торговым значением города интенсивное развитие его прибрежной полосы.

Отдельные группы приходских церквей отмечали местные районные центры города и были подчинены его главному ядру. В состав каждого прихода входили, как правило, две церкви: холодная (летняя) и теплая (зимняя). Так, например, на территории Верхнего посада холодной Вознесенской церкви соответствовала теплая Богословская, при Никольском храме размещалась церковь Зосимы и Савватия, при Леонтьевском — Флора и Лавра, при Ильинском — церковь Знамения и т. д. В Городище в летнее время служба проводилась в холодной Покровской церкви, а зимой — в теплой Варлаамовской. На территории Нижнего посада при летней Сретенской церкви располагалась зимняя Мироносицкая, и далее соответственно при Георгиевской — Борисоглебская, при Петропавловской — Благовещенская, при Симеоновской — Васильевская, при Пятницкой — Стефановская. При каждой такой группе, состоявшей из двух приходских церквей, неизменно располагались отдельно стоящая колокольня, кладбище и различные подсобные постройки. Таким образом, приход превращался в живописный комплекс различных сооружений, при этом свое название он получал обычно по имени холодного храма.

Авторы сотных и писцовых книг XVII в. характеризуют также и основные типы устюжских деревянных храмов, среди которых теплые были, как правило, клетскими, тогда как холодные обычно принимали форму величественного шатрового храма-башни, получившего в народе название «древяна вверх». Клетские и шатровые церкви относятся к наиболее ранним типам устюжского деревянного зодчества и определяют собой две основные линии его развития.

Клетские церкви, ведущие свое происхождение от обычной избы, представляли собой простейший тип устюжского деревянного культового сооружения. Церкви эти имели прямоугольный план и перекрывались двухскатной или четырехскатной крышей, увенчанной крестом или декоративной главкой на тонкой глухой шейке, установленной

Вид на город из Дымкова. Слева направо: церкви Варваринская, Троицкая, Вознесения, Иоанна Богослова; между двумя последними

видна скромная церковь Александра Невского; далее городищенский ров и земляной вал древних укреплений; справа Городище с церква-

ми Варлаамовской и Покровской; вдали Мироносицкая церковь. Снимок выполнен в 1917 г. А. Х. Седельниковым

обычно прямо на конек. Нередко основной объем такой церкви с востока и с запада дополняли два прируба — алтарь и притвор или трапеза, а перед главным входом на легких стойках устраивался открытый навес-галерея. Такой характер имели, очевидно, церкви Власьевская и Козьмодемьянская на Соборном дворе, церковь Богословская на торгу, церковь Зосимы и Савватия в Леонтьевском конце, церковь Бориса и Глеба на Нижнем посаде, а также и другие зимние церкви многочисленных устюжских приходов и монастырей. По своему внешнему облику эти сооружения были очень близки к рядовой жилой застройке и отличались от нее лишь своими завершениями, а их общий характер иллюстрируют сохранившиеся в окрестностях Устюга простейшие деревянные сооружения этого типа²⁶.

Однако тип устюжского клетского храма не ограничился рассмотренными простейшими примерами. В XVII в., в связи с общей тенденцией усложнения архитектурных форм, возникает новый вариант клетского храма, основной объем которого обычно поднимают на подклет с размещением в нижнем ярусе второго престола, благодаря чему все здание превращается в двухэтажное. Нередко такие постройки получали боковые прирубы, вмещавшие различные приделы, а западный притвор заменяла обширная трапезная с папертью и галереей — «нищевиком», на которую вели нарядные висячие крыльца. Вместо простейших древних покрытий церкви эти увенчиваются декоративными шатриками или сложными ярусными завершениями, установленными

Деревянный пятишатровый храм «о двадцати стенах».

Общий вид Троицкой церкви на погосте Ненокса Архан-

гельской области, схема плана на 20-стенного храма

по-прежнему на двухскатные или четырехскатные кровли, но сами эти кровли теперь получают значительно большую высоту и характерные «полицы», а прирубы перекрываются «бочками». Таким образом клетские церкви приобрели характерные для XVII в. нарядные формы, которые выделяли их из скромной рядовой жилой застройки. Судя по описаниям сотных и писцовых книг, а также по изображению на иконе «Прокопий и Иоанн устюжские», к этому усложненному типу клетского храма относились расположенные в непосредственной связи с устюжским торгом Рождественская, Никольская и Троицкая церкви, обращенные своими ажурными галереями и нарядными крыльцами в сторону реки и детально прорисованные иконописцем.

Определяющая роль во внешнем облике Великого Устюга принадлежала многочисленным шатровым храмам. Храмы этого типа развивались параллельно с клетскими сооружениями и получили особенно широкое распространение на Севере, где обилие крупномерного строевого леса позволяло возводить монументальные сооружения, отличавшиеся особым «величием», и где в условиях равнинного пейзажа и рассеянного освещения шатер, обогащавший силуэт здания, был излюбленной формой покрытия. Вот почему для северного и, в частности, для устюжского деревянного зодчества шатровый храм становится типом преобладающим, а его формы, совершенствуясь веками, достигают исключительной красоты и выразительности. В XVI в., в связи с общим подъемом самосознания русского народа, шатер, как одно из лучших созданий национального народного творчества, оказал огромное влияние на развитие русского зодчества и определил собой архитектурный стиль всей эпохи. В этом сложном процессе проникновения форм деревянного зодчества в каменную архитектуру решающая роль принадлежала русскому Северу с его многочисленными шатровыми храмами.

Определяя шатровую церковь понятием «древяна вверх», авторы сотных и писцовых книг XVII в. относят к этому типу большинство летних холодных церквей Великого Устюга: Вознесенскую на торгу, Дмитриевскую в Дымкове, Ильинскую в Леонтьевском конце, бывшую соборную церковь Спасо-Преображенского монастыря; шатровой была также теплая церковь Мироносицкого прихода, а в Иоанно-Предтеченском монастыре и в Симеоновском приходе Нижнего посада обе церкви — и холодная, и теплая — также принадлежали к рассмотренной группе. Характерно, что устюжские шатровые храмы в свою очередь подразделялись на несколько видов. Самыми древними по своему происхождению среди них были храмы рубленные «округло», т. е. имевшие в плане форму восьмиугольника. Более поздний, но также чрезвычайно распространенный тип шатрового культового здания представляли так называемые «крещатые» храмы, в основу которых был положен крестообразный план с шатром, установленным в средокрестии. И, наконец, в XVII в. широкое развитие получают храмы типа «восьмерик на четверике», которые по своим размерам значительно уступали древним храмам-башням и отличались от них большей легкостью, нарядностью и живописностью. Независимо от типа основания центральный сруб устюжских шатровых храмов, как правило, имел форму

Вид на северо-восточную часть города с колокольни церкви Вознесения. На переднем плане — застройка бывшей улицы Успенской (ныне Советский проспект)

жилыми домами первой половины XIX в., вдали слева — группа Преображенских церквей и Михайло-Архангельский монастырь; справа —

насыть с недостроенным зданием нового собора (сгоревшего в 1926 г.). снимок выполнен в 1921 г. А. Х. Седельниковым

восьмерика, увенчанного «повалом», который служил основанием для шатра, в свою очередь завершенного «маковицей» с крестом. Подобно храмам клетского типа, шатровые церкви обычно получали прирубы алтаря и трапезной, перекрывавшиеся чаще всего «бочкой», а детали крыш, галерей и наружных крылец украшала резьба, значительно смягчавшая общую строгость этих величественных и монументальных сооружений.

И хотя в окрестностях Великого Устюга до настоящего времени не сохранилось ни одной шатровой деревянной церкви, многие из дошедших до нас аналогичных сооружений Архангельской области, благодаря общности художественных традиций и строительных приемов всего лесного Севера, могут в известной степени характеризовать полностью исчезнувшие, но, безусловно, подобные им устюжские храмы.

Важную роль в развитии древнерусского деревянного зодчества играли храмы-группы, а одним из наиболее характерных представителей культовых сооружений этого типа был устюжский Успенский собор, в истории которого нашла свое отображение вся напряженная и полная событий история средневекового города. Вот почему для современного исследователя такое большое значение приобретают связанные с этим храмом различные летописные материалы, среди которых особое место принадлежит знаменитой «устюжской легенде», определяющей основные пути развития не только устюжского, но и всего северного деревянного зодчества²⁷.

Первые летописные сведения об устюжском Успенском соборе от-

носятся к 1290 г., когда ростовский епископ Тарасий приехал в Устюг для освящения вновь отстроенного здания и привез с собой «в дар» колокол под названием «Тюрик» и икону «Богоматери Одигитрии», ставшую главной святыней собора. Однако, по данным летописцев, этот собор не был первоначальным, следовательно, можно предполагать, что дата основания этого сооружения относится к значительно более раннему периоду. Собор, построенный в 1290 г., просуществовал около ста лет. В 1396 г. он сгорел, но был сразу же отстроен заново и в 1397 г. освящен ростовским епископом Григорием. Однако уже на следующий год, во время одного из самых разорительных нападений новгородцев на Устюг, Успенский собор был разграблен и сожжен, «чудотворная Одигитрия взята в полон», а вместе с нею новгородцы увезли «...и иные иконы многи». Однако новгородский епископ Иоанн, разгневанный таким бесчинством, повелел своим воеводам и посадникам «чудотворную икону» отвезти обратно в Устюг и отстроить заново устюжский собор. Для этой цели в 1399 г. Иоанн послал туда из Новгорода церковных мастеров «...и поставиша церковь на Устюзе древяну велику единого лета Успение Пречистыя Богородицы». Через 90 лет во время большого городского пожара выстроенный новгородцами устюжский Успенский собор снова сгорел. Тогда соборные попы послали великому князю московскому челобитную о помощи в построении нового здания собора. В ответ на эту просьбу Иван III повелел ростовскому архиепископу Тихону помочь устюжанам поставить новую церковь, и в 1493 г. собор был построен бригадой ростовских «рубленников». Но и эта церковь просуществовала недолго. Возведенное в 1502 г. шестое здание деревянного Успенского собора²⁸ через 50 лет сгорело от молнии, а на его месте в 1554—1558 гг. был построен последний деревянный храм, который в XVII в. заменен первым каменным сооружением. Таковы сообщаемые летописцем основные этапы истории старой деревянной соборной церкви.

Однако содержание «устюжской легенды» не ограничивается приведенными выше историческими данными. Главная ценность этого документа заключается в тех обстоятельных сведениях, которые характеризуют тип древнего устюжского собора. Так, описывая строительство здания, освященного в 1493 г., летописец сообщает, что вопреки прямому указанию великого московского князя поставить в Устюге церковь «...такую же, какова была», присланный ростовским архиепископом «мастер церковный» Алексей Вологжанин заложил церковь «не по старине, крещату». Срубив всего шесть рядов, мастер уехал обратно в Ростов. Но «...устюжанам тот оклад стал нелюб» и они собрались жаловаться Ивану III. Тогда Тихон пообещал, что выполнит их желание и в следующем году в Устюг из Ростова вместе с Вологжаниным прибыла целая бригада из 60 рубленников, которые и поставили новую церковь «круглу по старине о двадцати стенах». Так, «устюжская легенда» свидетельствует, что церковь «о двадцати стенах» уже в XV в. считалась древнейшим, традиционным типом русского культового деревянного сооружения.

Происхождение этого типа неразрывно связано с особенностями процесса возведения деревянных рубленых зданий, габариты которых

были ограничены размерами клетки, обусловленными длиной бревна. В связи с этим древнерусские мастера были лишены возможности свободно увеличивать размеры церкви. Вот почему для «великих» церквей и особенно для церквей соборных, к которым относился и устюжский храм, уже в древности был выработан тип, представляющий собой группу, состоящую из пяти отдельных храмов. Центральный восьмерик в этом случае получал четыре прямоугольных прируба, позволяющих значительно увеличить полезную площадь храма. Общее число стен такого сруба равнялось двадцати, откуда церкви подобного типа и получили свое название. Каждый из четырех прирубов имел самостоятельное покрытие, которое на Севере часто было шатровым, благодаря чему все здание с его величественным центральным шатром приобретало чрезвычайно выразительный силуэт.

Остановив свой первоначальный выбор именно на этом типе сооружения, устюжские мастера не ограничились только утилитарными целями увеличения вместимости здания, но решали также целый ряд сложных идейно-политических и художественных задач. Поскольку Успенский собор уже с момента своего основания был призван играть роль главного храма города, постольку его строители стремились к статичной и уравновешенной композиции, которая всегда главенствует над объемами асимметричными и живописными. Этой основной цели как нельзя лучше отвечал избранный ими тип церкви «о двадцати стенах», имеющей спокойный и устойчивый пирамидообразный силуэт с ярко выраженным центрирующим главным объемом. Кроме того, благодаря расположению собора в симметричной излучине реки его статичность приобрела особое композиционное значение и способствовала органичной связи здания с окружающим природным ландшафтом. Если к тому же учесть, что храмы-группы пользовались особой любовью русского народа и были неразрывно связаны с его представлением о «величестве» и «обширности» сооружения, то станет понятным, почему устюжане столь упорно воспротивились замене своего двадцатистенного собора новым сооружением крещатого типа. Этот последний тип был принят русской церковью как канонический для деревянного культового зодчества и упорно внедрялся духовенством в строительство. Однако в Устюге подобная попытка ростовского архиепископа Тихона не увенчалась успехом, а устюжане сумелистоять и вплоть до XVII в. сохранить древнюю форму главного собора города. При этом весьма характерно, что работавшие в разное время над Успенским собором устюжские, новгородские и ростовские мастера — все неизменно следовали установившейся традиции, которая, очевидно, была единой для всего северного деревянного зодчества.

Рассказывая о гибели шестого деревянного Успенского собора (1552 г.), летописец сообщает исключительные по своей ценности данные о размерах этого сооружения: «Поднялася церковь соборная от грома, от молнии. А стояла 50 лет, а высота была до больших зубцов 100 зубцов бес пяти»²⁹. Если учесть, что бревна для строительства деревянных храмов в старину обычно применялись толщиной 45—50 см³⁰, а «большими зубцами» (венцами) называли повал, завершающий сруб шатровой церкви, то окажется, что центральный

восьмерик устюжского Успенского собора до основания шатра имел высоту 40—45 м. Следовательно, с шатром, главой и крестом высота всего здания должна была составить не менее 65—70, а возможно даже 75—80 м. Таким образом, очевидно, что устюжская соборная церковь, столь заслуженно получившая в народе название «вельми великой», относилась к числу величайших деревянных храмов Древней Руси и соперничала по высоте с наиболее крупными каменными сооружениями своего времени³¹. Кроме того, общий масштабный эффект этого собора значительно усиливался относительным его контрастом с окружающей малоэтажной рядовой застройкой, благодаря чему храм выглядел еще более грандиозным. Таким образом, содержащиеся в «устюжской легенде» сведения об Успенском соборе служат ярким свидетельством поистине удивительного технического и художественного мастерства древнерусских зодчих, простейшими средствами в течение одного лета возводивших такие колоссальные здания.

Перекрытый монументальным шатром гигантский центральный восьмерик устюжского Успенского собора, вероятно, окружали четыре меньших шатра его приделов³², а общее представление о внешнем облике здания можно составить на основании некоторых сохранившихся до наших дней храмов этого типа, таких, как Троицкая церковь погоста Ненокса, которая, несмотря на свое позднее происхождение, сохранила традиционную пятишатровую форму. И хотя устюжский собор значительно отличался от этого сравнительно небольшого и приземистого сооружения своими пропорциями и размерами, но по общей объемно-пространственной композиции оба они являются характерными представителями излюбленного русским народом древнего типа храма-группы.

Подобно шатровым храмам-башням, постройки этого типа сыграли решающую роль в процессе становления новых национальных форм русской каменной архитектуры XVI в., когда храмовые группы, подобные устюжскому Успенскому собору, стали прямым прототипом таких уникальных сооружений, как церковь в селе Дьяково под Москвой, и одного из самых удивительных творений русского гения — храма Василия Блаженного.

Пятишатровые храмы-группы были широко распространены в Северном крае и, в частности, в самом Устюге, где Успенский собор не был единственным представителем этого типа культового сооружения. По сведениям сотных и писцовых книг, величественную форму «о пяти верхах» получили построенные в честь выдающихся событий устюжские храмы-памятники: Прокопьевский собор, Сретенская Мироносицкая церковь и церковь Воскресения «на сполье». Правда, по этим данным в настоящее время не представляется возможным определить «тип основания» отмеченных церквей, однако их пятишатровое завершение очевидно и подтверждается изображением Прокопьевского собора на иконе «Прокопий и Иоанн устюжские».

В XVII в. в связи с общими тенденциями развития русской архитектуры этого периода в церковные постройки Великого Устюга проникает то светское начало, которое постепенно приводит к замене сурового и монументального облика древнего культового сооружения

композициями более легкими и нарядными, основанными на принципах асимметрии и живописности, а общее усложнение объема и силуэта здания вызывает к жизни новые типы церковных сооружений. В это время здесь появляются такие постройки, как трехшатровая Покровская церковь в Городище и двухшатровая церковь Происхождения Креста (собор Иоанна Устюжского), а старые клетские храмы получают обширные трапезные, легкие ажурные галереи и нарядные крыльца. Общее стремление к живописности привело к появлению нового типа ярусного деревянного храма. Такие храмы строились как на крещатом, так и на простейшем клетском основании и представляли собой различные комбинации восьмерика на четверике, ставшие чрезвычайно распространенными в этот период. В Устюге одним из наиболее ярких представителей этого типа культового сооружения можно считать ярусную Спасскую Городищенскую церковь. Сложные ярусные завершения, увенчанные декоративными шатрами и маковицами, получили в это время Рождественская, Никольская, Троицкая и другие церкви, общий характер которых наглядно отображает икона «Прокопий и Иоанн Устюжские». Но особенно ярко общие тенденции усложнения архитектурных форм сказались в необычайно нарядных многоглавых храмах, таких, как Пятницкая церковь «о семи верхах» и собор Михайло-Архангельского монастыря «о тринадцати верхах».

Важную роль в общем облике города играли многочисленные колокольни, которые были необходимой принадлежностью каждой соборной церкви и каждого прихода. По сведениям сотных и писцовых книг, наиболее распространенным типом устюжской деревянной колокольни был высокий восьмигранный («круглый») или шестигранный («о шти стенах») сруб, который завершался открытой площадкой для колоколов — «звоном». Такое сооружение обычно перекрывалось шатром, установленным над звоном на столбах. Нередко возводились колокольни, квадратные в плане, с открытой стоечной конструкцией: так называемые колокольни «на столбах» (колокольни Леонтьевской и Симеоновской церквей), а простейшим типом такого сооружения была колокольня «на одном столбе» (колокольня Власьевской церкви). Все эти типы колоколен возникли в глубокой древности и существовали параллельно в течение многих веков, почти не меняя своих форм. Согласно установившейся традиции, колокольня размещалась обычно отдельно от церковных зданий и придавала всей группе типичный для древнерусского ансамбля характер асимметрии и живописности.

Общий обзор внешнего облика древнего деревянного Устюга был бы неполон без характеристики его рядовой жилой застройки. Однако переходя к этому вопросу, необходимо отметить, что старые жилые районы здесь полностью утрачены в результате многочисленных пожаров и коренной перестройки города. Кроме того, исследование этой проблемы осложняется еще и тем, что авторы сотных и писцовых книг, оставившие подробные описания крепостных, церковных и общественных зданий, не считали нужным останавливаться на характеристике простейшего жилища. Вот почему судить о массовой жилой застройке Великого Устюга XVII в. в настоящее время чрезвычайно

трудно. В связи с этим особую ценность приобретает изображение жилых домов на иконе «Прокопий и Иоанн Устюжские».

На основании этого изображения, а также по аналогии с жилой застройкой других, более детально исследованных городов русского Севера, можно предполагать, что основу жилища устюжан составляла простейшая клеть, перекрытая двухскатной, обычно тесовой крышей и поднятая на высокий подклет. Древнему покрытию по слегам соответствовал высокий бревенчатый фронтон, завершающий торцовую стену, прорезанную двумя-тремя маленькими волоковыми окнами, среди которых в XVII в. начинают появляться и отдельные «красные» окна. Жилые дома обычно имели хозяйственные постройки (сенник, хлев и т. п.), находившиеся чаще всего под общей кровлей с жилой его частью. Для увеличения помещения древнерусские плотники, никогда не применявшие сращивания бревен по длине, ставили рядом несколько клетей-срубов и перекрывали их самостоятельными кровлями как двухскатными, так и более сложными (шатрами, бочками и т. п.). Компоновались эти первичные элементы по-разному: весьма распространены были двухсрубные здания, где две клетки объединены центрально расположенными холодными сенями; нередко клетки располагались в один ряд «стаей», но наибольшее применение получила свободная компоновка отдельных клетей, приставленных друг к другу и связанных сенями или переходами. При этом северные деревянные постройки обычно отличались от среднерусских наличием подклета, что приводило к возникновению высоких, украшенных резьбой наружных крылец, а иногда в общий ансамбль этих сооружений включалась также и башня-повалуша. Таким образом, богатые хоромы социальной верхушки городского населения выделялись среди рядовой жилой застройки своей живописной компоновкой, нарядным убранством и значительными размерами, достигая нередко высоты трех этажей.

Аналогичные приемы композиционного построения объема были свойственны и для общественных зданий, в основу которых была принята та же самая традиционная клеть, благодаря чему все эти сооружения именовались «избами». Так, например, сотная книга 1630 г. сообщает, что «таможенная изба» состояла из двух срубов-изб, соединенных холодными сенями, к которым вело нарядное шатровое крыльцо. Сооружение это имело внушительные размеры 26 × 9,5 м и по общему своему характеру, вероятно, было близко к богатым жилым постройкам. В писцовых книгах 1676—1683 гг. сохранилось интересное описание устюжского Гостиного двора, главным сооружением которого была «...изба тройная с перерубами, а промеж избами сени да повалуша». Кроме того, в состав Гостиного двора входила живописная группа изб подсобного назначения, лавок и амбаров, и весь этот комплекс занимал площадь 57 × 47 м. Не менее живописный характер, безусловно, имели и старый Владычный двор, и Воеводский двор и многие отдельно стоящие на площадях и улицах города здания общественного и административного назначения.

Большинство жилых домов устюжан имели участки с огородами, благодаря чему общий характер застройки города по основным принципам своего построения приближался к современному понятию за-

стройки усадебного типа. Богатые хоромы, как правило, располагались в глубине двора, а на улице в этом случае были обращены лишь заборы и хозяйственные, подсобные сооружения. Массовая застройка в связи с общей теснотой средневекового города, наоборот, была максимально уплотнена, и жилища горожан лепились друг к другу, образуя в наиболее густо заселенных районах центра и посада сплошную рядовую застройку. Дома простейшего типа обычно были обращены на улицу своими торцовыми фасадами, благодаря чему для большинства устюжских улиц этого периода было характерно чередование напряженного зубчатого силуэта многочисленных фронтонов со сплошными глухими заборами, из-за которых виднелись живописные завершения нарядных хором богатых усадеб. При этом общее плановое решение жилых улиц с их переменной шириной, с прихотливыми поворотами и изломами, создающими неожиданные ракурсы и перспективы, придавало массовой жилой застройке города типичный для этого времени характер живописности, который еще больше усиливали асимметричные группы разнообразных культовых сооружений, отдельными островками вкрапленных в свободно трактованную уличную сеть.

Наиболее сильное впечатление древний Устюг производил с реки, куда, согласно традиции, был обращен главный «фасад» города — его панорама, прекрасное иконографическое изображение которой сохранилось на упоминавшейся выше иконе «Прокопий и Иоанн Устюжские». Изображение это, выполненное бесхитростной, но чрезвычайно добросовестной рукой иконописца, замечательно тем, что в нем заложено глубокое понимание красоты городского ландшафта и наглядно отражены такие характерные его особенности, как живописность, органичная связь с окружающей природой и богатство силуэта, обусловленное обилием самых разнообразных вертикальных элементов. Многочисленные шатры — то изящные и стройные, то могучие и приземистые — чередуются здесь с небольшими клетскими церквями, а сложные ярусные и многоглавые завершения культовых построек и нарядные покрытия богатых хором и общественных зданий сменяет скромная рядовая жилая застройка. И вся эта живописная картина сложившегося в течение столетий городского ансамбля была заключена в суровую раму оборонительных сооружений, игравших не только стратегическую, но и архитектурную роль. Весьма существенно также и то, что отдельные здания, несмотря на необычайное их разнообразие, обладали органичным и принципиальным сходством, которое было обусловлено единым строительным материалом — деревом и общими конструктивными и декоративными приемами его обработки, в результате чего весь ансамбль древнего деревянного города приобрел большую архитектурную целостность. Кроме того, благодаря последовательному подчинению второстепенных местных доминант основным объемам городского ансамбля общая панорама, при всей ее живописности, обладала большой ясностью и четкостью построения. При этом в религиозном центре города на сравнительно небольшой площади сконцентрировалось максимальное число церковных зданий, над которыми величественно воздымал свои шатры главный Успенский собор. В облике Городища главную роль играли его мощные оборонительные сооружения, определяющие

военное, стратегическое назначение этого комплекса. А обширный устюжский торг с его многочисленными и разнообразными торговыми, административными общественными и церковными постройками отличался от других ансамблей города особой живописностью.

В заключение общего обзора Великого Устюга XVII в. следует отметить, что он представлял собой чрезвычайно характерный для древнерусского градостроительства ансамбль, основой которого служила планировка и застройка, свободная от геометрической предвзятости и в то же время глубоко закономерная и функционально обоснованная. По своему происхождению эта свобода и живописность общегородского ансамбля была так же далека от слепой случайности, как и от преднамеренного формотворчества и стала прямым следствием постепенного, естественного роста города. Подобно большинству древнерусских городов, старый Устюг не имел заранее составленного плана, а его строителями были многие поколения безымянных народных мастеров, которые в процессе удовлетворения конкретных жизненных потребностей города прямо в натуре решали сложные градостроительные задачи с учетом максимального приближения планировки и застройки к местным природным условиям, на основе прочно установившихся традиционных приемов формирования объемно-пространственных элементов города.

В результате такого творческого метода и рождалась та закономерная и логичная живописность городского ландшафта, которая нашла свое выражение в ясном господстве главного ядра и в соподчиненности всех второстепенных элементов застройки, в необычайном богатстве силуэта и в глубокой органичной связи всего ансамбля с окружающей природой, в свободной от шаблона разнообразно трактованной уличной сети и четкой закономерности в размещении отдельных доминант. Все эти традиционные градостроительные приемы предопределяли глубокое идейно-художественное содержание старого Устюга и придали его ансамблю неповторимый характер индивидуальности и своеобразия.

Таковы ярко отображенные в общем облике Великого Устюга XVII в. прогрессивные черты древнерусского градостроительного наследия, внимательное изучение которого в наши дни приобретает не только историческое, но и большое практическое значение в связи с тем, что советские зодчие, решая на основе современных принципов организации ансамбля новые грандиозные градостроительные проблемы, все смелее отказываются от схематического, надуманного геометризма и обращаются к так называемой свободной планировке, органически связанной с природным ландшафтом и позволяющей формировать индивидуальный и запоминающийся облик города.

Однако для правильного определения нашего отношения к планировке и застройке русских средневековых городов и, в частности, Великого Устюга необходимо учесть, что недооценка этого наследия также недопустима, как и переоценка его. С одной стороны, нигилистическое отрицание богатейшего национального опыта в области свободной планировки в наше время приводит к преувеличению роли современных зарубежных планировочных композиций, живописность которых нередко носит характер формалистической нарочитости. С другой стороны, идеализация русской старины является не менее ошибочной, так как

неизменно ведет к некритическому, подражательному использованию наследия. В то же время общий анализ Великого Устюга служит ярким доказательством того, что наряду с передовыми и прогрессивными принципами организации городского ансамбля в структуре города XVII в. были явно отражены также и те внутренние противоречия феодального строя, которые привели к социальной чересполосице и к частичной дезорганизации городского плана. Кольцом охватившие город «белые» земли ограничили его нормальный, естественный рост, что вызвало чрезмерное уплотнение застройки; сокращались участки «тяглых» людей, исчезала зелень, ухудшались санитарные условия. При такой тесноте деревянного города в подлинный бич населения превратились пожары.

Таким образом, в планировке Великого Устюга на рубеже XVII и XVIII вв. ярко отразился тот кризис, который переживала в это время феодальная система. Вывести город из этого тупика могла только полная его перестройка. Вот почему предпринятая во второй половине XVIII в. коренная реконструкция старых русских городов, в том числе и Великого Устюга, была более чем своевременна и представляла собой явление в высшей степени прогрессивное.

Характеристика Великого Устюга XVII в. была бы неполной без определения общих размеров города. Однако решение этого вопроса осложняется тем, что самый ранний «план межевания» был выполнен во второй половине XVIII в., и на этом чертеже без специальных исследований не представляется возможным установить точные границы города более раннего периода. Но если учесть, что расширение городской территории к XVIII в. значительно замедлилось, а рост города в это время шел в основном за счет уплотнения его застройки, то можно предполагать, что Устюг, занимавший по этому плану 140 га, в конце XVII в., вероятно, имел размеры 100—120 га.

Еще труднее определить число жителей Великого Устюга, так как современные исследователи пока не располагают достаточно достоверными данными для исчисления населенности городов допетровского времени. Сохранившиеся в сотных и писцовых книгах XVII в. так называемые подворные переписи позволяют судить лишь о числе дворов, но не жителей, из которых в эти документы заносились обычно лишь взрослые работающие мужчины, плательщики государственных налогов. Вот почему определяемая некоторыми исследователями на основе этих данных общая численность населения Великого Устюга в начале XVII в. в 3,5 тыс. чел., а в конце его — в 5 тыс. чел. вызывает серьезные сомнения и представляется значительно заниженной³³.

Для объективной оценки этих цифр полезно сравнить Великий Устюг с такими крупными торгово-ремесленными центрами Древней Руси, как Москва, Ярославль, Новгород и другие, для которых, благодаря значительно большей их изученности, современной градостроительной науке удалось, путем сопоставления различных косвенных данных, определить ориентировочную численность населения³⁴. Анализ этих данных позволяет установить определенную закономерность заселения древнерусских городов этого типа, выраженную в прямой зависимости числа жителей от числа дворов и размеров общей городской территории. Так, оказывается, что на 1 га и в Москве, и в Ярославле приходилось от

8 до 10 обывательских дворов, что соответствовало плотности населения примерно 100 чел./га. Аналогичный анализ Великого Устюга позволяет установить, что город, занимавший территорию 100—120 га и насчитывавший, по сведениям писцовых книг 1676—1683 гг., 1093 обывательских двора, имел характерную для крупных торгово-ремесленных городов своего времени плотность 9—10 дворов на 1 га. Поэтому для определения числа его жителей вполне обоснованно можно принять типичную для этих городов плотность населения — 100 чел./га. Таким образом население Великого Устюга в конце XVII в. составляло, очевидно, около 10—12 тыс. чел. Кроме того, необходимо учесть, что населенность крупных городов не была постоянной, так как разгар торгового сезона и особенно ярмарки вызывали приливы жителей, достигавшие 40—50%³⁵, благодаря чему население Великого Устюга возрастало, вероятно, до 15—18 тыс. чел. Эти данные служат дополнительным подтверждением того, что в конце XVII в. Великий Устюг относился к числу величайших городов русского Севера и стоял в одном ряду с крупными торговыми центрами средней Руси и Западной Европы.

Проект перепланировки города конца XVIII — начала XIX в.

Новым этапом в истории русского градостроительства стала эпоха Петра I, когда государство взяло под свой контроль не только ведение строительных работ, но и проектирование планов городов. Благодаря этому удалось осуществить переход к регулярной планировке и застройке, представляющим собой одно из основных достижений петровского времени. Становление нового стилистического направления — классицизма привело к дальнейшему подъему русского планировочного искусства, которое в последней четверти XVIII в. достигло своего блестящего расцвета, неразрывно связанного с деятельностью новой Комиссии строений, возглавленной И. И. Бецким. Комиссия эта была образована с целью ведения различных планировочных работ не только для столичных, но и для многочисленных провинциальных городов Российской империи. В результате 34-летней деятельности этой Комиссии (1762—1796 гг.), новые планы получили более 400 городов, в числе которых был и Великий Устюг. Однако далеко не все эти планы выполнялись непосредственно самой Комиссией. Пример проектирования плана Великого Устюга свидетельствует о том, что нередко проекты разрабатывались на местах. Однако во всех случаях Сенат передавал планировочные документы на рассмотрение Комиссии строений и только после положительного заключения представлял их на «высочайшее» утверждение. Таким образом, Комиссия Бецкого совмещала проектную работу с функциями основной согласовывающей инстанции, через которую прошли все планировочные предложения того времени.

Переходя к обзору нового этапа развития Великого Устюга, необходимо учесть, что если в древности решающая роль в формировании плана города принадлежала отдельным постройкам, а мысль подчас шла от частного к общему, благодаря чему и складывалась подробно рассмотренная выше свободная и живописная композиция городского ансамбля, то в XVIII в. самый факт предварительного проектирования

Первый обмерный план Великого Устюга, так называемый план межевания, выполнен после пожара 1772 г. На плане: черным показаны каменные здания, заштрихована жилая застройка, сохранившаяся после пожара 1 — Верхний посад (1-я часть города); II — Нижний посад (2-я часть города); А — Соборная группа; Б — Архиерейский дом;

В — Михайло-Архангельский монастырь; Г — Иоанно-Предтеченский монастырь; Д — городище; Е — старые крепостные рвы; церкви: 1 — Спасо-Преображенская; 2 — Сретенско-Преображенская; 3 — Леонтьевская; 4 — Ильинская; 5 — Воскресенская; 6 — Рождественская; 7 — Никольская; 8 — Варваринская; 9 — Троицкая; 10 — Иоанна-Богослова; 11 — Александра Невского; 12 — Вознесения; 13 — Покровская; 14

— Варлаамовская; 15 — Сретенско-Мироносицкая; 16 — Мироносицкая; 17 — Борисоглебская; 18 — Георгиевская; 19 — Петропавловская; 20 — Симеона Столпника; 21 — Пятницкая; 22 — Дмитриевская; 23 — Сергия Радонежского; 24 — Покровская Красногорская; общественные здания: 25 — канцелярия; 26 — таможня; 27 — магистрат; 28 — торговые ряды; 29 — воеводский дом; 30 — тюрьмы; 31 — кузницы

планов городов принципиально изменил эту зависимость. Композиция отдельных сооружений теперь была подчинена заранее обдуманному общему градостроительному замыслу, который приобрел значение первичного фактора в формировании города. Прямым следствием такого творческого метода стала так называемая регулярная планировочная система, которая имела целый ряд практических преимуществ: она значительно улучшала транспортные связи и возможности ориентации внутри города, облегчала перенос проекта в натуру, а новые регулярные планы, созданные на принципах симметрии и порядка, имели четкую, геометрически правильную форму, просторные площади и широкие прямые улицы, что отвечало новым представлениям о красоте города.

Перед началом коренной перепланировки Великий Устюг представлял собой типичный для своего времени пример обострения противоречий между новыми экономическими условиями развития города и его устаревшей планировочной системой, где феодальные пережитки городского землевладения привели к крайней переуплотненности жилого фонда, что послужило причиной многочисленных пожаров. Кроме того, общее развитие города на этом этапе значительно осложнили участвовавшие наводнения, которые в начале XIX в. привели к изменению русла реки. Все это вызвало необходимость неотложной реконструкции старого Устюга с целью разуплотнения городской застройки, а также защиты города от «огненного воспаления» и «водного потопления».

История первого проекта перепланировки Устюга была связана с двумя «великими» пожарами 1772 г., во время которых вся центральная часть города, где некогда располагался наиболее капитальный и ценный жилой фонд, выгорела до основания и представляла собой сплошное пепелище. После этих пожаров для «обозрения» города сюда приехал архангелогородский губернатор Е. А. Головцын, который приказал, в целях «предотвращения пожарных приключений», «сочинить» для него новый план. Работы над этим планом были начаты с выполнения детальной инструментальной съемки, использованной затем в качестве подосновы для всех последующих проектных предложений и представляющей для современного исследователя большую документальность.

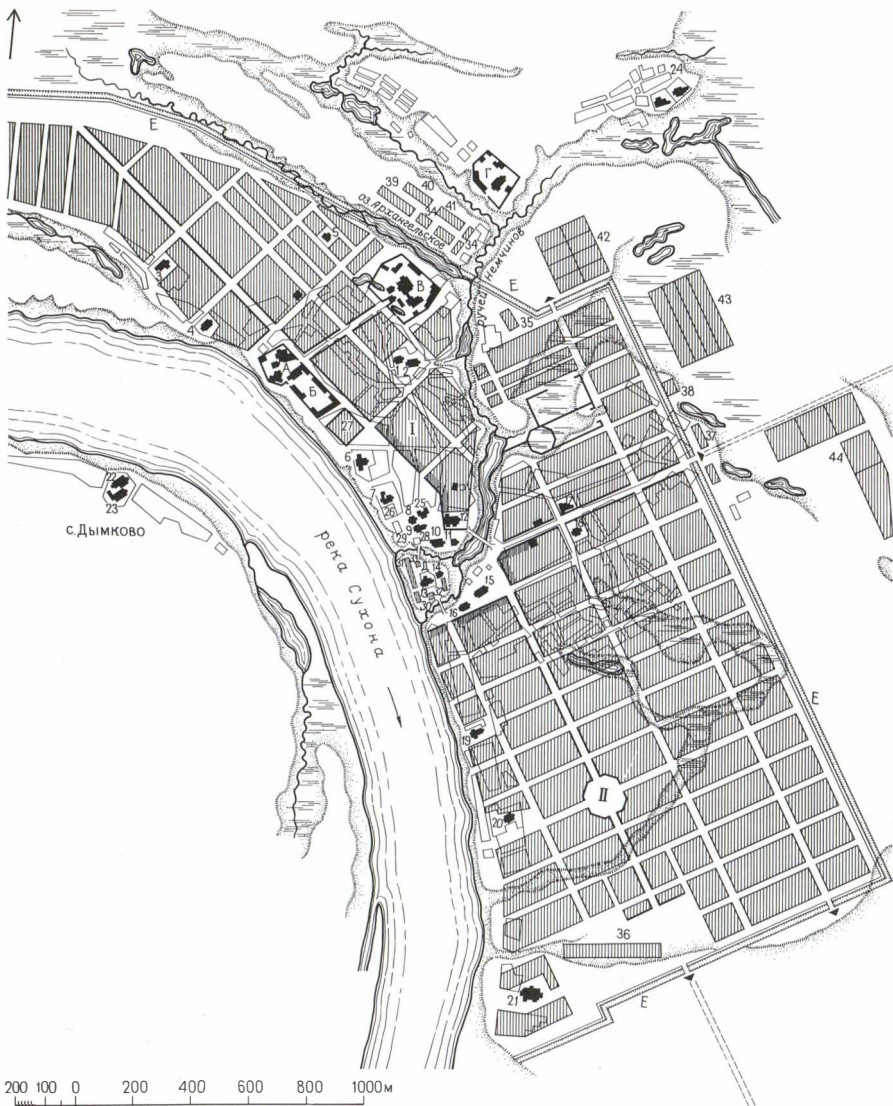
На основе этой натурной съемки в 1773 г. «под надзором» Головцына был выполнен первый проект планировки Великого Устюга. К этому проекту прилагались подробные «изъяснения» и «смета»³⁶, в которых авторы, детально анализируя современное им состояние города, сообщают, что торговых и складских помещений здесь недостаточно, что отсутствие гостинного двора затрудняет ведение торговых операций, что для размещения заводов «не осталось свободного места», а береговая линия застройки подмывается Сухоной. Основную же причину частых и жестоких пожаров они объясняют «прекраснейшей теснотой» города, «малостью прежней городской земли стесненного». Поэтому проектировщики предлагают «распространить» город за счет переселения на свободные территории расположенных на городской земле 10 деревень, а также принадлежащих Архиерейскому дому садов и огородов. Далее, приводя подробный расчет всего пострадавшего и аварийного жилого фонда, они сообщают, что в городе необходимо построить заново 1658 жилых домов, для чего потребуется дополнительная территория

Первый проектный план Великого Устюга. Выполнен в 1773 г. и одобрен Комиссией строений (план Головцына). На плане нанесены контуры кварталов старой застройки; вновь проектируемая застройка заштрихована

I — Верхний посад; II — Нижний посад; А — Соборная группа; Б —

Архиерейский дом; В — Михайло-Архангельский монастырь; Г — Иоанно-Предтеченский монастырь; Д — городище; Е — проектируемый ров и вал; церкви: 1—24 (см. экспликацию к рис. на с...); общественные и хозяйственные здания: 25 — таможня; 26 — магистрат; 27 — гостинный двор; 28 — харчевня; 29 — питейный дом; 30 — канцелярия; 31 — вин-

ный «магазин»; 32 — соляной «магазин»; 33 — пороховая лавка; 34 — мясные и рыбные ряды; 35 — пивоварня; 36 — амбары и склады; 37 — кузницы; 38 — тюрьма; заводы: 39 — салотопенные; 40 — солодовенные; 41 — мыловаренные; 42 — кожевенные; 43 — прядильные; 44 — кирпичные

площадью 275 десятин и 1055 квадратных саженей (288 га). Если же учесть, что весь старый Устюг занимал в то время всего около 140 га, то станет еще более очевидной его крайняя теснота, для ликвидации которой — только за счет установления необходимых противопожарных разрывов между жилыми домами, наделения их стандартными земельными участками и соблюдения нормативных ширин улиц — пришлось при том же числе населения и без учета перспективы роста города увеличить его площадь в два раза!

Проблему расширения города проектировщики предлагали разрешить за счет интенсивного заселения его нижней, 2-й, части, тогда как развитие верхней, 1-й, части города они ограничивали незначительным ее ростом в северо-западном направлении, а общая граница городской территории здесь проектировалась непосредственно за Михайло-Архангельским монастырем. Таким образом, вся Красная гора с древним Иоанно-Предтеченским монастырем, с Красногорской и Ивановской слободами, а также и заречная Дымковская слобода по плану Головцына оставались за пределами городской черты.

Вопросы реконструкции городов всегда неразрывно связаны с проблемой преемственности. При первом взгляде на проект Головцына создается впечатление, что он разработан без учета общего характера старого плана. Однако тщательное сопоставление этих планировочных документов свидетельствует, что авторы нового проекта внимательно проанализировали исторически сложившуюся структуру города, закрепленную в натуре сохранившимися после пожара отдельными каменными сооружениями, и использовали основные принципы ее построения. Так, улица Успенская сохранила свое былое значение главной магистрали 1-й части города, однако она была спрямлена и продолжена в сторону Леонтьевского конца, в результате чего новая Успенская улица (ныне Советский проспект) заменила собой два параллельных реке луча первичной радиальной системы города. На прежнем месте остался третий древнейший радиус этой системы — улица Архангельская (ныне Октябрьский переулок), связавшая соборную группу с Михайло-Архангельским монастырем. Так в новом плане была сохранена планировочная основа этой части города.

Аналогичными приемами была обусловлена и структура 2-й части города. Старое направление сохранил один из основных лучей вторичной радиальной системы — улица Шилова, совпадавшая с направлением нижней Архангелогородской дороги и закрепленная положением Борисоглебской и Георгиевской церквей. Параллельный реке радиус этой системы — улица Петропавловская — была значительно спрямлена, однако и она сохранила свое направление в сторону дороги, ведущей в Лальск. Эти две исторически сложившиеся взаимно перпендикулярные магистрали и определили общий характер новой уличной сети 2-й части города. Кроме того, на территорию этого района была продолжена Успенская улица, получившая значение главной магистрали города, на которой разместились основные площади и ансамбли, начиная от сложной и развитой группы городского центра и кончая новыми восьмигранной и прямоугольной площадями.

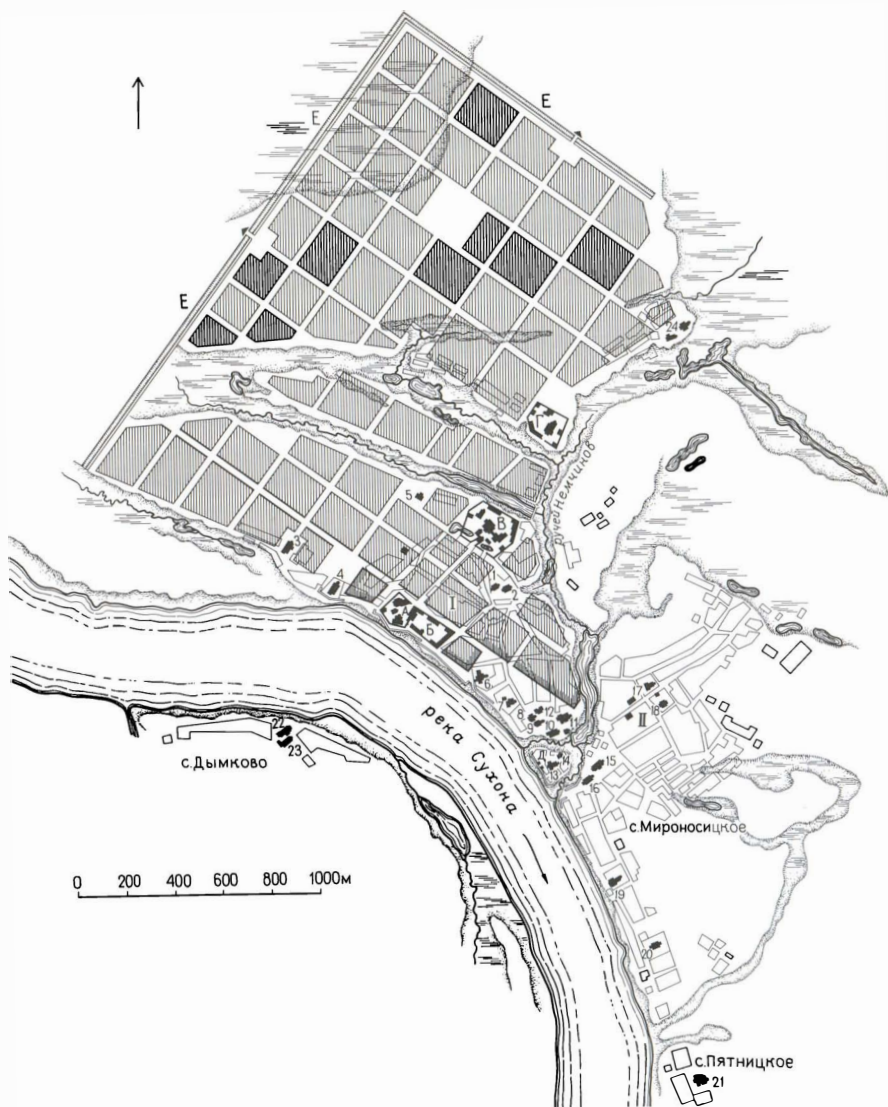
Центр города по этому проекту развивался на основе двух главных

План Велкого Устюга 1784 г., «высочайше подтвержденный» Екатериной II (план Мельгунова). На плане нанесены контуры кварталов старой застройки, вновь

проектируемая застройка заштрихована

I — Верхний посад; II — Нижний посад; А — Соборная группа; Б — Архиерейский дом; В — Михайло-Архангельский монастырь; Г —

Иоанно-Предтеченский монастырь; Д — городище; Е — проектируемый ров и вал; церкви: 1—24 (см. экспликацию к рис. на с. 75)

исторически сложившихся комплексов — Соборного дворища и торгового ряда. Это здание способствовало объединению двух древних центров города в единый ансамбль, благодаря чему новый центр Великого Устюга приобретал более крупный масштаб, соответствующий возросшей площади всего городского пятна.

Таким образом, в основу проекта Головцына был принят древний планировочный каркас города, предопределивший главные направления уличной сети. При этом второстепенные улицы в соответствии с требованиями нового времени были проложены параллельно и перпендикулярно основным магистралям, в результате чего общая планировка приобрела характер двух четко выраженных регулярных прямоугольных систем, которые соединились между собой под тупым углом по линии центрального оврага. Весьма характерно также и то, что весь город и его центр по этому проекту растянулись вдоль берега, что улучшало обслуживание его рекой и соответствовало общей тенденции развития старого городского плана.

Территория города по плану Головцына была разбита на множество прямоугольных кварталов площадью от 1 до 4 га в зависимости от размеров земельных участков. При этом на центральных магистралях располагались наиболее крупные кварталы, предназначенные под застройку двухэтажными каменными и деревянными домами городской знати, а к окраине тяготели отводившиеся для низших слоев населения более мелкие кварталы со скромными участками и одноэтажной застройкой. Таким образом, новым планом было узаконено социальное зонирование, ярко отражавшее классовую сущность города того времени. План этот был выполнен очень детально и иллюстрировал новый способ жилой застройки, при котором дома располагались вдоль красных линий улиц по внешнему периметру кварталов, в результате чего новые прямые и широкие магистрали с их сплошной регулярной застройкой принципиально отличались от живописных, свободно застроенных улиц старого города.

Проектом предусматривалось проведение ряда работ по благоустройству города: мощение главных улиц с организацией водосточных канав, озеленение, а также осушение наиболее пониженного и заболоченного района 2-й части города, где предполагалось устроить сеть дренажных каналов и вырыть обширный водосборный пруд правильной восьмигранной формы.

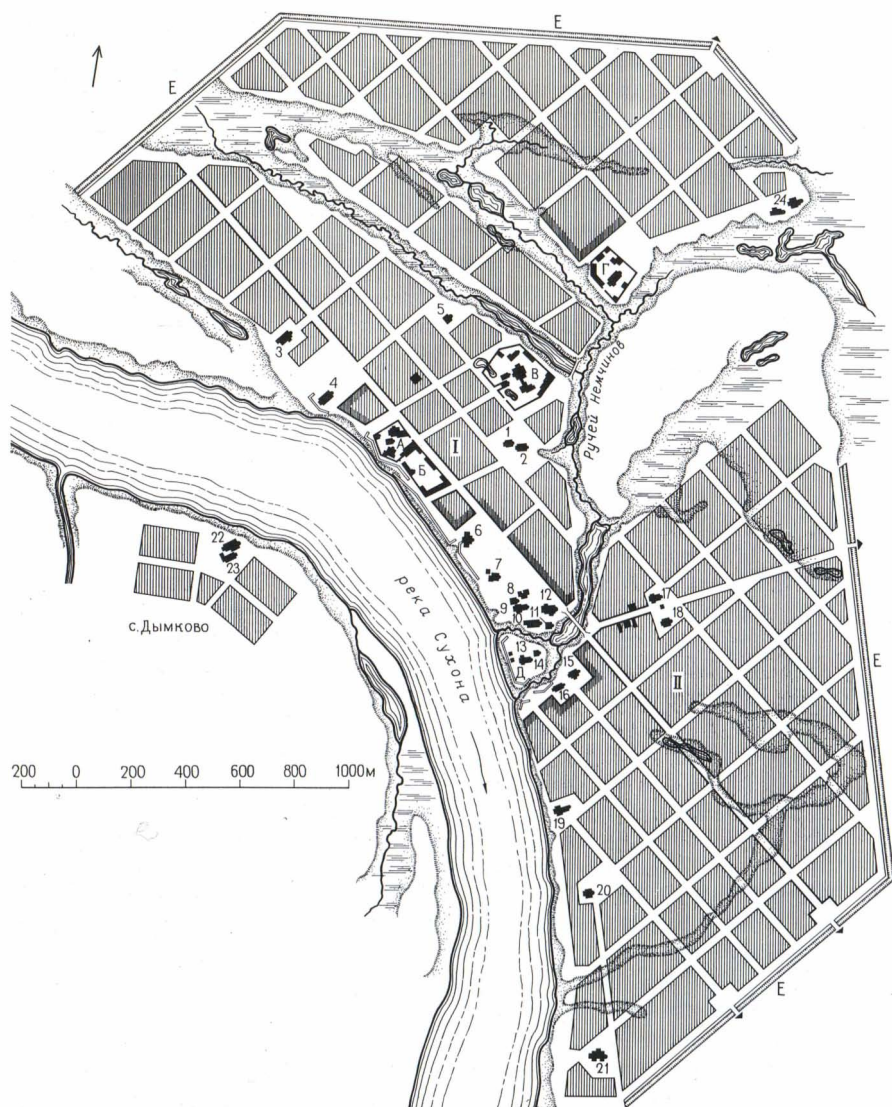
Кроме того, в проекте была обстоятельно решена также и проблема размещения хозяйственно-производственной базы города. Специальным расчетом была определена площадь, необходимая для этих предприятий, а сами они, в целях улучшения санитарно-гигиенических условий, запроектированы вне городской черты. Так, близ северо-восточной границы города непосредственно за Архангельским озером предполагалось разместить салотопенные, солодовенные и мыловаренные заводы; сюда же «во избежание нечистоты и дурного воздуха» были вынесены из городского центра рыбные и мясные ряды; далее на восток отводилось место для кожевенных, прядильных и кирпичных заводов; здесь же близ Архангелогородской дороги были запроектированы кузницы и город-

План Великого Устюга, выполненный в 1800 г. землемером Точневым (план Нормана). Проект был отклонен Павлом I, однако предложенная здесь планировка нижней

части города использована в последнем варианте плана

I — Верхний посад; II — Нижний посад; А — Соборная группа; Б — Архиерейский дом; В — Михайло-Архангельский монастырь; Г —

Иоанно-Предтеченский монастырь; Д — Городище; Е — проектируемый ров и вал; церкви: 1—24 (см. экспликацию к рис. на с. 75)

ская тюрьма, а для складского хозяйства проектировщики отвели место по течению реки ниже города у юго-восточного въезда близ дороги, ведущей в Лальск.

Так авторы этого первого проекта решали утилитарные задачи, органически сочетая коренную перестройку старого города с вдумчивым и бережным отношением к его богатому художественному наследию. Вот почему план Головцына по праву может быть отнесен к числу положительных предложений своего времени.

В 1773 г. этот план, вместе с расчетом и подробным «рапортом» Головцына, был передан в Комиссию строений на рассмотрение. Ознакомившись со всеми представленными материалами, Комиссия сообщила в Сенат, что «... согласуясь во всем с мнением архангелогородского губернатора», она одобряет проект планировки Великого Устюга и вносит в него одно дополнение: «... ко ограничению города земляной вал». Одновременно Комиссия прислала специального указа о присоединении к городу всех необходимых для его разуплотнения земель. И хотя Сенат медлил с изданием такого указа, устюжане начали интенсивно строиться по новому плану.

В заключение обзора этого проекта следует остановиться на вопросе об его авторстве. В специальной литературе сложилось мнение о том, что автором плана Великого Устюга был выдающийся зодчий русского классицизма Иван Егорович Старов³⁷. В 1772—1773 гг. Старов занимал должность главного архитектора Комиссии строений, поэтому ему можно было бы приписать ранний рассмотренный выше план города. Однако подробные архивные документы свидетельствуют, что план этот поступил в Комиссию строений в законченном виде, и Комиссия, рассмотрев его, ограничилась внесением лишь самого незначительного добавления³⁸. Следовательно, нет никаких оснований считать этого крупного столичного мастера автором первого плана Великого Устюга. Еще менее вероятно его участие в более поздних вариантах плана города, так как после 1773 г. Старов отошел от планировочных работ, связанных с деятельностью Комиссии строений, и был занят другими заказами. Поэтому правильнее всего предполагать, что первый план Великого Устюга был выполнен по указаниям Головцына местными градостроителями, имена которых, к сожалению, остаются нам неизвестны.

В 1780 г., когда с образованием Вологодского наместничества Великий Устюг стал центром одной из трех его областей, сюда для «обозрения» города приехал новый губернатор А. П. Мельгунов. Ознакомившись с первыми проектными материалами, он решительно забраковал план Головцына и приказал сопровождавшим его архитектору Левенгагену и землемеру Нестерову «сочинить» для Великого Устюга новый план. Главным недостатком первого проекта Мельгунов считал то, что основной массив вновь проектируемой жилой застройки предлагалось разместить во 2-й части города на «...низких, болотных, поемных рекою местах», которые Мельгунов объявил непригодными для заселения и, учитывая «... что река Сухона во время разлития течение перемещает с повреждением строений и обывательских дворов»³⁹, запретил строительство на территории этого пониженного района. Одновременно он предложил расширить городские земли на северо-восток за счет освоения

обширного плато Красной (Ивановской) горы, что и было положено в основу составленного по его указаниям нового проекта перепланировки города.

Сравнивая план Мельгунова с предшествовавшим ему проектом, следует отметить принципиальные различия этих двух планировочных документов в вопросе выбора места для новой селитебной зоны. Отказываясь от освоения пониженной части города, авторы второго плана отбрасывали весь этот исторически сложившийся район с его жилой застройкой и с каменными храмами, в результате чего было нарушено обусловленное торгово-ремесленной жизнью города его естественное тяготение к реке, и Устюг практически отходил бы от реки, расположившись на территории верхней террасы берегового рельефа. Вместе с тем этот новый проект имел много общего с планом Головцына, из которого почти полностью была заимствована планировочная основа 1-й части города. Отсюда уличная сеть через ручьи и болота была механически продолжена на северо-восток на территории Красной горы, где образовалась безликая система одинаковых квадратных кварталов, значительная часть которых попала в район топкого Трепагина (Богородского) болота. Кроме того, в этом проекте была повторена предложенная авторами плана Головцына общая структура городского центра. Но если в первом проекте этот ансамбль, располагаясь в геометрическом центре всего городского пятна, был органично связан с городом системой исторически сложившихся и тяготевших к нему магистралей, то здесь тот же самый комплекс занял случайное положение, разместившись в стороне от основной застройки, что вызвало необходимость проектирования в северном районе города дополнительной квадратной площади, не связанной ни со старой структурой городского плана, ни с основными его ансамблями, ни с особенностями природного ландшафта. И, наконец, план Мельгунова значительно уступал своему прототипу по степени проработанности, а обусловленное подробным расчетом размещение всех жилых, общественных и хозяйственных сооружений здесь было заменено общими примечаниями, которые содержали перечень основных санитарно-гигиенических и противопожарных требований. Так, например, в этих примечаниях отмечалось, что бойни, пивоварни и заводы следует располагать по течению реки ниже города, кладовые и амбары — «в близости реки», кузницы — при въездах в город «на таком расстоянии от жила, чтобы не угрожала опасностью от пожара», кладбища — за городом и т. п. Здесь же указывалось, что «для предосторожности от пожарного случая» между деревянными жилыми домами следует соблюдать разрывы не менее 5 сажен (10,5 м) при высоте дома не более 6 аршин (около 4,5 м), а на кровлях делать брандмауэры высотой «не ниже аршина», при этом для покрытия крыш запрещалось применять дрань, хворост и солому.

Эти примечания, весьма интересные сами по себе, в данном случае не представляют существенной ценности, так как составленные однажды Комиссией строений, они в то время играли роль типовых и просто переписывались на все проекты планировки городов, а авторы нового плана Великого Устюга даже не потрудились «привязать» их к месту. Таким образом, оценивая план Мельгунова, приходится признать, что приезжие

гастролеры выполнили его явно наспех, и поэтому он значительно уступал плану Головцына не только в тщательности разработки, но и в общем принципиальном решении сложных градостроительных проблем реконструкции старого города.

Однако в 1782 г. Комиссия строений одобрила этот новый проект, отменив тем самым свое первоначальное решение по плану Головцына. Затем проект был передан на «высочайшее рассмотрение», а Мельгунов, используя свои связи при дворе, сумел и здесь добиться положительного решения вопроса. И в январе 1784 г., в числе представленных Екатерине II планов 14 городов Вологодской губернии, новый план Великого Устюга был «высочайше конфирмован» и получил традиционное заключение: «Быть по сему». После этого Мельгунов предложил устюжанам заселять новый нагорный северо-восточный район города, одновременно запретив не только строиться на территории 2-й его части и Дымковской слободы, но даже и ремонтировать существующие дома, большинство которых были построены по действовавшему в течение 9 лет плану Головцына. Все это вызвало недовольство городского населения, и уже с 1790 г. устюжане начинают упорно ходатайствовать перед всеми последующими губернаторами об изменении плана Мельгунова. Однако при жизни Екатерины II все эти просьбы «...удовлетворительного исполнения получить не имели счастья»⁴⁰.

С вступлением на престол Павла I, фанатично стремившегося к изменению всего, что было некогда предпринято его матерью, устюжане активизировали свои ходатайства, и в 1798 г. городская дума командировала «устюжского гражданина» Д. Г. Погожева в Петербург в Министерство внутренних дел к князю Куракину с просьбой выступить перед императором в защиту интересов устюжан. Погожеву был вручен план, выполненный в 1794 г. землемером Свечиным на основании плана 1789—1790 гг., «сочиненного» устюжским землемером Невежиным⁴¹, а все основные соображения устюжан по вопросу дальнейшего развития города были подробно изложены Погожевым в специальном «рапорте», представляющем собой чрезвычайно интересный документ своего времени⁴².

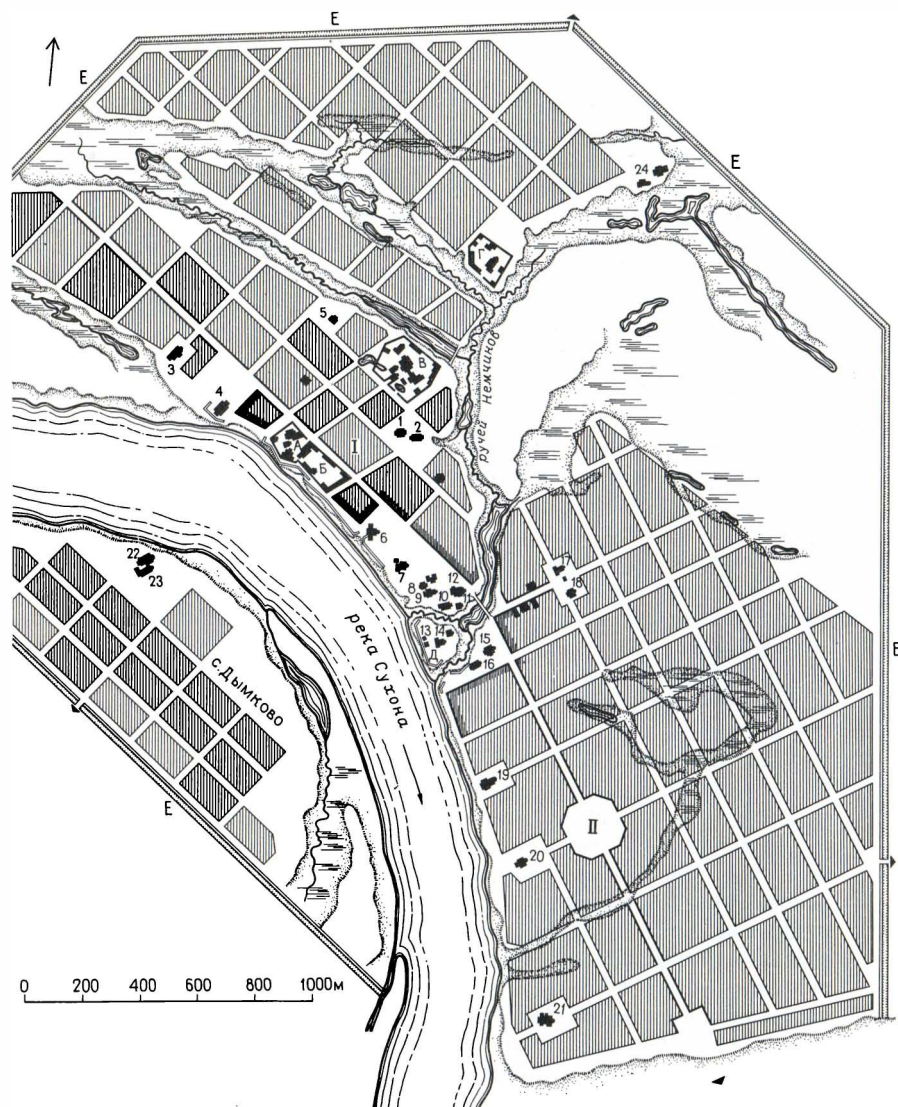
Описывая историю проектирования плана Великого Устюга, Погожев резко, но очень обоснованно критикует утвержденный Екатериной II план, который Мельгунов «... изготавил... по собственным его мыслям... не дав гражданам знать», и сообщает, что основным недостатком этого плана устюжане считают исключение из городской селитебной зоны 2-й нижней части города и заречной Дымковской слободы, поскольку расположенные в этих двух районах 9 каменных церквей и 756 жилых домов (в том числе 6 каменных) «...ломать и переносить без крайнего разорения не можно». Кроме того, для основной массы населения, занимающейся ремеслом и торговлей, эти места, благодаря их близости к реке, чрезвычайно выгодны, и поэтому уже издревле они были заселены. Новые же территории, отведенные Мельгуновым под селитьбу, отрезаны от центральных районов города двумя болотами и в северной своей части «... весьма кочковаты и столь жидки, что на них даже и скот не только вязнет, но и утопает,... почему ни колодезей тут для получения светлой воды вырыть, ни сухих погребов иметь не можно,... гнилой

План Великого Устюга, выполненный в 1802 г. группой устюжан под руководством Буддакова. Этот план был положен в основу оконча-

тельного варианта планировки Великого Устюга

I — Верхний посад; II — Нижний посад; А — Соборная группа; Б — Архиерейский дом; В — Михайло-Архангельский монастырь; Г —

Иоанно-Предтеченский монастырь; Д — Городище; Е — проектируемый ров и вал; церкви: 1—24 (см. экспликацию к рис. на с. 75)

же болотный воздух и здравью человеческому весьма вреден», а удаление новых мест от реки для устюжан крайне неудобно и грозит им большими убытками. Далее Погожев отмечает, что Мельгунов «... умолчал о крестьянах, которые живут и пашут на городской земле», не отвел им новых участков, поэтому они продолжают затеснять городскую территорию, тогда как «... земель в округе великое множество». В заключение от лица всего «устюжского общества» Погожев просит разрешения на заселение прежних, исторически сложившихся территорий 2-й части города и Дымковской слободы вместо новых «... отдаленных и болотистых мест», а также выведения с городских земель экономических и черносошных крестьян.

Ознакомившись с доводами устюжан, Павел отнесся к их просьбе весьма благосклонно и разрешил оставить жителей по их желанию на старых местах, а также распорядился сделать новый план города «...соображаясь с пользою обывателей и избегая большой ломки строений и особливо каменных зданий». В 1800 г. разработанный губернским землемером Точневым по указаниям нового губернатора Нормана план был представлен на утверждение. Но поскольку план этот был выполнен «... без согласия главы градского и общества», Павел, во избежание новых жалоб, не утвердил его, и все проектные материалы были возвращены губернатору с резолюцией: «велено оставить без уважения».

В 1802 г. в начале царствования Александра I Министерство внутренних дел по той же причине отклонило еще два плана Великого Устюга, выполненные по указаниям нового губернатора Горяинова.

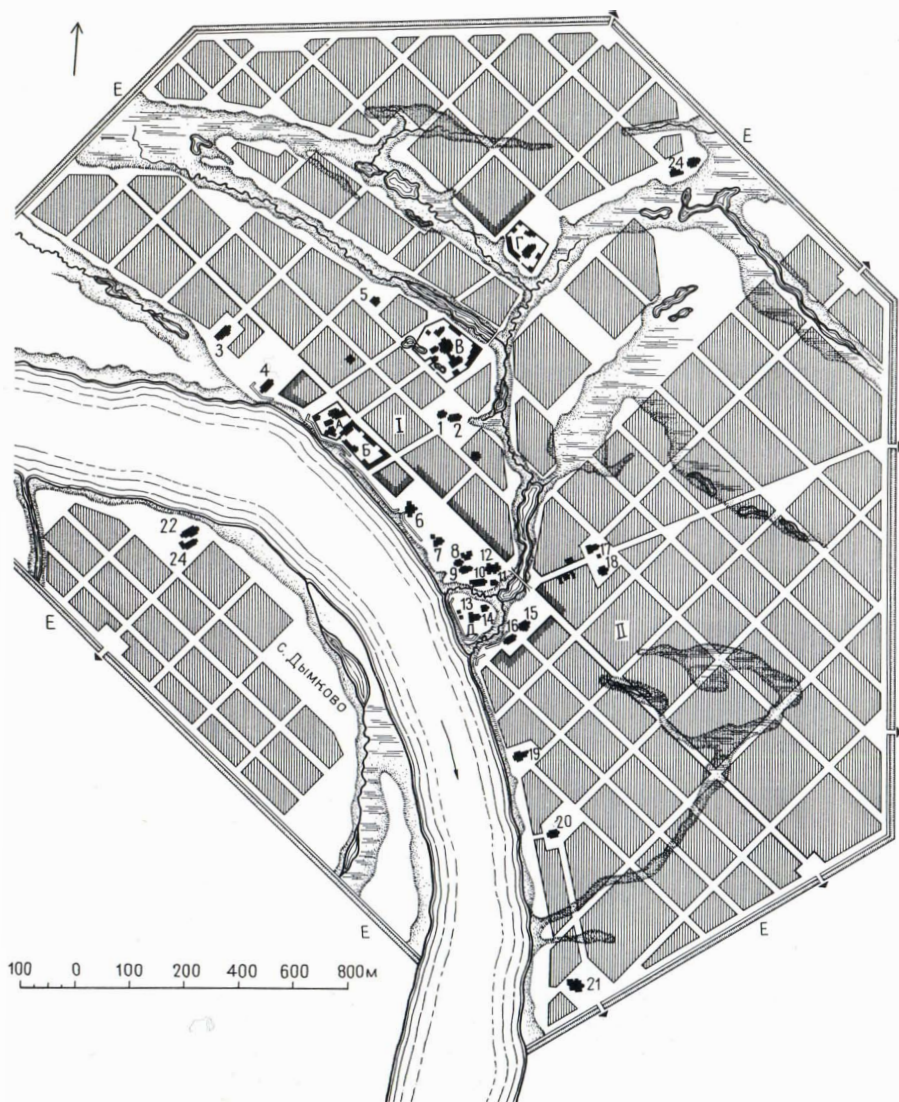
В это время устюжане выступили с резкой критикой планов Нормана и Горяинова, поскольку эти предложения не ликвидировали главный недостаток города — тесноту. Тогда же великоустюжский городской голова И. Булдаков по поручению «градского общества» обратился с «рапортом» теперь уже к самому императору и, излагая всю многолетнюю историю проектирования плана Великого Устюга, просил ускорить решение вопроса. К этому «рапорту» устюжане приложили план, разработанный собственными силами в 1802 г. и подписанный И. Булдаковым, И. Налединым, В. Бабиковым, Р. Новосельцевым и др.

Тщательно проанализировав и критически оценив все ранние проекты перепланировки города, устюжане творчески использовали все то лучшее и наиболее рациональное, что было в них заложено, и создали на их основе самостоятельный и более совершенный вариант проекта. Принципиально решенная уже в проекте Головцына планировка 1-й части города, а также общая трактовка главного городского центра, местных районных центров и отдельных планировочных узлов была принята устюжанами почти без изменений. Направление уличной сети 2-й нижней части города они проектировали также в соответствии с планом Головцына, под углом к уличной сети 1-й части, одновременно укрупнив кварталы нижнего района. Но поскольку план Головцына не учитывал перспективы роста города, постольку устюжане не ограничивались освоением предусмотренных этим проектом территорий и, изменив общие городские границы, дополнительно перешли к предложенному плану Мельгунова заселению Красной горы. Однако и к этому проекту они также отнеслись критически, отказавшись от застройки северной заболо-

Окончательный вариант плана Великого Устюга. Выполнен землемером Голубевым в 1804 г. и утвержден Александром I

I — Верхний посад; II — Нижний посад; А — Соборная группа; Б — Архиерейский дом; В — Михайло-Архангельский монастырь; Г — Иоанно-Предтеченский мо-

настырь; Д — Городище; Е — проектируемый ров и вал; церкви 1—24 (см. с. 75).

ченной части нагорного района и проектируя застройку на освоенных уже в глубокой древности сухих и красивых местах, расположенных вдоль бровки Красной горы. Кроме того, в дополнение к проектам Головцына и Мельгунова устюжане упорно настаивали на присоединении к городу заречной Дымковской слободы, необходимой «... как для почт, так и для всей коммуникации через реку». План устюжан был выполнен очень тщательно и детально, с разбивкой земельных участков под новое жилищное строительство и с нанесением границ тех крестьянских земель, из-за которых велась многолетняя тяжба. Таким образом устюжане определили отвечающие их желаниям основные принципы планировочной организации города, а разработанный ими проект явился основой окончательного варианта плана⁴³.

Последний проект перепланировки Великого Устюга был выполнен губернским землемером Голубевым⁴⁴. От плана устюжан этот проект отличается только начертанием уличной сети 2-й части города, в чем нашли свое выражение тенденции губернских градостроителей (ср. с планом Нормана), которые, отдавая дань времени, решительно спрямили главную магистраль города — улицу Успенскую и, продолжив ее на территорию нижней части, подчинили ей всю остальную уличную сеть этого района, сохранив из старых направлений только улицу Шилова и частично улицу Петропавловскую, положение которых было закреплено в натуре каменными особняками и старыми церквями. В остальном план Голубева полностью повторял предшествовавший ему план устюжан.

В 1804 г. Александр I наконец утвердил этот последний вариант проекта, который явился естественным результатом длительной и напряженной проектной работы, сопровождающейся острой полемикой и объединившей труд многих местных и губернских градостроителей. Одновременно с утверждением этого плана вышел правительственный указ о переселении части крестьян на новые территории и о переводе желающих в «градское сословие», в результате чего бывшие крестьянские земли перешли в городское ведение и тем самым было уничтожено одно из основных препятствий к нормальному развитию города.

Так полным удовлетворением всех требований устюжан завершилась сложная история проектирования нового плана Великого Устюга, продолжавшаяся более 30 лет, в течение которых было разработано не менее 10 различных вариантов проекта перепланировки города.

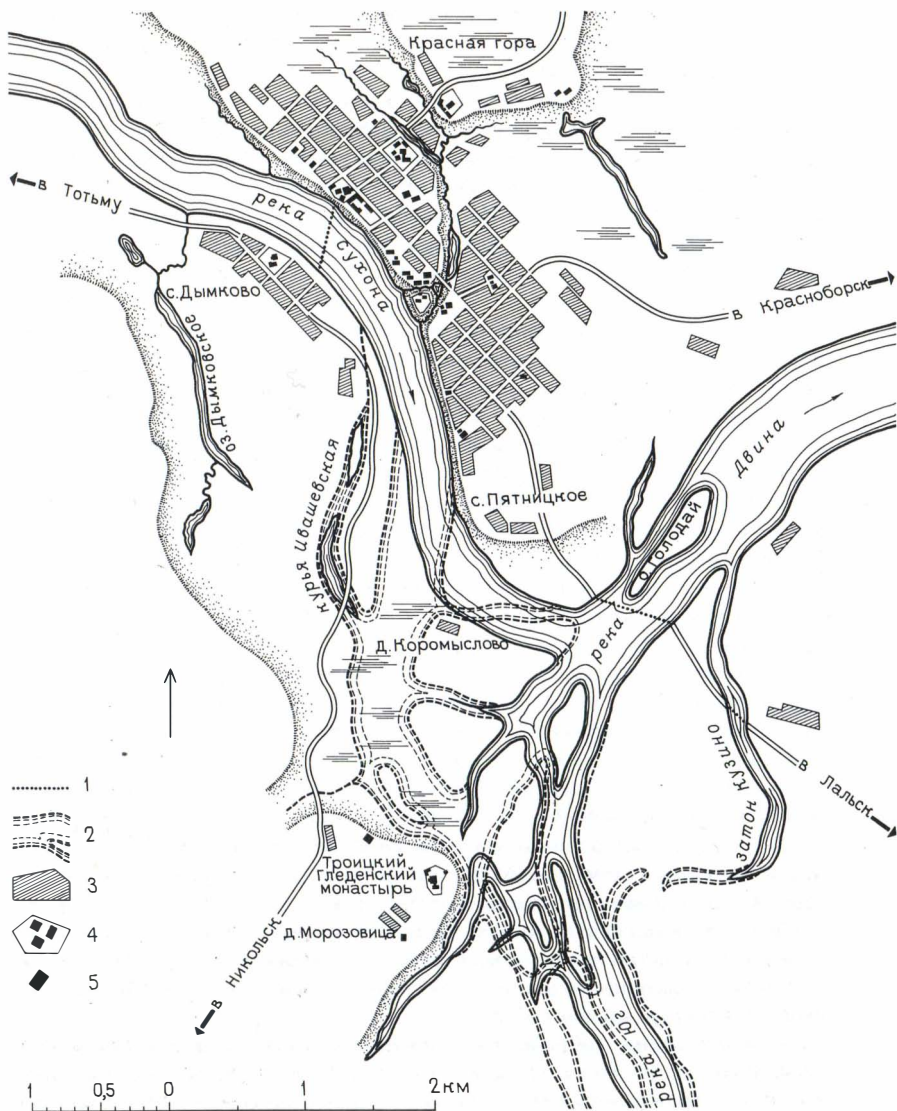

Осуществление нового плана в натуре развернулось с начала XIX в., когда в Великом Устюге «... началось более прежнего ... по новым фасадам строение»⁴⁵, и за сравнительно короткий срок здесь было возведено много самых разнообразных зданий. Особенно широкий размах принимает в это время массовое жилищное строительство, неразрывно связанное с общей реконструкцией города. В основу новой регулярной жилой застройки были положены так называемые «образцовые» проекты XVIII в., созданные впервые при Петре I в целях упорядочения строительства и оказавшие большое влияние на развитие архитектуры жилого дома русской провинции, что наглядно иллюстрируют наиболее

Натурный план-съемка Великого Устюга середины XIX в. На плане пунктиром показано

старое русло реки, изменившей свое направление после наводнения 1807 г.

1 — перевоз; 2 — старое русло р. Сухоны; 3 — территория жилой застройки; 4 — монастыри; 5 — приходские церкви

ранные каменные особняки Великого Устюга. В 1763 г. Екатерина II утвердила как «образцовые» фасады, разработанные для Твери в формах классицизма. Эти фасады были разосланы для применения по многим русским городам и, в частности, архангелогородскому губернатору Головцыну, который, очевидно, и приложил их к выполненному по его указаниям первому плану Великого Устюга⁴⁶. И, наконец, в 70-х годах XVIII в. была разработана новая серия типовых проектов — «Фасады примерные против протчих вновь строящихся городов каменным и деревянным домам», которые Комиссия строений прикладывала ко всем планам городов как обязательные для применения⁴⁷. В Великий Устюг эти фасады были направлены в 1784 г. вместе с утвержденным Екатериной II планом Мельгунова, а на самом плане даны указания по их использованию. На практике наибольшее применение получил здесь тип 3-й «Фасадов примерных», представляющий собою двухэтажный особняк «в 7 окон» с расположением главных парадных помещений во втором этаже.

Таким образом, жилая застройка Великого Устюга складывалась под явным влиянием трех основных, действовавших в течение XVIII в. серий типовых проектов, начиная от петровских «образцовых» домов и кончая «Фасадами примерными» Комиссии Бецкого. Тем не менее в городе не удастся обнаружить ни одного дома, выстроенного точно по типовому проекту. Объясняется это тем, что в отличие от современного понятия типового проектирования эти серии содержали обычно только фасады жилых домов без планов и разрезов и носили иллюстративный, рекомендательный характер. При этом в «пояснениях» к фасадам указывалось, что «наружные украшения и внутреннее расположение оставить хозяевам на воле, кто какие пожелает»⁴⁸, а в примечаниях к плану Великого Устюга 1784 г. разрешалось строить жилые дома и по другим фасадам, но «с лучшим украшением». В результате такого подхода к типовым проектам жилищное строительство этого времени было далеко от механического повторения образцов, при этом внутренняя планировка жилых домов выполнялась согласно потребностям заказчика, а архитектурная отделка фасадов свободно варьировалась в соответствии с установившимися местными традициями.

Вот почему застроенные по этим проектам русские города и, в частности Великий Устюг, продолжали и на этой стадии развития сохранять свою яркую индивидуальность. Вместе с тем применение типовых проектов вносило в массовую жилую застройку определенный порядок, а общая композиционная схема всех вновь строящихся зданий и их единая стилевая характеристика способствовали превращению города в целостный архитектурный ансамбль.

Каждая серия «образцовых» проектов XVIII в. включала в себя несколько типов жилых домов, отличавшихся по размерам, по этажности, по строительным материалам и рассчитанных на различные слои населения. Необходимой принадлежностью этих проектов служили подробные «пояснения» о том, где и как их следует применять, при этом застройка окраин противопоставлялась застройке центра и тем самым было закреплено социальное зонирование территории, ярко выраженное во всех планах Великого Устюга.

Наряду с интенсивным строительством массового жилого фонда в городе возводились разнообразные общественные и хозяйственные здания, такие, как воспитательный дом, богадельня, банковская контора, почтовая экспедиция, городской трактир, различные «магазейны» и подсобные постройки, архитектурные формы которых неизменно соответствовали новым стилевым особенностям классицизма. Самым значительным сооружением этого времени было здание торговых рядов, которое сыграло чрезвычайно важную градостроительную роль в общей композиции нового городского центра, способствуя объединению двух разрозненных древних центров Устюга — Соборного дворища и торгового, в единый, обширный и свободно раскрытый в сторону реки ансамбль.

Так была осуществлена идея укрупнения городского центра, впервые заложенная в плане Головцына и окончательно утвержденная в проекте 1804 г. Композиция этого нового центра была образована системой расположенных вдоль реки отдельных комплексов. Начиналась она Соборным ансамблем с его многочисленными и разнообразными храмами, над которыми господствовал величественный объем Успенского собора; далее шли живописные постройки бывшего Архиерейского дворища, к которым примыкала монументальная и торжественная колоннада новых торговых рядов; затем раскрывалась обширная площадь торгового общественного назначения с расположенной здесь живописной группой старых храмов; и, наконец, всю композицию центрального ансамбля завершали Мироносицкая площадь и старое Городище, сохранявшееся как историческое место. Одновременно с реконструкцией общегородского центра шла активная застройка также и местных, локальных центров, что способствовало образованию системы новых ансамблей.

Сравнивая все эти ансамбли с более ранними, следует отметить их существенные и принципиальные отличия, которые заключались в первую очередь в том, что в старину площади, как правило, не имели четко выраженных контуров и фасадной обстройки, тогда как на этом новом этапе развития они неизменно получали геометрически правильную форму и застраивались по периметру «образцовыми» регулярными зданиями в формах классицизма. Но поскольку в центре таких площадей на прежних местах сохранялись старые культовые сооружения, отмечавшие древнюю, исторически сложившуюся топографию и представлявшие собой либо типичные для XVII в. кубические пятиглавые храмы с шатровыми колокольнями, либо нарядные ярусные композиции XVIII в., постольку эти площади продолжали сохранять свою прежнюю, обусловленную всем ходом развития древнерусского зодчества свободу и живописность. Однако благодаря последующей регулярной застройке общая объемно-пространственная композиция всего города в целом и отдельных его ансамблей приобрела новое качество. При этом классические здания XIX в., в связи с приверженностью к традиции, получали здесь особую, чисто местную трактовку, что художественно объединяло их с живописными комплексами культовых сооружений. Кроме того, строгая и регулярная новая застройка выгодно подчеркивала богатство и разнообразие форм старых храмов, а сами эти храмы, расчищенные от затеснявших их прежних деревянных строений, приобретали более выгодные условия для обозрения и обогащались новыми видовыми

точками. Таким образом, старые культовые сооружения здесь гармонично сочетались и с новой регулярной сетью улиц, и с выполненной в формах классицизма застройкой XIX в., что способствовало формированию неповторимого и индивидуального городского ландшафта, который Великий Устюг сохранил в основном до наших дней.

Одновременно со строительством новых зданий проводились предусмотренные утвержденным планом работы по благоустройству и озеленению города. В 1824 г. в Великом Устюге был открыт первый общественный сад, землю для которого общей площадью 6700 квадратных сажен (3 га) пожертвовал от своей усадьбы видный общественный деятель того времени, бывший директор Российско-Американской торговой компании устюжский купец М. М. Булдаков в знак «...преданности и любви к согражданам». Кроме того, в XIX в. широко развернулись работы по укреплению городской набережной. После изменившего направление Сухоны большого наводнения 1807 г. были сооружены новые укрепления в виде бревенчатого настила. В 1851 г. эта конструкция заменена булыжным мощением, по которому позднее уложен слой железобетона. В 1819 г. для связи между 1-й и 2-й частями города был построен деревянный мост на сваях и срубках, а в 1866 г. по проекту городского архитектора Авринского на этом месте сооружена дамба, получившая название земляного моста. Эта дамба способствовала регулированию русла Сухоны, преграждая во время паводков путь вешним водам через пониженную территорию города к Двине.

В заключение следует отметить, что с момента утверждения нового плана все строительство здесь велось строго по этому проекту, который постепенно переходил с бумаги в натуру и тем самым predetermined общую структуру города. Кроме того, этот проект обусловил общие принципы перспективного роста Великого Устюга и был положен в основу современного генерального плана. В этом заключается значение планировочных работ конца XVIII — начала XIX вв., намного вперед predeterminedливших основные пути развития города.

глава
третья

ОСНОВНЫЕ АНСАМБЛИ

Вся история русской архитектуры служит свидетельством того, что наши зодчие глубоко понимали основные закономерности построения объемно-пространственных композиций и были выдающимися мастерами ансамбля, в области которого они достигли блестящих успехов и создали множество подлинных шедевров, занимающих почетное место в сокровищнице мировой художественной культуры. Вот почему большинство городов Древней Руси вплоть до наших дней сохраняет прекрасные ансамбли прошлого. Богато подобными примерами и наследие Великого Устюга, ансамбли которого ярко свидетельствуют о больших успехах талантливых местных градостроителей.

Расположение основных ансамблей города было подчинено традиционным для древнерусского градостроительства композиционным приемам. Следуя этим приемам, устюжские зодчие всегда придавали исключительно важное значение оформлению главных подступов к городу, размещая монастыри и приходские церкви близ основных речных путей и сухопутных дорог. Кроме того, для отдельных ансамблей они всегда выбирали возвышенные и наиболее красивые места природного ландшафта, что обеспечивало наилучшую видимость архитектурных памятников, а также богатство и выразительность общих перспектив.

Каждого путешественника, подъезжавшего к Устюгу речным путем, встречала торжественная цепь приходских церквей, расположенных вдоль Сухоны и Двины и оформлявших эту важнейшую водную магистраль северного края. Подступы к городу фланкировали два монастырских ансамбля: Троице-Гледенский с юга и Яиковский Филипповский с северо-запада. Эти монастыри, основанные на противоположных берегах реки, располагались примерно на равных расстояниях от центра города и были неотъемлемой частью его оборонительно-крепостной системы. В художественном отношении они играли роль своеобразных пропилок. При этом Троице-Гледенский монастырь служил основным ориентиром для подъезжавших к Устюгу снизу по Двине, тогда как Яиковский монастырь с необычайно красиво расположенной близ него церковью Воздвиженья ⁴⁹ первыми встречали путешественников, следовавших сверху по Сухоне. На подступах к Устюгу эти узловые комплексы отмечали два основных крутых изгиба речного пути, откуда взгляду открывались наиболее выигрышные видовые точки сразу на весь ансамбль города во всем величии и многообразии его форм.

Важную роль в архитектурно-художественном облике города играли также комплексы, размещенные вдоль верхней сухопутной дороги, связавшей Устюг с Архангельском и Красноборском. Все эти ансамбли, начиная от живописной загородной усадьбы устюжских епископов села Богородского и кончая древним Иоанно-Предтеченским монастырем, располагались на возвышенной бровке Красной горы и, играя роль

второго плана общей панорамы города, придавали ей особую глубину и живописность.

Главным аспектом общегородского ансамбля служил обращенный к реке его западный фасад, который безраздельно господствовал над ширью речных пойм, поросших лесом увалов и бесконечных синееющих далей, а основные точки зрения на панораму города открывались как с реки, так и с противоположного ее берега, со стороны спокойно извивавшейся среди заливных лугов старой Вологодско-Тотемской дороги и от спускавшегося с южных холмов Никольского тракта.

Общий характер этой панорамы, в основных своих чертах сохранившейся до наших дней, начал формироваться с середины XVII в. в связи с развернувшимся в городе каменным строительством, которое приняло широкий размах, и уже к концу столетия более половины старых устюжских деревянных храмов (16) было заменено каменными сооружениями. В формах этих построек нашли свое отражение новые требования того времени, обусловленные реформой патриарха Никона, запретившей применение шатров в культовом зодчестве и требовавшей обязательного «освященного» пятиглавия. Первым устюжским каменным храмом канонического типа был главный собор города Успенский, построенный на месте знаменитого пятишатрового двадцатистенного деревянного здания. Вслед за Успенским собором к концу XVII в. новыми каменными кубическими пятиглавыми храмами были заменены и остальные шатровые летние церкви города. Так с началом каменного строительства здесь постепенно исчезают древние шатры и силуэт города утрачивает былую остроту и динамичность. Правда,azole новых храмов возникали каменные шатровые колокольни, для которых реформа не запрещала подобного типа покрытия, однако эти отдельные сравнительно скромные доминанты уже не могли заменить прежнего напряженного звучания многочисленных вертикалей.

Следующий этап в развитии общего силуэта города относится к первой половине XVIII в., когда типичные для этого времени ярусные башнеобразные каменные храмы постепенно заменяют старые зимние клетские церкви, дольше летних церквей оставшиеся деревянными. Вслед за храмами ярусные завершения получают и колокольни, благодаря чему силуэт города к концу столетия обогатился выразительными вертикалями и вновь приобрел издревле присущую ему контрастность.

Формирование общего архитектурно-художественного облика Великого Устюга в основном было завершено в первой половине XIX в. в результате замены старого деревянного жилого фонда новыми ансамблями жилых и общественных зданий. В связи с этим как внешние, так и внутренние фасады города постепенно приобрели свойственный русской провинциальной архитектуре эпохи классицизма характер мягкой лиричности и интимности.

Замена деревянных сооружений каменными привела также к принципиальным изменениям исторически сложившейся двухцентральной структуры города. После полного исчезновения крепостных сооружений старый военный центр Городище вслед за оборонной ролью окончательно утратил и свое былое архитектурно-художественное значение в общей панораме города. В то же время судьба религиозного центра — Собор-

ного дворища — сложилась иначе. Каменное строительство началось именно отсюда, с Успенского собора, и постепенно здесь образовалась живописная и выразительная группа новых культовых зданий. Кроме того, уже в конце XVII в. к Соборной группе примкнул обширный комплекс Архиерейского дома, и перевес архитектурных сил оказался на стороне этого древнейшего первоначального городского центра, значение которого еще больше усилилось во второй половине XVIII в., в связи с постепенной утратой прежней роли устюжского торгового центра. И, наконец, в XIX в. после возведения монументального здания городских торговых рядов оба древних центра слились в единый ансамбль, главным композиционным ядром которого окончательно стала центральная группа устюжских соборов, господствующих и над живописным ансамблем приходских церквей старого торгового центра, и над многочисленными отдельными доминантами второго порядка, из которых каждая отмечала местные районные центры города и была связана с целым комплексом внутренних ансамблей.

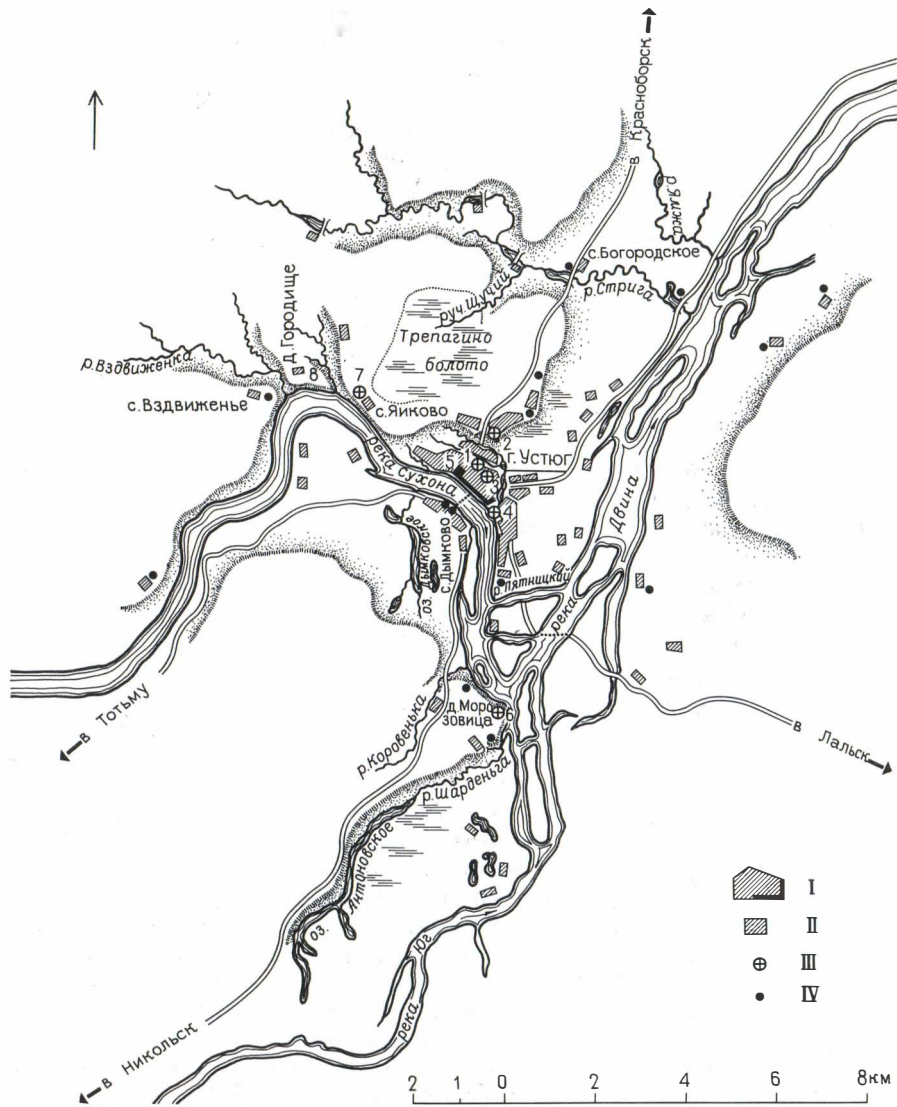
Неотъемлемой особенностью панорамы Устюга было глубокое и органичное ее единство с окружающим природным ландшафтом. Это единство выражалось в максимальном учете всех особенностей местной топографии, что еще больше усиливало общее впечатление живописности и придавало городу индивидуальный, неповторимый характер. Кроме того, все основные устюжские ансамбли, так же как и отдельные его сооружения, отмечали наиболее красивые и характерные места. Благодаря этому архитектура входила в природу действенным и активным слагаемым, господствуя над окружающим пейзажем и обогащая его.

И, наконец, общее впечатление от панорамы города дополняла его многокрасочность. Величественные храмы, побеленные и украшенные многоцветными поливными изразцами, с крытыми «белым железом» куполами и золочеными сверкающими крестами эффектно вырисовывались на общем сером фоне массовой деревянной жилой застройки, среди которой выделялись отдельные каменные общественные здания и жилые дома городской знати. Существенным элементом богатой палитры местных зодчих была также обильная сочная зелень многочисленных городских садов и огородов. В результате Великий Устюг приобрел столь типичные для всех древнерусских городов, но невиданные в Западной Европе яркость, праздничность и нарядность общего колорита. Особенно величественным представляется город в вечерние часы, когда в последних лучах заходящего солнца розовеют его белоснежные храмы, отраженные спокойным зеркалом реки. Тогда панорама Великого Устюга кажется сказочной и невольно вызывает воспоминание об одной из поэтических русских легенд — сказании о невидимом граде Китеже.

К сожалению, последующая утрата ряда отдельных старых сооружений принесла главному фасаду Великого Устюга непоправимый художественный урон, а его замечательная панорама не сохранилась полностью до наших дней. Вот почему из многочисленных и чрезвычайно интересных ансамблей города в настоящей работе рассматриваются лишь те из них, которые представляют наибольшую художественную ценность и по степени своей сохранности позволяют возможно полнее восстановить их первоначальный облик.

Схема размещения основных ансамблей в городе и его окрестностях (план XVIII в.)
 I — территория города; II — приходские церкви; III — монастыри;
 IV — села и деревни; 1 — Михайло-Архангельский монастырь; 2 — Иоанно-Предтеченский монастырь; 3 — бывш. Спасо-Преображенский монастырь; 4 — Горо-

дище; 5 — Соборное дворцше; 6 — Троице-Гледенский монастырь; 7 — Яиковский Филипповский монастырь; 8 — Гребешок

Среди многочисленных ансамблей Великого Устюга в первую очередь следует отметить центральный соборный комплекс, который с древнейших времен и вплоть до наших дней определяет собой архитектурное лицо города. Расположенный на месте первичного городского ядра — детинца, этот комплекс является древнейшим устюжским ансамблем, возникновение которого было неразрывно связано с основанием самого Устюга и может быть отнесено к середине XII в. В то время устюжский детинец представлял собой типичную древнерусскую крепость, являясь одновременно главным городским архитектурно-художественным центром, подробно рассмотренным выше.

В настоящее время судить о первоначальной композиции этого ансамбля чрезвычайно трудно. Однако установившаяся уже в древности традиция строить новые здания храмов неизменно на старом освященном месте позволяет предполагать, что положение современного нам Успенского собора примерно совпадало с местом первоначальной деревянной церкви. При этом следует отметить, что древнерусские зодчие всегда придавали большое значение размещению главного храма города, и в этом отношении Устюг представляет собой один из ярких примеров.

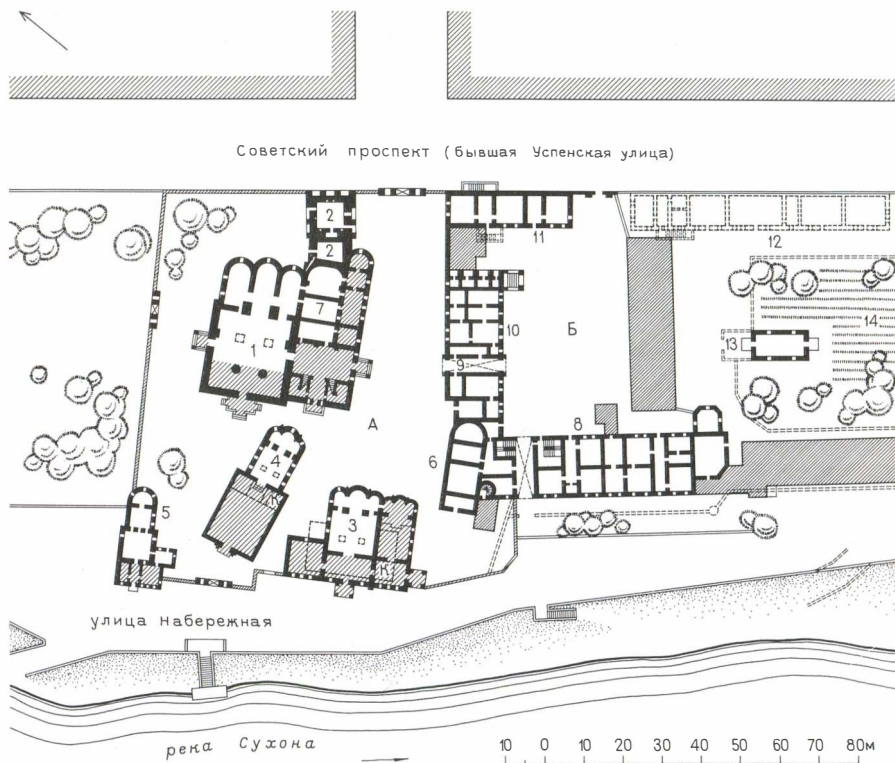
Место для Успенского собора было выбрано с большим искусством. Построенный на территории детинца в непосредственной близости к древнейшему торгу и первым монастырям, собор расположился на бровке высокого берега Сухоны в симметричной ее излучине, благодаря чему его монументальный объем приобрел необычайно выигрышные видовые точки и господствовал над всей обширной речной поймой, безошибочно определяя место древнего городского центра. Уже с момента своего основания Успенский собор был призван играть роль главного сооружения всего города, и поэтому он получил наиболее «величественную» пятишатровую форму, которую устюжане ревниво оберегали от изменений вплоть до XVII в.

Превращение древней крепости-детинца в религиозный центр города привело к интенсивному строительству на его территории многочисленных церковных зданий, предопределивших собой архитектурно-планировочную структуру всего ансамбля. Вторым после Успенского собора по значению и по времени возникновения зданием соборного комплекса стал храм, посвященный позднее одному из популярных местных юрдовичих Прокопию, который был похоронен на берегу реки (1303 г.) в непосредственной близости к главному храму города. Позднее над гробом Прокопия была построена скромная деревянная часовня, которая в 1471 г. была заменена первой деревянной церковью, освященной в честь Бориса и Глеба, так как сам Прокопий в то время еще не был причислен к лику святых. Эта церковь была замечательна тем, что, подобно многим храмам Древней Руси, одновременно с функциями культового здания выполняла роль исторического монумента, который был поставлен воинами-победителями в честь успешного похода устюжан под Нижний Новгород против казанских татар (1471 г.). Поэтому церковь и была посвящена покровителям русского воинства — Борису

План Соборного дворца и Архирейского дома. На чертеже заштрихованы пристройки XVIII—XX вв.; пунктиром показаны сооружения XVII в., не сохранившиеся до нашего времени; буквой К обозначены места старых колоколен Прокопьевского

и Иоанновского соборов
 А — Соборное дворце: 1 — Успенский собор; 2 — колокольня Успенского собора; 3 — Прокопьевский собор; 4 — собор Иоанна Устюжского; 5 — церковь Власьевская; 6 — церковь Алексеевская; 7 — церковь Козьмы и Демьяна (позднее — Благовещенская); Б — Архирейский дом (перестро-

ен в 1834 г. для Присутственных мест); 8 — Владычная палата (присутственные места); 9 — Святые ворота; 10 — архирейский казенный приказ (уездный суд); 11 — хлебня (полиция и рекрутский департамент); 12 — хозяйственный корпус; 13 — погреб; 14 — огород и сад

и Глебу. Это дополнительное мемориальное назначение обусловило и композицию храма, уже в первой своей редакции, очевидно, получившего величественную пятишатровую форму. В 1495 г. после пожара эта церковь была отстроена заново и освящена уже на имя Прокопия. Борису и Глебу, а затем и Георгию здесь были выделены специальные приделы. Прокопьевский храм неоднократно страдал от пожаров и разрушений, но каждое новое выстроенное на этом месте здание неизменно сохраняло свою первоначальную композицию «о пяти верхах», которая дошла вплоть до XVII в. и была описана авторами сотной книги 1630 г. В 1649 г. после очередного пожара оба придела Прокопьевской церкви были вынесены на Нижний посад, где при старой Архангелогородской дороге «по конец Песей слободы» были основаны две отдельно стоящие церкви Борисоглебская и Георгиевская.

В 1495 г. в Устюге скончался второй популярный местный юродивый

Иоанн, который также был похоронен на территории Соборного дворища между Успенским собором и Прокопьевской церковью. Над гробом Иоанна вскоре после его смерти была построена церковь Происхождения креста, которая получила придел, посвященный Иоанну, и стала третьей святыней соборного комплекса. В 1602 г. после пожара церковь эта была вновь отстроена и окончательно приобрела свою двухшатровую форму.

Каждому из трех основных сооружений этого ансамбля соответствовала теплая зимняя церковь. Так, при Прокопьевском храме возникла Алексеевская церковь, включенная позднее в комплекс Архиерейского дома; для церкви Происхождения креста (Иоанновской) теплым храмом служила церковь Власия⁵⁰; для Успенского собора — церковь Козьмы и Демьяна. Первоначально все эти зимние храмы имели форму скромных клетских сооружений, увенчанных в соответствии с числом приделов одним или двумя «верхами». Если же при этом учесть, что каждая пара храмов — холодный и теплый — имела свою колокольню, то станет очевидной исключительная живописность этого ансамбля с его многочисленными и разнообразными по формам культовыми сооружениями, над которыми величественно вздымал свои шатры колоссальный Успенский собор. Но, несмотря на то, что ни одно из этих древних деревянных зданий не сохранилось до наших дней, роль их в общей структуре Соборного дворища была очень велика, так как, предопределив положение более поздних каменных построек, они тем самым закрепили древнюю топографию этого ансамбля и обусловили его дальнейшее планировочное развитие.

Коренная перестройка соборного комплекса началась в 1619 г., когда на месте последнего, седьмого, здания деревянного Успенского собора был заложен первый в городе одноименный каменный храм, освященный в 1622 г. Однако просуществовал этот храм очень недолго и уже через девять лет сгорел. Возведение нового здания продолжалось с 1639 по 1658 г., а в строительных работах совместно с устюжанами в разное время участвовали ростовские и ярославские мастера. Остатки первого каменного собора были разобраны полностью, включая фундаменты, и на его месте среди живописной группы старых деревянных сооружений вырос новый каменный собор, в нижней части своих стен сохранившийся до наших дней. От древней пятишатровой деревянной церкви этот собор унаследовал обусловленную местом и значением статичность и центрированность общей композиции, которые были выражены теперь в спокойных и монументальных формах кубического пятиглавого сооружения, издревле ставшего каноническим для храмов этого типа.

Следующее каменное здание этого комплекса — церковь Происхождения креста (позднее Иоанновская) — была освящена через пять лет после Успенского собора (1663 г.), а в 1668 г. замечательный устюжский мастер Котельников закончил строительство каменной Прокопьевской церкви. Таким образом, соборный ансамбль обогатился двумя новыми каменными храмами, которые в 1683 г. были превращены в соборы. Вслед за этими основными сооружениями в последней четверти XVII в. постепенно переводятся в кирпич и зимние церкви этого

Общий вид ансамбля Соборного дворища в первой четверти XX в. Вдали виден

недостроенный собор Иоанно-Предтеченского монастыря, сгоревший в 1926 г.

Снимок выполнен в 1914 г. А. Х. Седельниковым

ансамбля: Алексеевская (1672 г.), Власьевская (1689 г.), а также и Козьмодемьянская (1680 г.), которая примкнула к южной стене нового здания Успенского собора и была переименована в церковь Симеона и Анны, а затем — в Благовещенскую. Одновременно при работах были сооружены каменные шатровые колокольни, значительно обогатившие общую композицию всего ансамбля. И, наконец, завершающим этапом формирования этого комплекса можно считать последнее десятилетие XVII в., когда было закончено строительство каменных зданий Архиерейского дома, примкнувшего к соборной группе с юго-востока.

Переходя к общему анализу композиции Соборного дворища, необходимо отметить, что по сравнению с другими ансамблями города оно претерпело гораздо больше изменений и дополнений, произведенных в XVIII, XIX и XX вв. и значительно искаживших его первоначальный облик. Это обстоятельство при отсутствии специальных исследований чрезвычайно осложняет изучение соборного ансамбля, сложившегося в результате разновременных наслоений различных эпох. Однако сохранившиеся до наших дней документальные описания отдельных сооружений, а также стилистический их анализ позволяют из множества безвкусных поздних пристроек выделить древнюю основу этого ансамбля и тем самым раскрыть общие принципы его первоначальной композиции.

Перестройка Успенского собора началась в 1728 г., когда была выломана его старая западная стена и все здание расширено в этом направлении. В результате между Успенским и Иоанновским соборами образовался современный узкий, щелеобразный проход, который в XVII в. был вдвое шире. В 1778 г. старые барабаны и главы собора были заменены грандиозными ярусными восьмериками, которые неоднократно переделывались и до наших дней дошли уже в формах XIX в. К концу XVIII в. относится также надстройка и обеих Успенских

колоколен. В 1849 г. была расширена зимняя церковь Благовещения и к южной стене собора примкнул новый колоссальный объем, который своей немасштабной и бесформенной массой затеснил внутреннее пространство Соборной площади и окончательно подавил старые сооружения этого ансамбля. В то же время к собору были пристроены безобразные крыльца северного, западного и южного входов.

Если же мысленно отбросить все эти поздние пристройки, то Успенский собор XVII в. представится монументальным и величественным пятиглавым объемом, к которому примыкала в то время скромная по размерам зимняя Благовещенская церковь, игравшая роль придела основного храма и уже тогда, очевидно, связанная со своеобразной двухчастной звонницей-колокольней.

Не меньше пострадали от поздних переделок и две другие соборные церкви этого ансамбля. Уже в 1720 г. были подняты своды Прокопьевского собора, за счет чего увеличилась высота здания, а основной его объем получил второй ряд завершающих кокошников и новые главы. Все последующие изменения этого храма в основном касались его южного, Тихвинского, придела, трапезной и ризницы, которые неоднократно перестраивались и до наших дней дошли в эклектичных и чуждых основному объему формах начала XX в. (1902 г.).

До неузнаваемости исказили поздние пристройки и собор Иоанна Устюжского: в 1830 г. полностью были заменены его древние главы, а в 1859 г. к основному объему с запада примкнула обширная трапезная с обращенным к реке немасштабным псевдорусским порталом.

Чтобы представить себе общий облик этих сооружений в XVII в., необходимо учесть, что основной кубический пятиглавый объем Прокопьевского собора был в то время значительно ниже современного здания и имел всего один ряд завершающих кокошников. Со стороны реки к собору примыкали низкая трапезная и паперть, над которой на южном углу здания была поставлена шатровая колокольня. Таким образом, по своему первоначальному облику этот храм, вероятно, был близок к хорошо сохранившейся до нашего времени Спасо-Преображенской церкви, служившей некогда собором одноименного монастыря.

Аналогичный характер имели в XVII в. и Иоанновская соборная церковь с ее канонической пятиглавой композицией, со скромной низкой трапезной и с расположенной на южном углу здания шатровой колокольней. К сожалению, колокольни Прокопьевского и Иоанновского соборов существовали недолго: уже в конце XVII в. по приказу устюжского епископа Александра они были разобраны, а материал их использован для строительства Архиерейского дома, в состав которого был включен также ранее самостоятельный одноэтажный теплый Алексеевский храм. Над этим храмом была построена крестовая архиерейская домовая церковь, которая неоднократно переделывалась и дошла до нас в формах первой четверти XIX в. (1821 г.). И, наконец, меньше всего изменений претерпела самая скромная из всех построек этого ансамбля — одноглавая теплая Власьевская (Богоявленская) церковь, которая вплоть до наших дней в основном сохранила свои первоначальные формы.

По своей общей объемно-пространственной композиции устюжское Соборное двориче представляло собой типичный для древнерусского

градостроительства пример организации ансамбля. Основой этого ансамбля служила площадь нерегулярной формы, в центре которой располагалась живописная группа свободно стоящих культовых сооружений, играющих роль отдельных доминант и доступных для обозрения с самых различных видовых точек. Такая трактовка внутреннего пространства площади позволяла добиться исключительного богатства и разнообразия перспектив и принципиально отличала ансамбли Древней Руси от средневековых ансамблей Западной Европы с их четко очерченной конфигурацией и плотной фасадной застройкой по периметру.

Кроме того, в отличие от предельно замкнутых и затесненных западноевропейских площадей древнерусские зодчие всегда стремились к максимальному раскрытию внутреннего пространства ансамбля. И этот прием также наглядно демонстрирует устюжское Соборное дворище, которое, располагаясь на высоком и красивом берегу, было обращено к реке и к бесконечной шири заречных просторов, а общие размеры сооружений были здесь гармонично соразмерны масштабам окружающего ландшафта, что еще больше усиливало глубокую и органичную связь архитектуры с природой.

Неотъемлемой особенностью всякого древнерусского ансамбля было четкое выделение его главного здания, в данном случае Успенского собора, компактный объем которого преобладал над всеми остальными постройками этого комплекса не только своими абсолютными размерами, но и предельной монументальностью общей архитектурно-художественной трактовки. Это господство главного сооружения не было поколеблено и после строительства Прокопьевского и Иоанновского храмов, так как эти второстепенные по своему значению здания ансамбля намного уступали Успенскому собору в общих размерах и отличались значительно более дробными и измельченными формами, что выгодно подчеркивало и еще больше усиливало суровую монументальность главного ядра всей композиции.

И, наконец, на примере Соборного дворища можно проследить еще один типичный древнерусский градостроительный прием, который заключался в том, что ансамбль разворачивался перед зрителем постепенно, по частям, что обеспечивало исключительное многообразие различных аспектов его восприятия.

Одна из наиболее живописных перспектив раскрывалась со стороны реки, куда соборная группа была обращена своим главным фасадом. И если мысленно отбросить все упоминавшиеся выше изменения и пристройки, то ансамбль предстанет таким, каким он был виден с этой точки зрения в XVII в., во всей его первоначальной гармоничной целостности.

На переднем плане на самой бровке высокого берега реки в то время высился изящный пятиглавый объем Прокопьевского собора с обнимавшими его низкими пристройками и с асимметрично расположенной стройной шатровой колокольней. Крайним левым сооружением переднего плана этого ансамбля была скромная одноглавая Власьевская (Богоявленская) церковь, а справа к основной соборной группе примыкали монументальные корпуса Архиерейского дома с теплой Алексеевской церковью. На втором плане между Прокопьевским со-

бором и Власьевской церковью был виден традиционный пятиглавый Иоанновский собор, который, подобно Прокопьевскому храму, имел низкую трапезную и изящную шатровую колокольню, однако по своим масштабам значительно уступал последнему. И, наконец, общую перспективу замыкал величественный, монументальный объем Успенского собора, могучие главы которого господствовали над всей сложной и живописной группой многочисленных сооружений этого ансамбля.

В первой четверти XVII в. между Иоанновским собором и Власьевской церковью еще существовали старые деревянные Пречистенские крепостные ворота, служившие главным входом на Соборную площадь со стороны реки. От этих ворот к реке вел специально построенный спуск, по которому ежегодно в день Богоявления к Сухоне сходил торжественная процессия крестного хода для освящения воды. Позднее после исчезновения Пречистенских ворот это направление не утратило своего значения и продолжало играть роль главного пути от реки к Успенскому собору.

Со стороны дороги, связавшей Соборное дворище с Леонтьевским концом, Успенский собор замыкал собой перспективу этого древнейшего из радиусов первичной планировочной системы города. Все остальные сооружения ансамбля в этом случае группировались справа от главного собора, образуя исключительно интересный комплекс, в котором наиболее скромные и низкие здания располагались на переднем плане, тогда как самый крупный из всех второстепенных сооружений — Прокопьевский собор — находился в глубине, благодаря чему общее объемно-пространственное построение соборного ансамбля с этой видовой точки также обладало большой живописностью, глубиной и многоплановостью.

Перспективу двух главных магистралей древнейшей северо-восточной части города — улиц Архангельской и Успенской — замыкала своеобразная спаренная колокольня Успенского собора с ее живописными завершениями, за которыми сурово и величаво вздымал могучие главы самый собор, закрывавший своим объемом второстепенные постройки ансамбля.

И, наконец, пройдя мимо колокольни Успенского собора и выйдя на внутреннюю площадь этого комплекса, зритель вновь воспринимал соборный ансамбль во всем его удивительном многообразии. Монументальный и величественный Успенский собор был обращен на эту площадь своим южным фасадом, к которому примыкал в то время скромный и не закрывавший главного объема Благовещенский придел, заверченный справа живописной группой колоколен. В створе с южным входом собора находились Святые ворота Архиерейского дома, ведущие на территорию обширного Архиерейского дворища, суровые и одновременно живописные корпуса которого ограничивали эту площадь с юга, обогащая ансамбль своеобразными формами гражданской архитектуры конца XVII в. Западную границу площади закрепили культовые сооружения второго порядка. При этом Прокопьевский собор располагался фронтально, тогда как Иоанновский собор и Алексеевская церковь были размещены с некоторым разворотом, благодаря чему они зрительно как бы замыкали внутреннее пространство площади,

обступив ее живописным полукругом и вырисовываясь на фоне заречных далей своими сложными и нарядными силуэтами. Оба эти собора были обращены к площади алтарными апсидами, украшенными многоцветными изразцовыми наличниками, что значительно обогащало пластическое и цветовое решение интерьера площади и еще больше подчеркивало суровую гладь стен Успенского собора. Кроме того, перед зрителем, стоящим в середине площади, раскрывались сразу все высотные сооружения этого сложного и живописного ансамбля, при этом и Прокопьевская, и Иоанновская, и обе Успенские колокольни были видны отсюда под углом 45°, что для сооружений башенного типа создает самые выгодные точки зрения, позволяющие не только охватить сразу, одним взглядом все здание полностью, но также рассмотреть его убранство и отдельные детали.

Так, вероятно, выглядело Соборное дворище в конце XVII в., а проведенный выше анализ свидетельствует о том, что замечательные устюжские зодчие были выдающимися мастерами ансамбля и тонко понимали основные закономерности его построения.

Михайло-Архангельский монастырь

Общие принципы организации монастырского ансамбля нагляднее всего можно проследить на примере древнейшего из всех устюжских монастырей — Михайло-Архангельского. По сведениям летописца, монастырь этот был заложен в 1212 г., когда основатель его монах Киприан «...изобрел место при езерах за острожною осыпью»⁵¹. Участок, выбранный Киприаном для строительства монастыря, представлял собой в то время невысокий холм, расположенный среди заболоченной долины у семи небольших озер. С юго-западной стороны территорию монастыря ограничивал ручей Криночный с двумя озерами, а с северо-востока к монастырю примыкал обширный пруд, названный позднее Архангельским. По мнению автора «жития» Киприяна, основной причиной выбора именно этого места послужило то, что среди дремучего непроходимого бора этот холм был менее залесен, что значительно облегчало его освоение. Кроме того, расположение в глубине территории на расстоянии около километра от берега реки и непосредственно за вновь основанным городом-крепостью обеспечивало этой первоначально маленькой и скромной «пустыне» сравнительно надежную защиту от нападения врагов.

Освоение этого участка Киприан начал со строительства деревянного «тына», скромной клетской церкви Введения и «малой кельицы», расположенной на месте будущего настоятельского корпуса. В 1276 г. Киприан был похоронен у самых ворот монастыря, а над его могилой поставлена скромная деревянная часовня, существовавшая несколько столетий. В 1438 г. одновременно со строительством первых укреплений городского посада монастырь был обнесен новой деревянной стеной, а его главные ворота получили форму проездной четырехугольной крепостной башни с тремя рядами бойниц. Эти ворота располагались на том месте, где была сооружена надвратная Владимирская церковь, а обращенная к городу юго-западная монастырская стена примыкала к воротной башне

Общий вид Михайло-Архангельского монастыря со стороны главного входа. Цен-

тральный комплекс монастыря

фронтально, оставляя за пределами монастыря и Криночный ручей, и оба озера, которые, вероятно, играли роль дополнительного оборонительного рубежа. Таким образом, общая территория монастыря в древности была значительно меньше современной, а самый монастырь в тревожный и полный военных событий период XV—XVI вв. представлял собой надежную крепость, способную к длительной самостоятельной обороне.

От главных ворот Михайло-Архангельского монастыря брали свое начало две важнейшие магистрали города — улица Архангельская и Спасская Гуляня, ведущие к Успенскому собору и к торгу. Перед входом в монастырь эти улицы образовали небольшую площадь, связанную с монастырской воротной башней деревянным подъемным мостом, перекинутым через Криночный ручей. Любопытно, что, подобно мосту Спасских ворот Московского Кремля, он служил своеобразной «биржей труда» для безработного духовенства: здесь собирались «безместные попы и дьяконы» в ожидании найма, здесь же велась торговля духовной и светской литературой. По местному преданию, популярный устюжский юродивый Прокопий, бывший другом основателя монастыря Киприяна, скончался именно здесь, в конце моста (1303 г.), где в его честь была сооружена деревянная часовня, существовавшая также долгое время.

К сожалению, нам не известна дата основания первоначального собора, посвященного архангелу Михаилу, а сведения об этом заме-

чательном сооружении имеются лишь самые отрывочные, так как в начале XVII в. он сгорел и поэтому не попал ни в описание сотной книги 1630 г., ни в изображение на иконе «Прокопий и Иоанн Устюжские». Однако совершенно очевидно, что этот нарядный и живописный храм «о тринадцати верхах» был одним из интереснейших сооружений древнего деревянного Устюга и, играя роль главного ядра всего ансамбля Михайло-Архангельского монастыря, безраздельно господствовал и над скромными рублеными кельями, и над часовнями, и над церковью Введения, которая после освящения собора была обращена в зимнюю и, по сведениям писцов XVII в., принадлежала к клетскому типу, располагалась «на подклете» и имела прирубы трапезной и келарской.

Замена старых деревянных сооружений каменными и связанная с этим полная перестройка монастыря проводилась одновременно со строительством главного собора города, а основные памятники этого ансамбля характеризуют ранний период развития устюжского каменного зодчества. Возводились эти здания по грамоте Ростовского митрополита Ионы Сысоевича. Грамота эта, по-видимому, содержала определенные строительные указания, вот почему в сооружениях Михайло-Архангельского монастыря прослеживается сходство с построенными при содействии того же митрополита монастырями и отдельными храмами Ростова и Углича. В результате перестройки монастырь и на этом этапе развития сохранил свой исторически сложившийся

и закреплённый древними деревянными сооружениями план с его свободно застроенной культовыми зданиями серединой и с тяготеющими к стенам, периметрально расположенными жилыми и хозяйственными постройками. Таким образом, он представлял собой типичный пример организации древнерусского монастырского ансамбля, а конкретная трактовка отдельных сооружений придавала ему индивидуальный и неповторимый характер.

Строительство основных каменных зданий этого монастыря относится ко второй половине XVII в. В 1653 г. здесь был освящен новый центральный монастырский комплекс, в состав которого вошли величественный пятиглавый собор с колокольной и связанные с ним переходами зимняя Введенская церковь и трапезная. В 1682 г. было закончено строительство каменной Владимирской надвратной церкви, а в 1695 г. построен большой корпус с церковью Всех Святых. Позднее во втором этаже этого здания разместились настоятельские кельи, а для удобства их связи с собором были построены дополнительные переходы, к сожалению, не сохранившиеся до нашего времени.

Окончательно оформился этот ансамбль в 30-х годах XVIII в.: в 1710 г. старая деревянная часовня, построенная над гробом Киприана, была заменена скромной одноглавой церковью Преполовения; в 1735 г. после пожара возобновлен настоятельский корпус с Всехсвятской церковью, а в 1737 г. закончено строительство здания братских келий. В то же время на месте обветшавших деревянных монастырских укреплений была возведена новая каменная стена, в которой разместились четыре ворот. Вдоль всей стены на деревянных брусках был устроен специальный ход, перекрытый тесовой кровлей. Длина стены по периметру составила около 800 м, а общая конфигурация всего комплекса приблизилась к форме почти правильного прямоугольника. Эта стена была первой в Устюге каменной монастырской стеной, почему Михайло-Архангельский монастырь и получил в народе название кремля.

Со строительством этой стены территория монастыря была значительно расширена в юго-западном направлении, в результате чего оба озерка вместе с Криночным ручьем оказались теперь внутри монастырского участка, так же как и Владимирская надвратная церковь. Но поскольку церковь эта продолжала сохранять свое значение главных Святых ворот монастыря, постольку новые стены примкнули к ней под углом и образовали на месте засыпанного к тому времени ручья и бывшего моста широкий парадный проход⁵².

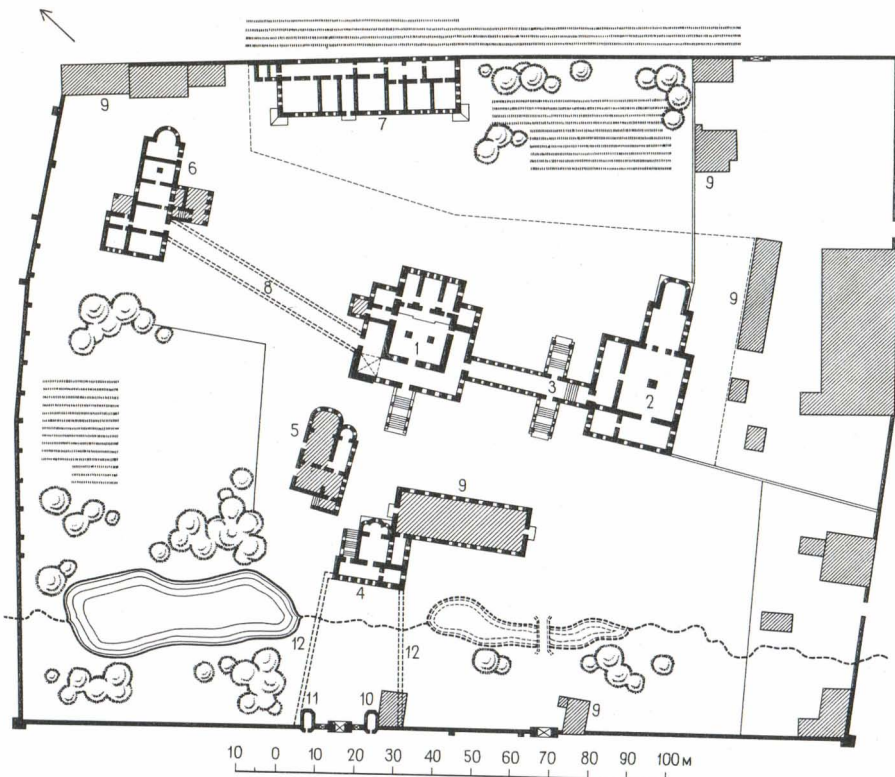
Подобно большинству ансамблей города, Михайло-Архангельский монастырь претерпел немало поздних переделок, выполненных в основном в конце XVIII и в первой половине XIX в. К Владимирской надвратной церкви с юго-востока в это время примкнуло обширное хозяйственное сооружение, закрывшее собой древнее здание трапезной и церкви Введения; поздние пристройки исказили первоначальный облик церкви Преполовения (Киприяновской); были уничтожены старые переходы, связывавшие некогда настоятельские кельи с соборным комплексом, а само здание этих келий подверглось полной переделке⁵³. Из новых построек этого периода следует отметить главные ворота мо-

План Михайло-Архангельского монастыря. На чертеже заштрихованы поздние пристройки

1 — Архангельский собор с колокольней; 2 — церковь Введения

с трапезной палатой; 3 — переходы; 4 — Владимирская надвратная церковь; 5 — церковь Киприяновская (Преполовения); 6 — настоятельские кельи с церковью Всех Святых; 7 — братские кельи; 8 —

предполагаемое место несохранившихся переходов, связывавших собор с настоятельским корпусом; 9 — хозяйственные постройки; 10 — часовня Прокопия; 11 — часовня Иоанна; 12 — предполагаемое место старой каменной монастырской стены

настыря, возведенные между входящими углами западной монастырской стены и заслонившие одну из интереснейших видовых точек на Владимирскую надвратную церковь. К этим воротам примкнули каменные часовни Прокопия и Иоанна, построенные вместо одноименных деревянных сооружений. В то же время были уничтожены конструкции деревянного хода вдоль стены и ее тесовая кровля, при этом сама стена была увенчана кирпичным «гребешком». Значительно меньше изменений претерпел центральный монастырский комплекс, переделки которого ограничились растеской некоторых окон и перестройкой главного крыльца собора. В основных своих объемах эта группа сохранилась до наших дней.

Если теперь мысленно отбросить все эти поздние изменения и пристройки, то весь замечательный ансамбль Михайло-Архангельского монастыря представится нам таким, каким видели его горожане в первой половине XVIII в. Перспективу Архангельской улицы города в то

время замыкала расположенная над главными Святыми воротами монастыря Владимирская церковь, общий эффект которой значительно усиливали подводящие к ней спокойные горизонталы монастырских стен, образовавших подобие своеобразных кулис перед этим изящным и живописным сооружением. Пройдя через арку Святых ворот, посетитель попадал на внутреннюю площадь монастыря, и перед ним открывалась наиболее выгодная точка зрения на всю живописную группу центральных монастырских сооружений. Прямо перед посетителем вырастал могучий и величественный пятиглавый объем собора, окруженного легкими пристройками паперти, на которую вело нарядное висячее крыльцо, расположенное по оси Святых ворот монастыря; юго-западный угол собора венчала шатровая колокольня, видимая отсюда от ворот монастыря примерно под углом 45°, справа от главного сооружения ансамбля группировались необычайно выразительные, строгие и лаконичные объемы Введенской церкви и трапезной палаты. Расположенная на переднем плане скромная и маленькая церковь Преполовения первоначально не заслоняла собой общей перспективы основных сооружений, но в то же время она играла в этом ансамбле очень важную роль, отделяя парадную официальную часть от внутренней монастырской площади. Пройдя мимо этой церкви, обогнув колокольню и выйдя из-под арки бывшего северного перехода, посетитель попадал в интимную часть этого ансамбля: сюда выходили своими главными фасадами корпуса братских и настоятельских келий, здесь располагались разнообразные хозяйственные постройки и монастырские огороды, а главные сооружения ансамбля в эту сторону были обращены своими алтарными апсидами.

Михайло-Архангельский монастырь был крупным центром феодального землевладения и относился к числу наиболее богатых монастырей Северного края. Поэтому наряду с культовыми и жилыми зданиями ему принадлежали разнообразные хозяйственные и служебные постройки, а также обширные сады, огороды, рыбные пруды и другие угодья, располагавшиеся не только в самом монастыре, но и за его пределами в окрестностях города и на территории городского посада. Кроме того, монастырь владел многочисленными деревнями, мукомольными мельницами и заимками как в Устюжском уезде, так и в других районах русского Севера, в Приуралье и даже в Сибири. В 1787 г. после упразднения великоустюжской епархии к Михайло-Архангельскому монастырю перешла также и основная загородная резиденция местного духовенства — село Богородское. Все эти владения приносили монастырю громадные доходы, в чем и была заключена одна из основных причин широкого размаха строительных работ этого монастыря, вплоть до наших дней сохранившего замечательные сооружения, наглядно характеризующие собой основные формы устюжского монументального зодчества второй половины XVII в.

Троице-Гледенский монастырь

К числу выдающихся ансамблей Великого Устюга относится также и Троице-Гледенский монастырь, расположенный в 4 км от города на противоположном правом берегу Сухоны в том месте, где она, сливаясь с Югом, дает начало Малой Северной Двине. Здесь на высоких отрогах коренного берега некогда стоял древний чудский город Гледен, вблизи которого и был основан Троице-Гледенский монастырь.

Место для монастыря было выбрано необычайно удачно, и вплоть до наших дней этот величественный ансамбль господствует над бескрайней ширью заливных лугов и водных просторов, отмечая важнейший узел пересечения древних торговых путей Северного края. Одна из основных видовых точек на монастырь открывается с Двины, откуда путешественник, подъезжающий к Устюгу по реке, уже на расстоянии 12—15 км видит замечательный ансамбль, как бы представляющий от города. Удивительно хороши и другие аспекты Троице-Гледенского монастыря и, в частности, его северо-западный фасад, особенно если смотреть на него с устюжской набережной в вечерние часы, когда утопающие в зелени белоснежные постройки вспыхивают багрянцем в последних лучах заходящего солнца.

Дата основания монастыря теряется в глубокой древности, а «Летопись великоустюжская» по этому поводу сообщает, что «... в которые лета построися о том подлинного летописания обрести не возмогохом». Некоторые исследователи считают, что Троице-Гледенский монастырь был древнейшим оплотом христианства в этом районе и даже предшествовал Михайло-Архангельскому монастырю. Однако это предположение вызывает большие сомнения, так как очень трудно представить себе, чтобы самая ранняя христианская «пустынь» возникла у стен чудского языческого Гледена, в то время как вблизи на противоположном берегу реки уже существовал основанный русскими Устюг. Поэтому правильнее предполагать, что первым по времени своего основания здесь был Михайло-Архангельский монастырь, построенный под защитой устюжских укреплений (1212 г.), а уже вслед за ним, в процессе дальнейшей христианизации Северного края и постепенного обращения в новую веру местного населения, возникали другие монастыри, в числе которых одним из ранних был и Троице-Гледенский. Таким образом, дату основания комплекса ориентировочно можно отнести ко второй половине XIII в.

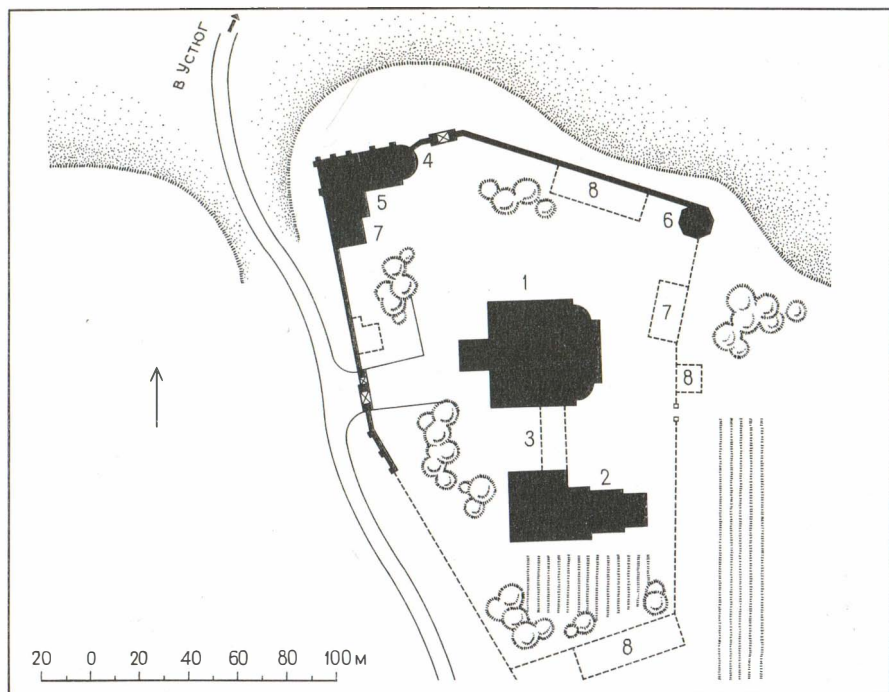
Вся история Троице-Гледенского монастыря была неразрывно связана с историей древнего города Гледена, о котором из-за отсутствия археологических данных мы, к сожалению, знаем очень мало. Поэтому современному исследователю приходится полагаться в основном на сведения устюжских летописцев, которые сообщают, что в 1438 г., в результате жестокой междоусобной войны, город Гледен был до основания разрушен вятчанами, а жители его переселились в Устюг и в село Морозовицу, основанное в 1440 г. Во время этой катастрофы сильно пострадал и Троице-Гледенский монастырь, однако он был, по-видимому, быстро восстановлен, тогда как сам город так и не поднялся из руин.

План Троице-Гледенского монастыря

1 — Троицкий собор; 2 — Тихвинская церковь с трапезной палатой;

3 — предполагаемое место несохранившихся переходов, связывавших трапезную с собором; 4 — Успенская церковь; 5 — больш

ничный корпус; 6 — угловая башня монастыря; 7 — кельи; 8 — хозяйственные постройки

К сожалению, устюжские писцы XVII в. не включили в свои книги описания построек Троице-Гледенского монастыря. Не попал этот комплекс и в изображение на иконе «Прокопий и Иоанн Устюжские». Поэтому в настоящее время мы не располагаем материалами, позволяющими представить ранний облик монастыря, и только размещение каменных его зданий, построенных, согласно традиции, на местах старых деревянных сооружений, в известной степени отображает первоначальную планировочную структуру этого ансамбля, очень сходного с ансамблем Михайло-Архангельского монастыря.

Возведение основных каменных зданий Троице-Гледенского монастыря было завершено в 1659 г., через шесть лет после окончания строительства центрального комплекса Михайло-Архангельского монастыря, а общее композиционное сходство главных сооружений этих ансамблей свидетельствует о том, что строителями их были, очевидно, одни и те же мастера. При этом Троице-Гледенский монастырь, как вариант более поздний, представляет дальнейший этап развития общих принципов организации ансамблей этого типа. Так же, как в Михайло-Архангельском монастыре, напротив главных западных ворот здесь разместилось

Троице-Гледенский монастырь. Вид с северо-запада. Снимок выполнен в 1921 г. А. Х. Седельниковым

Троице-Гледенский монастырь. Вид с юго-запада. Снимок выполнен в 1921 г. А. Х. Седельниковым

Общий вид Троице-Гледенского монастыря со стороны города.

центральное сооружение всего ансамбля — величественный пятиглавый Троицкий собор, окруженный двухэтажными крытыми галереями паперти. Однако шатровая колокольня расположилась здесь не на углу главного объема собора, а прямо над западным его крыльцом, предваряя тем самым симметричные композиции храмов XVIII в. Теплая Тихвинская церковь с трапезной палатой аналогична комплексу Введенской церкви Михайло-Архангельского монастыря, но отличается от последнего своими скромными размерами и более интимной трактовкой основного объема. Значительно усиливали общее сходство центральных сооружений этих монастырей и каменные переходы, связывавшие некогда Троицкий собор с трапезной и Тихвинской церковью, но, к сожалению, в настоящее время утраченные.

В первой четверти XVIII в. в монастыре было завершено строительство каменных зданий и весь ансамбль приобрел тот облик, который он в основном сохранил до наших дней. В это время в северо-западном углу монастыря была построена одноглавая больничная Успенская церковь, получившая типичную для культовых сооружений XVIII в. форму восьмерика на четверике и связанная в единый комплекс с низким одноэтажным корпусом больничных палат и братских келий. Ближайший к реке северо-восточный угол монастыря был укреплен восьмигранной каменной башней, от которой к Успенской церкви и далее на юг протянулась каменная монастырская стена. В этой стене были устроены двое одинаковых ворот, обращенных на запад и на север и выполненных в сдержанных и строгих формах, хорошо гармонирующих с общим характером архитектуры этого ансамбля. Остальные стены неправильного многоугольника территории монастыря остались деревянными, так же как и все его хозяйственные, подсобные и жилые постройки.

Троице-Гледенский монастырь был беднее Михайло-Архангельского и значительно уступал ему в размахе хозяйственных и торговых операций. В начале XIX в. доходы монастыря еще больше сократились, а в 1841 г. он был «приписан» к Михайло-Архангельскому монастырю. С этого времени ведение строительных работ здесь совсем прекратилось. Вот почему этот монастырь почти не знал поздних переделок, так сильно искаживших общий облик большинства старых устюжских ансамблей, а его каменные постройки вплоть до наших дней сохранили почти неизменными свои первоначальные формы. Это обстоятельство еще больше повышает художественную ценность Троице-Гледенского монастыря, который подобно Михайло-Архангельскому монастырю может быть отнесен к числу наиболее совершенных монастырских ансамблей всего Северного края.

Ансамбль Дымковского прихода

Основные принципы общей объемно-пространственной композиции отдельно стоящего устюжского прихода ярче всего отображены в Дымковском комплексе, представляющем собой один из наиболее характерных примеров организации ансамбля этого типа.

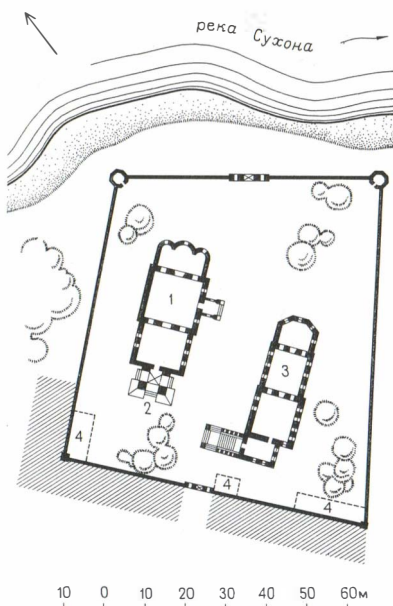
Комплекс этот расположен на противоположном по отношению к городу правому берегу Сухоны, там, где к переправе через реку

План приходского ансамбля
в с. Дымково

1 — летняя церковь Дмитрия
Селунского; 2 — колокольня; 3 —

зимняя церковь Сергия Радонеж-
ского; 4 — хозяйственные по-
стройки

Общий вид Дымковского
приходского ансамбля с реки

подходила с одной стороны Вологодско-Тотемская дорога, а с другой стороны — Никольский тракт. Здесь уже в глубокой древности возникла слобода Дымково. Дата основания этой слободы и связанного с нею прихода не известна, однако самое посвящение одной из дымковских церквей покровителю Дмитрия Донского — Дмитрию Селунскому, а другой — знаменитому современнику этого князя, основателю Троице-Сергиевского монастыря Сергию Радонежскому позволяет, с известной степенью достоверности, отнести дату возникновения этого ансамбля ко второй половине XIV в. В это время Дымковская слобода была, очевидно, одной из многочисленных удельных вотчин великого московского князя и перешла затем к его потомкам. Впервые Дымково упоминается в 1462 г. в грамоте внука Дмитрия Донского Василия II Темного, в которой великий князь завещает эту слободу своей супруге.

Одновременно со слободой, по-видимому, был основан и самый приход, состоявший уже в то время из двух церквей, первые сведения о которых содержит сотная книга 1630 г. На основании данных этой книги, Дымковский приход в первой половине XVII в. представляется свободно организованным, живописным ансамблем, в котором роль главного сооружения играла величественная шатровая церковь Дмитрия Селунского «рубленая вверх» и служившая холодным летним храмом

этого прихода. Рядом с Дмитриевской церковью располагалась теплая зимняя церковь Сергия Радонежского, построенная по типу скромных клетских культовых сооружений. Общую композицию этого ансамбля венчала отдельно стоящая стройная шатровая колокольня «рубленая округло». Кроме того, при этих церквях находилось кладбище и размещенные периметрально различные вспомогательные и хозяйственные сооружения, а вся территория прихода была обнесена деревянной оградой.

Подобную структуру в XVI—XVII вв. имело большинство всех приходских ансамблей Великого Устюга, и в этом отношении дымковский комплекс является одним из наиболее типичных образцов.

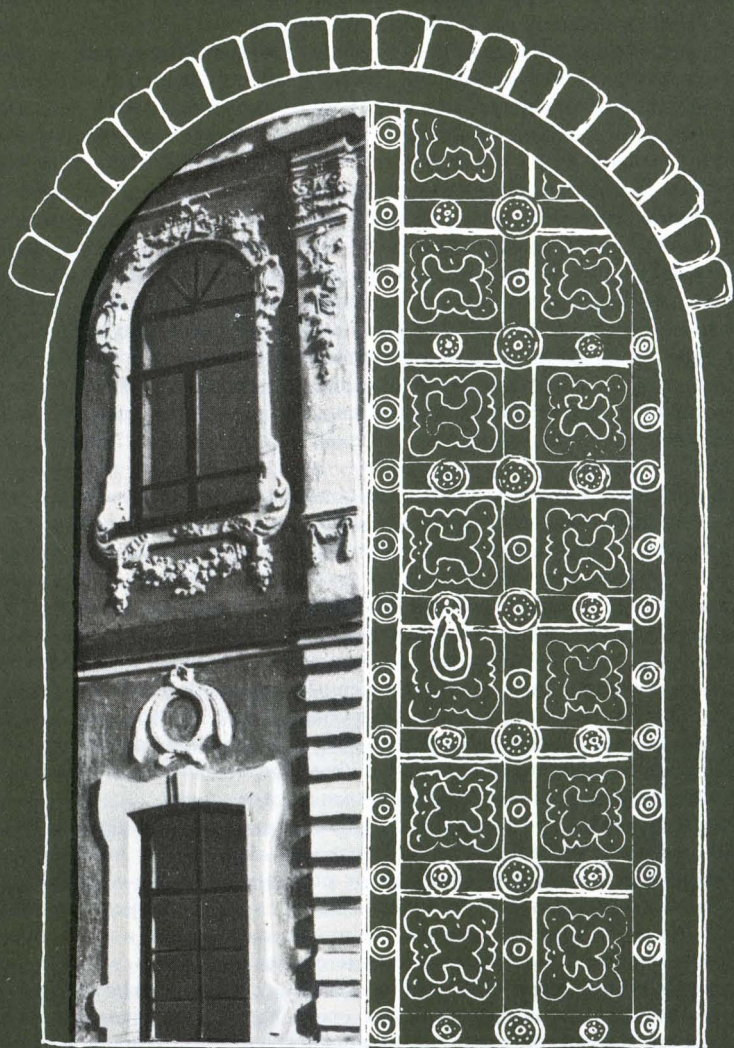
Общая перестройка ансамбля началась с сооружения каменной Дмитриевской церкви, строительство которой было завершено в 1708 г. Роль теплой церкви при этом новом храме продолжала играть старая деревянная клетская церковь, и только в 1739 г. на ее месте был воздвигнут новый зимний Сергиевский храм. Окончательное оформление дымковского ансамбля относится ко второй половине XVIII в., когда вокруг всего прихода была сооружена каменная ограда с двумя обращенными к Сухоне декоративными угловыми башенками и двумя воротами, из которых одни вели к реке, а другие — на юго-запад к жилой застройке самой слободы.

Интересно, что и на этой стадии своего развития дымковский комплекс продолжал оставаться одним из наиболее характерных примеров организации приходского ансамбля Великого Устюга. Так, построенная раньше других Дмитриевская церковь, подобно большинству устюжских каменных летних церквей, представляла собой кубический объем, увенчанный традиционным пятиглавием, и по своим формам тяготела к XVII в. В связи с холодной церковью находилась колокольня, получившая типичную для подобных сооружений этого времени неизменную шатровую форму. Наконец, общий характер местных зимних храмов XVIII в. нашел свое отображение в церкви Сергия Радонежского с ее ярусным завершением центрального объема и с пристроенной с запада обширной трапезной. В результате свободной компоновки всех этих разнообразных сооружений был создан замечательный ансамбль, который и в этой новой редакции сохранил присущие древнерусскому зодчеству богатство силуэта, живописность и органическую связь с окружающим природным ландшафтом.

Основным аспектом этого комплекса всегда служил его восточный фасад, обращенный к реке и к городу, а самые интересные видовые точки открываются на Дымково с городской Набережной. Удивительно красив этот ансамбль в утренние часы, когда розовеющие в лучах восходящего солнца его белоснежные, окруженные зеленью храмы отражаются в спокойном зеркале реки. Не менее хорош он и вечером, на фоне алого закатного неба, на котором особенно эффектно вырисовывается его изысканный кружевной силуэт.

глава
четвертая

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

История города неотделима от возникновения и развития памятников архитектуры. Наиболее ранние из сохранившихся монументальных сооружений Великого Устюга относятся к середине XVII в., когда, в связи с общим экономическим и культурным расцветом города, здесь были заложены основы каменного зодчества, открывшего новую страницу в истории местной художественной школы.

Развитие архитектуры устюжских каменных сооружений было обусловлено освоением нового строительного материала — кирпича, производство которого здесь возникло на базе богатых запасов местных красных глин, и кирпич постепенно вытеснил дерево вначале из культового, а затем и из гражданского строительства. Из кирпича здесь возводились стены зданий, в кирпиче выполнялись сводчатые перекрытия, нередко кирпич применялся для устройства полов и, наконец, кирпич был основой всего архитектурного убранства новых каменных храмов. С этой целью при кирпичных заводах было налажено производство специально формованного так называемого лекального кирпича, а также самой разнообразной облицовочной керамики как бесполой (терракоты), так и глазурованной (муравленые и ценинные изразцы). Таким образом, уже с середины XVII в. кирпич здесь приобрел значение того основного строительного материала, который определил все конструктивные и художественные приемы устюжского каменного зодчества⁵⁴.

Кирпичную кладку устюжане выполняли на известковом растворе, при этом известь использовалась привозная с Сухоны из района Опок, где на базе местных мергелей издревле было налажено производство этого необходимого строительного материала. Помимо того, известь широко применялась для наружной побелки, которую устюжане производили прямо по кирпичу, бережно обходя украшенные изразцами и росписью отдельные декоративные вставки. Побелка способствовала защите кирпичной кладки от атмосферных осадков и значительно повышала общий художественный эффект сооружений. Поэтому такой прием отделки фасадов получил в Великом Устюге широкое распространение, и только во второй половине XVIII в. здесь впервые появляется известковая штукатурка с отдельными лепными украшениями.

Самый ранний из сохранившихся памятников устюжского каменного зодчества — **Вознесенский храм**, построенный в 1648 г. на территории древнего торгового места, погибшей от пожара одноименной деревянной церкви. Новый каменный храм был сооружен «иждивением» одного из самых богатых устюжских купцов Никифора Ревякина и представляет собой типичное культовое сооружение середины XVII в., когда в связи с расширением всероссийского рынка и ростом богатства торговом-ремесленной знати создается новая среда, финансирующая строительство, а на посадах и торговых площадях русских городов возникает

множество небольших приходских церквей, богато «изукрашенных» различными «узорочьями».

Особенно ярко новые формы живописной и нарядной архитектуры проявились в культовых сооружениях Москвы, где в процессе постепенного «обмирщения» русского церковного зодчества, в середине XVII в. были созданы такие замечательные памятники, как церковь Троицы в Никитниках, церковь Рождества в Путинках, Троицкая церковь в Останкине и церковь Николая на Берсеневке, определившие собой архитектурный стиль рассматриваемого периода. Из столицы эти новые влияния быстро распространились по обширной русской провинции. Но особенно ярко они проявились в тесно связанных с Москвой крупных торговых городах. Поэтому естественным было появление в Великом Устюге такого характерного для нового стилистического направления памятника, как Вознесенский храм, который служит ярким примером вдохновенного мастерства безвестных зодчих и по праву может быть поставлен в один ряд с лучшими произведениями русской архитектуры середины XVII в.

Общая композиция храма построена на свойственном для того времени свободном сочетании разнообразных объемов, образующих сложную и живописную асимметричную группу. Складывалось это сооружение постепенно, в результате разновременных пристроек и переделок, поэтому для достоверной датировки основных его объемов необходимо тщательное изучение всего памятника, его деталей и кирпичной кладки. Однако сравнение стилистических особенностей отдельных частей храма позволяет высказать предварительные предположения по этому вопросу. Так, совершенно очевидно, что древнейшим ядром сооружения является его главный, собственно Вознесенский храм, который относится к весьма распространенному в московской архитектуре XVII в. типу квадратного в плане, кубического бесстолпного храма, перекрытого сомкнутым сводом и увенчанного традиционным пятиглавием. При этом барабан центральной главы открыт внутрь помещения, тогда как остальные четыре барабана глухие и превратились в чисто декоративные круглые «шейки». С востока к главному объему примыкает низкая алтарная пристройка с тремя полукруглыми апсидами, а с запада — скромная по размерам трапезная и нарядное висячее крыльцо. На юго-западном углу храма разместился древнейший одноглавый придел Всех Святых, а на северо-западном — колокольня, построенная в связи со зданием церкви. Первоначально эта колокольня, очевидно, имела типичное для того времени шатровое завершение, однако в XIX в. ее верхний ярус подвергся перестройке и на старом четверике было возведено чуждое основному храму позднее сооружение.

Главным аспектом храма в старину служил его западный фасад, который был обращен на древнюю торговую площадь, отсюда и получившую свое название Вознесенской. На запад к торгу вело также и парадное крыльцо, по положению которого в настоящее время можно судить о восточной границе этой старой площади. Однако после принятой в начале XIX в. перепланировки города Вознесенский храм оказался ориентированным на главную улицу Успенскую (Советский

Церковь Вознесения. Вид с восточной стороны

Церковь Вознесения. Придел Всех Святых. Фрагмент фасада

проспект) своим восточным фасадом, а его западный фасад постепенно заслонила позднейшая застройка.

При первом взгляде на план Вознесенской церкви бросается в глаза то, что торжественно оформленная, парадная западная лестница ведет в маленькие и скромные помещения второго этажа, тогда как вход в основной храм расположен сбоку под лестницей. Разгадку этого вопроса подсказывает анализ кладки нижней части юго-западных стен здания: могучие арки первого этажа заложены явно позднее, и можно предполагать, что в старину они были открыты и образовали галерею-паперть, по своему происхождению весьма близкую к аналогичным мотивам деревянного зодчества. Правдоподобность такого предположения подтверждается и данными писцовой книги 1676—1683 гг., авторы которой сообщают, что церковь Вознесения была расположена «на взмостье». Под сводами этой галереи, очевидно, и находился первоначальный южный вход, который вел в трапезную, а оттуда — в главное помещение церкви. Таким образом, можно предполагать, что вход этот, обращенный на юг к Спасским воротам Городища, был трактован не менее парадно, чем западный, тогда как расположенный под лестницей и вызывающий естественное недоумение современный вход в храм

имеет явно позднее происхождение и был устроен лишь после закладки арок нижней галереи.

В своей первоначальной редакции оба эти входа принципиально различались по своему назначению. Так, южным входом через открытую галерею и трапезную в главный храм от торгога и Спасских ворот шли массы простого народа — рядовые прихожане. В то же время западный вход был предназначен только для избранных: по этой парадной лестнице прямо с площади от торговых рядов местные богачи Ревякины со своими приближенными поднимались сразу во второй этаж на своеобразные хоры, открытые в основное помещение храма большими проемами. С этими хорами был связан и придел Всех Святых, который, вероятно, служил семейной молельней Ревякиных. В общей композиции этого сооружения, совмещавшего функции обычного приходского храма с функциями домовй церкви, была ярко отображена его классовая сущность, обусловленная социальным заказом.

Обширная двухэтажная северная пристройка, судя по ее деталям, примкнула к главному храму несколько позднее (очевидно, в конце XVII в.). В этой пристройке разместились две новые просторные трапезные и дополнительные приделы, в результате чего старая трапезная и расположенные над ней хоры приобрели значение промежуточных проходных помещений и здание постепенно утратило прежнее значение домовй церкви. Одновременно с сооружением северной пристройки,

по-видимому, были изменены и алтарные апсиды главного объема, о чем свидетельствует их отделка, явно отличная от убранства древнейшей части храма. Особенно очевидной одновременностью этих объемов становится при сравнении их изразцовых украшений: в отделке придела Всех Святых применен ранний тип одиночных зеленых «муравленых» изразцов, а наличники окон алтаря украшают уже сплошные ленты многоцветных изразцов более позднего происхождения.

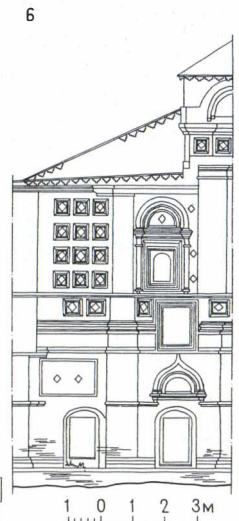
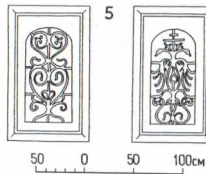
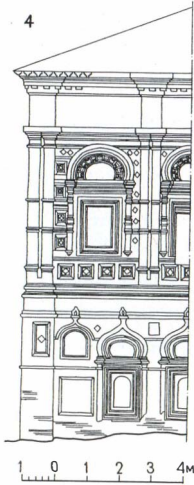
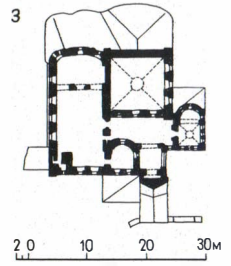
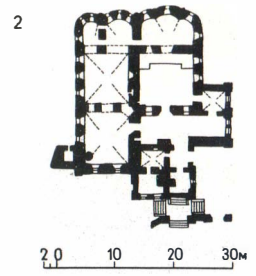
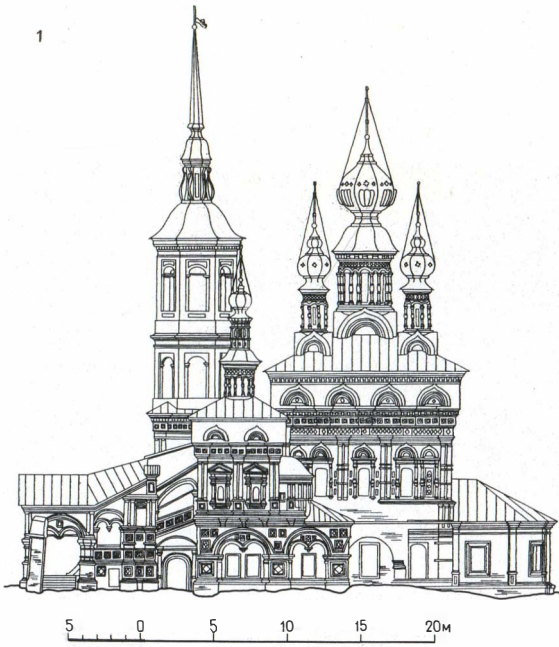
В неразрывной связи с общей живописной композицией Вознесенской церкви находится и ее богатое декоративное убранство, придающее всему сооружению особую нарядность и «изукрашенность». По аналогии с московскими храмами середины столетия основной четверик здесь имеет традиционное трехчастное членение приставными парными полуколонками и увенчивается сложным нависающим декоративным поясом, в состав которого входят такие типичные для XVII в. детали, как городчатые карнизы, сочные кирпичные профиля, мелкие квадратные ширинки (кессоны) с фигурчатыми нишками, изразцовые вставки и декоративные кокошники (по три на каждом фасаде). Один из основных элементов убранства стен храма богато профилированные и исключительно разнообразные наличники окон, завершения которых выполнены в виде треугольных фронтончиков или варьируют форму кокошника и покоятся на тонких нарядных полуколонках. Кроме того, в общей композиции окон важную роль играют великолепные кованые решетки XVII в., сохранившиеся до нашего времени в окнах придела Всех Святых. Декоративное убранство барабанов венчающих глав храма представлено нарядными, сочными кирпичными карнизами и характерными для древнерусского зодчества аркатурно-колончатыми поясами.

Галерея южного фасада объединена с западным крыльцом общим мотивом разнообразно трактованной уплощенной арки с вкомпонованными в нее двумя меньшими арочками на гирьках-висягах, причем в верхнем рундуке лестницы этот элемент приобретает типичную для наружных крылец форму так называемой ползучей арки. Неотъемлемую часть общего убранства храма составляют также многочисленные кирпичные ширинки, которые располагаются необычайно прихотливо и не оставляют неукрашенным ни одного участка стены. Внешний наряд здания дополняют сверкающие поливные изразцы, примененные и в ширинках, и в карнизах, и в наличниках алтарных апсид, и в виде отдельных самостоятельных вставок. И, наконец, крупные нижние ширинки столбов аркады южной галереи украшены декоративными плитками из белого резного камня, что представляет большую редкость для устюжского зодчества. В основу общей компоновки всего этого сложного декоративного убранства положен чрезвычайно характерный для середины XVII в. принцип исключительной насыщенности здания разнообразными «узорочьями», которые покрывают всю плоскость фасадов и выполнены в заглубленном в толщу стен рельефе, что образует богатые светотеневые эффекты и придает храму особую пластическую выразительность. При этом вызывают изумление неистощимая фантазия и изобретательность безвестных мастеров, сумевших до предела использовать все декоративные возможности кирпича.

По сведениям писцовых книги 1676—1683 гг., Вознесенский храм

Церковь Вознесения. Вид с южной стороны

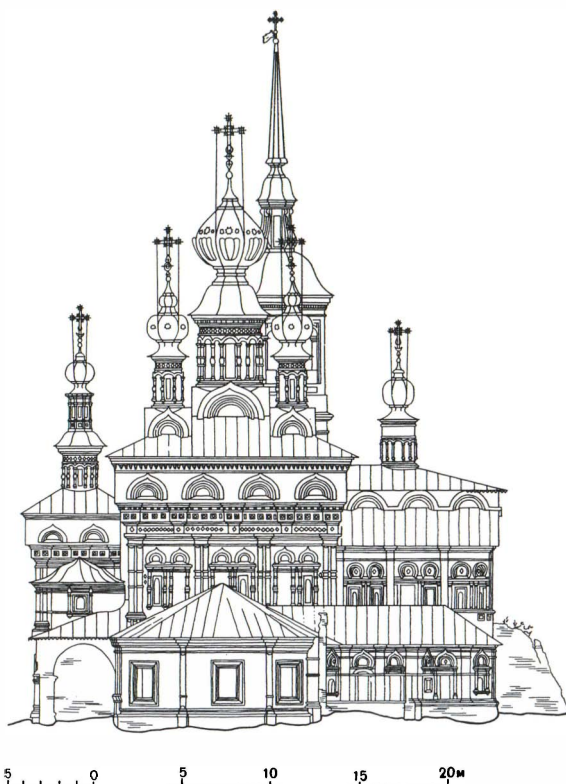
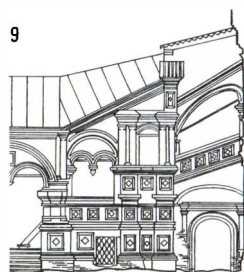
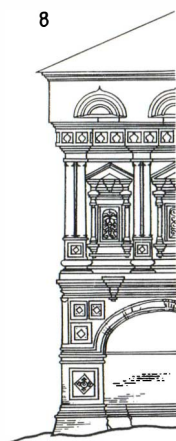

Церковь Вознесения (построена в 1648 г.). Обмеры, выполненные в 1951 г. архитекторами Г. П. Беловым, В. М. Дворяшиным, А. Г.

Кузнецовым, графически обработаны автором

1 — южный фасад; 2 — разрез; 3 — план первого яруса; 4 — план второго яруса; 5 — детали реше-

ток XVII в. придела Всех Святых; 6 — восточный фасад; 7 — фрагмент северного фасада; 8 — фрагмент придела Всех Святых; 9 — фрагмент западного фасада; 10 — фрагмент крыльца

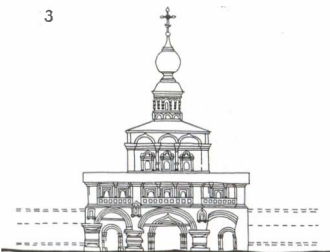
в конце XVII в. представлял собой сложное и живописное сооружение «об одиннадцати главах», из которых до нашего времени сохранилось семь. Основной объем храма венчает традиционное пятиглавие, скомпонованное очень красиво и получившее типичные для того времени декоративные формы. Скромная главка расположена также над северной пристройкой здания. Но особым изяществом отличается завершение придела Всех Святых, выполненное в виде маленькой маковицы на двойной шейке, которая удачно увенчивает композицию этого небольшого, но исключительно живописного объема. Ранние главы Вознесенской церкви до нашего времени не сохранились, однако очевидно, что, подобно главам других устюжских каменных храмов XVII в., они, по данным сетных и писцовых книг, были выполнены в дереве и обиты «белым железом». И хотя до нас не дошло ни одной главы такого типа, можно смело предполагать, что, используя основные конструктивные приемы венчания деревянных храмов, мастера XVII в. повторяли и

5 0 5 10 15 20m

5 0 5 10 15 20m

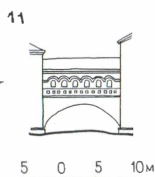
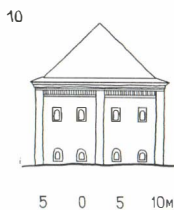
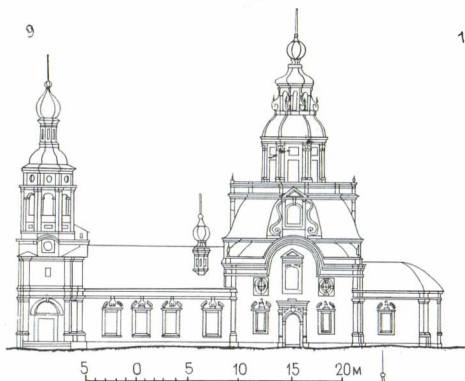

Сравнительная таблица памятников Великого Устюга и современных им аналогичных сооружений

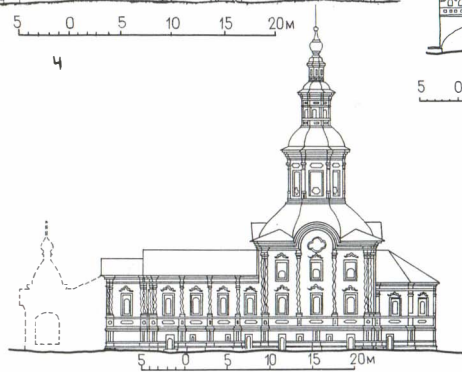
Памятники Великого Устюга: 1 — церковь Вознесения; 2 — собор Михайло-Архангельского мона-

стыря; 3 — Владимирская надвратная церковь Михайло-Архангельского монастыря; 4 — церковь Сретенско-Преображенская; 5 — трапезная и переходы Михайло-Архангельского монастыря; аналоги: 6 — церковь Троицы в Никитниках в Москве; 7 — церковь Николая Надеина в Ярославле;

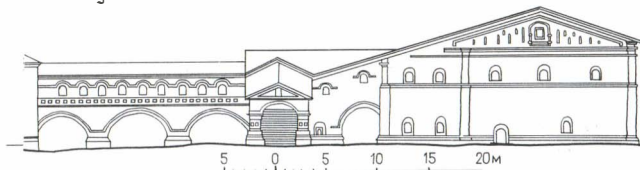
8 — западные ворота и церковь Иоанна Богослова в кремле Ростова Великого; 9 — церковь Ивана Воина в Москве; 10 — трапезная Андронникова монастыря в Москве; 11 — переходы от Белой палаты к теремам в кремле Ростова Великого

4

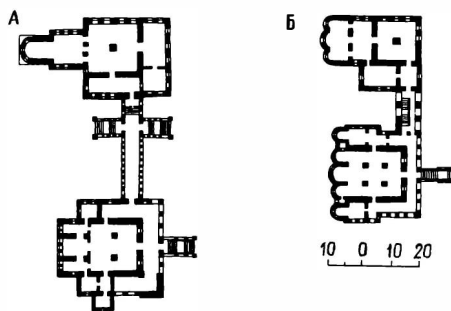
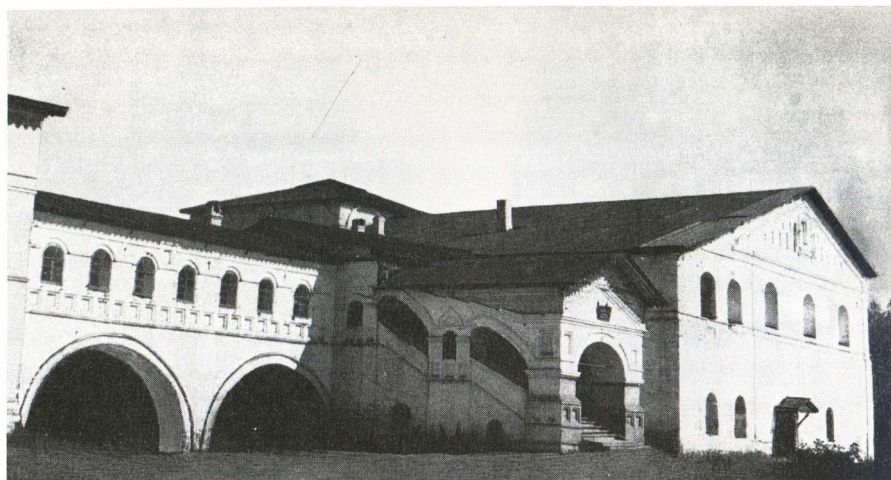
5

Михайло-Архангельский монастырь. Переходы и трапезная палата с церковью Введения

Сравнительная таблица планов центральных комплексов

ло-Архангельского монастыря (А) и Воскресенского монастыря в Угличе (Б)

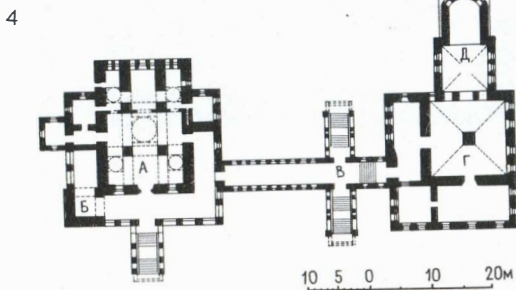
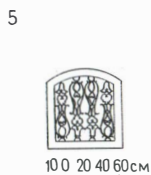
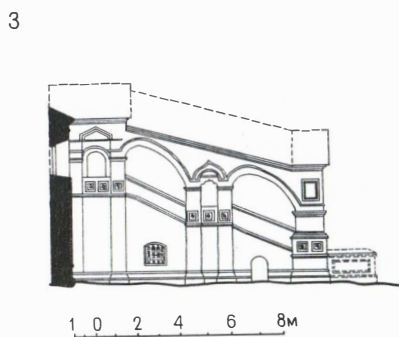
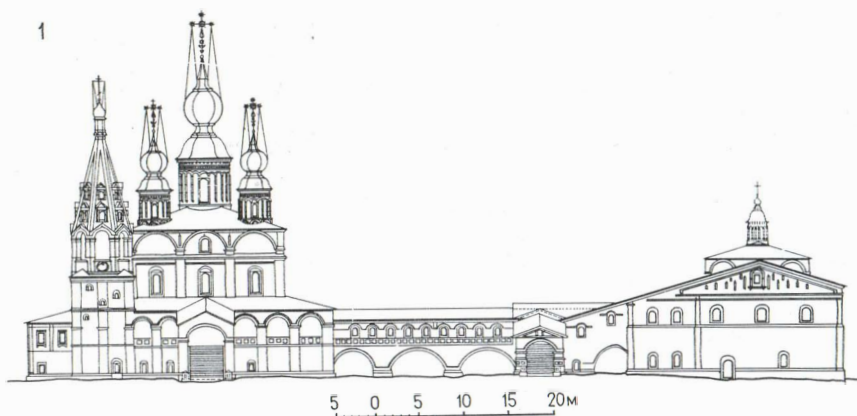
общую луковичную форму старых глав. Однако в XVIII в. в связи с широким развитием в городе металлообрабатывающей промышленности эти завершения постепенно были заменены железными главами кузнечной работы. Новые главы крепились на «железных обручах», неизменно получали сложную фигурчатую, весьма распространенную на Севере двухъярусную форму и увенчивались нарядными ажурными крестами. Поэтому для правильной оценки внешнего облика ранних устюжских храмов и, в частности, церкви Вознесения следует мысленно представить первоначальные формы завершений.

Среди многочисленных культовых сооружений Великого Устюга церковь Вознесения стоит особняком, отличаясь исключительным богатством своего декоративного убранства, которое роднит этот памятник с современными ему храмами «царственной» Москвы. В связи с этим весьма убедительным представляется предположение П. А. Тельтевско-

Центральный комплекс сооружений Михайло-Архангельского монастыря (построен в 1653 г.)

1 — западный фасад; 2 — разрез по собору; 3 — крыльцо переходов; 4 — окно крыльца переходов;

5 — план; А — собор; Б — колокольня; В — переходы; Г — трапезная; Д — церковь Введения

*Михайло-Архангельский мо-
настырь. Вид на собор и ко-
локольню с северо-запада*

*Михайло-Архангельский мо-
настырь. Владимирская над-
вратная церковь*

го, который считает, что Вознесенская церковь была построена приезжими столичными мастерами⁵⁵. Мастера эти могли быть приглашены в Устюг заказчиком храма богатым местным купцом Ревякиным, который был тесно связан с Москвой и зачислен в столичную Гостиную сотню. Однако наряду с приезжими мастерами в строительстве церкви, безусловно, участвовали и местные зодчие, которые не только учились у московских специалистов, перенимая их опыт возведения кирпичных зданий, но и сами внесли свой творческий вклад в общую композицию храма. Очевидно, именно сотрудничество мастеров объясняется применение здесь не свойственного столичным храмам того времени, но весьма распространенного на Севере «полатного» покрытия главного объема крыши на четыре ската, сменившей типично московскую «гору» венчающих кокошников. Кокошники в качестве декоративных элементов появились в верхней части стен основного четверика и в основании его глав. Впоследствии такой тип покрытия с характерными для него элементами убранства получил здесь чрезвычайно широкое применение.

Церковь Вознесения сыграла важную роль в становлении устюжского каменного зодчества, являясь своеобразным «музеем» типично москов-

ских форм и приемов середины XVII в. Однако дальнейшее развитие устюжской архитектуры не пошло подсказанными этим храмом путями, а все столичные влияния были здесь творчески переработаны на основе многовековых традиций местной художественной школы.

По времени своего основания церковь Вознесения была не первым каменным храмом Великого Устюга. Как уже отмечалось выше, каменное строительство в городе началось с сооружения главного Успенского собора, построенного в 1619—1622 гг., но уже в 1631 г. сгоревшего и разобранного до основания. С 1639 по 1658 г. на том же месте возводилось второе каменное здание, которое позднее подверглось неоднократным переделкам и в настоящее время представляет собой сложный комплекс, образовавшийся в результате разновременных наслоений нескольких строительных периодов. Поэтому судить о первоначальном облике этого сооружения сейчас нелегко. Кроме того, текстовые документы XVII в. освещают этот вопрос весьма скупо, а единственное из известных нам иконописных изображений Успенского собора вызывает большие сомнения, так как во время исполнения этой иконы (между 1649 и 1653 гг.) собор еще не был достроен и поэтому приведенный на ней общий вид здания, и особенно завершающей его части, следует расценивать как вымысел иконописца. Вот почему общий обзор устюжских храмов соборного типа правильнее всего начать с Михайло-Архангельского собора, наиболее раннего из сохранившихся и чрезвычайно характерного представителя этой группы культовых сооружений.

Собор Михайло-Архангельского монастыря был возведен на месте старой деревянной церкви, сгоревшей еще в начале XVII в., и приобрел значение главного ядра всего этого замечательного ансамбля. Определяющую роль во внешнем облике собора играет монументальный и величественный главный кубический объем, увенчанный традиционным пятиглавием. За основу общей композиции этого объема принята четырехстолпная трехнефная крестовокупольная система, издвеле ставшая канонической для русских соборных храмов и освященная многовековой традицией.

Согласно традиции, главный объем Михайло-Архангельского собора получил в плане форму несколько вытянутого с востока на запад прямоугольника, к которому примыкает пониженная алтарная пристройка. Внутри основного помещения расположены четыре несущие столба, соединенные друг с другом и со стенами здания подпружными арками. Эти арки являются основой всего перекрытия, которое представляет собой систему выложенных из кирпича, взаимно пересекающихся цилиндрических сводов, образующих в плане подобие креста. При этом несущие центральный барабан подпружные арки ступенчато приподняты над сводами концов креста, что соответствует старой псковской традиции, распространившейся в это время по всей Руси. На закрестья основного перекрытия установлены четыре угловых барабана, которые, подобно центральному барабану, световые, имеют круглую форму и перекрыты куполом. По аналогии с завершениями древнейших русских храмов этого типа традиционное пятиглавие Архангельского собора получило формы, функционально оправданные и логически связанные с конструкцией здания. Подобно главам других устюжских храмов

XVII в., главы этого собора первоначально были выполнены из дерева, покрыты «белым железом» и имели более простую форму. Перекрыт главный объем «по-полатному», что в условиях сурового северного климата со значительными снеговыми заносами и обильными осадками было значительно рациональнее древнего покрытия по закомарам, и поэтому четырехскатные кровли получили в Устюге широкое применение, превратившись в основную форму покрытия культовых зданий.

С севера и с юга к главному объему храма примыкают два симметрично расположенных придела, объединенных просторной папертью, которая в виде открытой с арочными проемами галереи обходит основной кубический объем здания с трех сторон⁵⁶. Кроме того, все сооружение поднято на высокий подклет, придающий ему особую величественность и парадность. Наличие этого подклета повлекло за собой возникновение высокого крыльца, которое ведет к главному западному входу в храм. И, наконец, особо следует остановиться на колокольне Архангельского собора, которая построена в связи с храмом на северо-западном его углу и является самым ранним из сохранившихся до нашего времени устюжских сооружений этого типа.

Основу общей композиции колокольни составляет сочетание монументального четверика основания с открытым восьмериком звона, увенчанного неизменным шатром. Такая комбинация основных объемов, неразрывно связанная с традициями деревянного зодчества, получила в каменном строительстве XVII в. чрезвычайно широкое применение и неоднократно варьировалась устюжскими мастерами. Впервые воспроизводя в кирпиче полюбившиеся народу формы шатрового здания, устюжане одновременно с применением нового для них материала осваивали здесь и новые конструктивные приемы, из которых в первую очередь следует отметить остроумное решение перехода от четверика к восьмерику в виде угловых подпружных кирпичных арок, впоследствии широко использованное в строительстве ярусных храмов XVIII в. Кладка самого шатра выполнена с незначительным напуском верхних рядов кирпича над нижними и с усилением угловых ребер жесткости, а распор от шатра погашается железными связями. Для уничтожения глухоты звука тело шатра прорезано оконцами-«слухами», расположенными в два ряда и украшенными скромными наличниками. При этом верхние слухи уступают по размерам слухам нижнего ряда, что усиливает впечатление перспективного сокращения и зрительно увеличивает высоту шатра. Общую композицию колокольни завершает небольшая главка, весьма близкая по форме к ранним устюжским главам и сохранившая древний крест простой и лаконичной формы. Первоначально шатер не имел никакого покрытия, а естественная поверхность его кладки хорошо сочеталась со старой тесовой кровлей основного объема собора.

Главным мотивом обработки фасадов собора служат простейшие лопатки, которые применены в вертикальных членениях всех объемов храма, начиная с основного куба, галереи и колокольни и кончая приделами и крыльцом. Суровая гладь стен четверика прорезана глубокими оконными нишами, лишенными каких-либо украшений⁵⁷, а в целом общая композиция фасадов собора отличается той сдержанностью и строгостью, которая роднит это сооружение XVII в. с древнейшими рус-

скими храмами этого типа. Однако в отличие от образцов закомары главного объема Архангельского собора в связи с применением «полатного» покрытия утратили свою древнюю конструктивную роль и отрезаны от лопаток сплошным карнизом. Траповка закомар, как декоративного элемента, особенно наглядно выражена на южном фасаде, где они не совпадают с шагом лопаток и где эта перебивка уже предваряет собой свободные композиции декоративных кокошников XVII в. К числу немногих украшений собора относятся традиционные аркатурно-колончатые пояса барабанов глав, а также вставки из квадратных кирпичных ширинок, играющие роль основного убранства парапета галереи и получившие впоследствии широкое применение в ограждениях галерей, крылец и колокольных звонов. Общее впечатление суровости собора значительно смягчает арочная галерея паперти с ведущим на нее высоким крыльцом, которое вначале, вероятно, было увенчано декоративным шатром и представляло собой интересную композицию, к сожалению, сильно попорченную поздними переделками. Такие крыльца и галереи, ведущие свое начало от аналогичных элементов деревянных храмов, позднее неоднократно применялись в устюжском каменном зодчестве.

С юга от Михайло-Архангельского собора расположена скромная одноглавая зимняя церковь Введения, к которой примыкает монументальное здание трапезной, выполненное в строгих и лаконичных формах, хорошо гармонирующих с общим характером самого собора. На уровне второго этажа трапезная связана с папертью собора крытыми каменными переходами, на которые ведут два нарядные живописные крыльца. Если мысленно представить себе аналогичные переходы, некогда примыкавшие к собору с севера и объединявшие его со зданием настоятельских келий, то станет очевидным, что только в связи со всем этим необычайно целостным и в то же время разнообразным и живописным ансамблем, можно правильно понять значение собора, который, играя роль главного сооружения монастыря, безраздельно господствовал над всеми его гражданскими и культовыми постройками своим величественным и монументальным объемом.

Оценивая место этого храма в ряду аналогичных культовых сооружений рассматриваемого периода, следует отметить, что в его архитектурной композиции продолжены традиции русского каменного зодчества конца XVI в., наиболее ярко выраженные в Спасо-Преображенской церкви подмосковного села Вяземы, кубический пятиглавый объем которой имеет два симметричных придела, объединенных арочной галереей. В XVII в. этот тип храма получил чрезвычайно широкое распространение в русской архитектуре и особенно в культовых постройках Московского и Ярославского круга, что дополнительно свидетельствует об установившихся в XVI—XVII вв. тесных связях Устюга с этими крупнейшими торговыми центрами Русского государства.

Но особого внимания заслуживает принципиальное композиционное сходство центральных сооружений и, в частности собора Михайло-Архангельского монастыря, с аналогичным комплексом построек Воскресенского монастыря в Угличе. Оба эти ансамбля были сооружены по грамотам энергичного строителя XVII в. Ростовского митрополита Ионы Сысоевича, по замыслу которого культовые постройки этих мо-

настырей посредством переходов и галерей были объединены с бытовыми и хозяйственными помещениями (трапезная, хлебня, келарская, кладовые и пр.) в единое и органичное целое. Спецификой заказа, очевидно, и было обусловлено сходство центральных сооружений этих комплексов, особенно наглядно выраженное в их планах. Позднее такой принцип организации ансамбля нашел свое блестящее воплощение в основной застройке этого митрополита — в ансамбле Ростовского кремля, для которого оба рассмотренных монастыря послужили своего рода прототипом. При этом весьма существенно то, что устюжский Михайло-Архангельский монастырь, построенный в самом начале правления Ионы Сысоевича (1653 г.), вероятно предшествовал угличскому Воскресенскому монастырю (1674 г.), являясь таким образом самым ранним примером осуществления грандиозных архитектурных замыслов митрополита-строителя. Вот почему проблема связи этого замечательного устюжского ансамбля с прочими постройками Ионы Сысоевича представляет особый интерес и заслуживает специального исследования.

Однако, несмотря на явное типологическое единство культовых сооружений рассмотренной группы, устюжский Михайло-Архангельский собор существенно отличается и от московских, и от угличских, и от ростовских, и от ярославских храмов своими особыми чертами, среди которых главное место принадлежит общей строгости и монументальности архитектурных объемов, а также предельной простоте и сдержанности декоративного убранства, которые роднят этот памятник с произведениями русской каменной архитектуры более раннего периода. Большой интерес с этой точки зрения представляет унаследованная от народного деревянного зодчества особая забота строителей Архангельского собора о красоте силуэта здания, выразившаяся и в общей группировке его глав, и в тонкой прорисовке чрезвычайно выразительного пирамидообразного венчания, которое, совместно с «полатным» покрытием главного объема, придает зданию особый, местный, чисто северный характер⁵⁸. Как существенную особенность храма следует отметить также необычную прямоугольную форму его алтарной пристройки, вызывающую при первом взгляде некоторое недоумение. Однако если вспомнить, что строителями этого здания были вчерашние плотники-«рубленники», то станет понятным появление этой типичной для деревянных храмов формы алтаря, которая наряду с трехгранной формой и впоследствии будет нередко встречаться в устюжском каменном зодчестве.

Собор Троице-Гledenского монастыря был сооружен в 1659 г., т. е. через шесть лет после завершения строительства собора Михайло-Архангельского монастыря, причем строителями этих двух ранних устюжских храмов соборного типа были, очевидно, одни и те же мастера, которые в общей композиции Троицкого собора продолжили и развили основные художественные и конструктивные приемы, впервые примененные при возведении его прототипа. Основу Троицкого собора составляет монументальный четырехстолпный кубический объем, перекрытый «полотатному» и увенчанный пятью главами на световых барабанах. С трех сторон к этому объему примыкает просторная галерея паперти, завершенная двумя симметрично расположенными приделами⁵⁹. Наконец,

все здание, подобно Архангельскому собору, поднято на высокий подклет. Кроме того, в Троице-Гледенском монастыре существовали прежде и каменные переходы, связывавшие собор с зимней Тихвинской церковью и с трапезной палатой. Все эти сооружения по своей общей композиции подобны аналогичному комплексу Михайло-Архангельского монастыря, хотя уступают ему по масштабам и в значительной степени утратили строгую монументальность первоначального образца.

Однако при сравнении главных храмов этих монастырей создается впечатление, что их разделяют не шесть лет, а, по крайней мере, столетие, настолько — несмотря на общее композиционное сходство — разнятся они между собой. При этом Троицкий собор, утрачивая свойственные Архангельскому собору архаизмы и общий суровый характер, по своим формам уже принадлежит к XVII в. и представляет дальнейшую разработку раннего прототипа в соответствии с общими тенденциями развития русского каменного зодчества рассматриваемого периода.

Главный объем Троицкого собора получил форму компактного, почти правильного куба, все фасады которого имеют традиционное трехчастное членение и завершены декоративными закомарами, строго совпадающими с шагом лопаток. Таким построением основного объема была обусловлена красивая компоновка венчающего пятиглавия. При этом барабаны глав здесь приобрели восьмигранную форму, что составляет характерную особенность устюжских каменных храмов XVII в., ведущую свое происхождение от древних восьмериков рубленых зданий и получившую позднее широкое применение в строительстве. Барабаны эти увенчаны кирпичными городчатыми карнизами, а в основании их размещены типичные для того времени декоративные кокошники. Аналогичный мотив кокошников нашел применение и в завершающей части приделов храма, а в целом в убранстве фасадов этого сооружения появилось значительно большее, чем в Архангельском соборе, число декоративных элементов. Так, окна основного храма получили профилированные прямоугольные наличники; ограждение галереи выполнено в виде сплошного пояса из кирпичных ширинок, в глубине которых размещены керамические вставки, а в наличниках окон алтарных апсид применены зеленые (муравленые) изразцы. Чрезвычайно интересно трактована здесь и сама алтарная пристройка, которая в своей нижней подклетной части имеет аналогичную с алтарем Архангельского собора прямоугольную форму, а во втором ярусе образует пять мягко круглящихся пластичных апсид, при этом центральная апсида выделена более значительными размерами и усложненной, нарядной формой наличника.

Но, пожалуй, главная особенность этого собора заключена в постановке его колокольни, которая, в отличие от асимметрично расположенной и неразрывно связанной с основным храмом колокольни Михайло-Архангельского монастыря, представляет собой самостоятельный объем и размещена над главным западным входом в собор. Сравнивая эти колокольни, нетрудно заметить, что, несмотря на их типологическое единство, они существенно разнятся между собой как по пропорциям, так и по общей компоновке основных объемов. Так, в колокольне Троицкого собора нижний четверик утратил свойственную Архангель-

ской колокольне громоздкость и превратился в низкий цоколь, украшенный ширинками и прорезанный арочными проемами, ведущими к главному входу в храм. Этот цоколь играет роль основания для высокого и стройного восьмерика, расчлененного лопатками и завершенного арками звона. И, наконец, композицию сооружения венчает величественный шатер, общее архитектурное и конструктивное решение которого в основном сходно с шатром колокольни Михайло-Архангельского монастыря. Шатер этот отличается красивыми пропорциями и замечателен тем, что сохранил до наших дней свое древнее кирпичное покрытие. При сравнении этого шатра с завершениями других устюжских колоколен становится особенно очевидным, насколько выгодно отличается его естественная и «живая» кладка от сухих и жестких форм поздних железных покрытий.

В дальнейшем развитии устюжского культового зодчества собор Троице-Гледенского монастыря сыграл исключительно важную роль, а впервые осуществленная здесь симметричная компоновка основных объемов получила впоследствии широкое применение. Кроме того, как сам собор, так и его замечательная колокольня отличаются большой художественной законченностью своих форм, подлинным совершенством исполнения и прекрасными пропорциями целого и деталей. Вот почему этот памятник по праву можно признать классическим примером устюжского храма соборного типа середины XVII в.

Общий обзор соборов Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского монастырей позволяет вернуться к анализу главного сооружения города — **Успенского собора**, первоначальный облик которого значительно легче представить в сравнении с этими двумя наиболее типичными и относительно хорошо сохранившимися устюжскими соборными храмами.

Архитектурная история этого старейшего памятника города насчитывает более семи столетий, однако дошел он до нас уже в поздних формах. Самая древняя часть современного Успенского собора относится к XVII в. и принадлежит второму заложенному на этом месте каменному зданию, которое было начато строительством задолго до возведения других устюжских храмов (1639 г.), а закончено через пять лет после освящения Архангельского собора, и лишь на один год раньше Троицкого собора (1658 г.). В течение XVIII—XIX вв. сооружение это подвергалось неоднократным переделкам, в результате чего старая кладка сохранилась только в нижней северо-восточной части стен его основного объема и алтарных апсид. Поэтому для восстановления первоначального облика Успенского собора следует внимательно проанализировать его план, мысленно отбросить все поздние пристройки, примкнувшие к нему с юга и с запада, а также восстановить западную пару внутренних несущих столбов, которые были выломаны в 1728 г., в связи с расширением храма и устройством венчающего центрального восьмерика. В этом случае план Успенского собора приобретает формы, типичные для плана четырехстолпного трехнефного крестовокупольного древнерусского храма, весьма сходного с центральными объемами соборов Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского монастырей. Однако в отличие от этих сооружений Успенский собор не имел ни подклета, ни галереи, ни симметрично расположенных приделов. Лишь в 1680 г. с юга к нему

была пристроена скромная теплая церковь Козьмы и Демьяна (Благовещенская). Как существенную особенность плана этого собора следует отметить объединение восточной пары внутренних столбов со стенами, разделяющими алтарную пристройку, в результате чего план фактически превратился в двухстолпный. Впоследствии этот прием получил широкое применение в устюжском культовом зодчестве и был повторен во всех храмах соборного типа.

Этот характерный план достаточно убедительно свидетельствует о первоначальном внешнем облике Успенского собора, который, вероятно, представлял собой строгий и величественный компактный объем, увенчанный пятью традиционными главами на световых барабанах. Лишенная украшений суровая гладь стен собора была расчленена простыми лопатками и прорезана глубокими оконными проемами. С восточной стороны к основному объему примыкала неизменная алтарная пристройка с тремя сильно развитыми апсидами, сравнительно хорошо сохранившимися до нашего времени. Таким образом, при общем сходстве с местными монастырскими соборами главный храм Великого Устюга значительно отличался от последних и представлял

Успенский собор. На схеме фасада пунктиром обозначены предположения по реконструкции первоначального

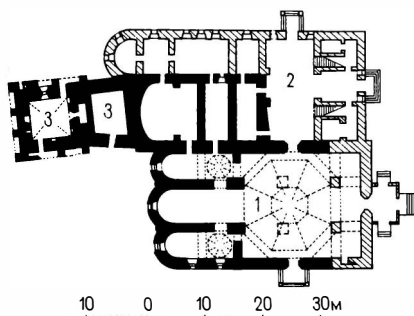
облика здания. На плане здания штриховкой показаны поздние пристройки

собой самое строгое и монументальное сооружение города. Кроме того, он явно тяготеет к ранним каноническим памятникам древнерусского зодчества и повторял основные композиционные приемы московского Успенского собора, который в течение нескольких столетий играл роль образца для главных храмов русских городов.

В результате неоднократных поздних переделок основной объем устюжского Успенского собора сильно раздался вширь и был завершен плохо скомпонованными двухъярусными восьмериками, при этом на месте древних закомар разместились чуждые всему зданию поздние барочные украшения, а к основному храму примкнули безвкусные пристройки крылец и громоздкий объем церкви Благовещения. Все эти поздние изменения значительно снизили общую художественную ценность Успенского собора, который некогда был одним из интереснейших каменных сооружений города.

Колокольня Успенского собора представляет собой памятник весьма сложный, составленный из двух объемов — прямоугольного и восьмигранного — и, подобно самому собору, принадлежит различным строительным периодам. Дата основания этой колокольни не известна,

а авторы писцовых книг 1676—1683 гг. сообщают, что возле нового каменного собора первое время еще существовала старая деревянная колокольня «на шти столбах». Однако при пожаре 1679 г., когда сгорела шатровая зимняя церковь Козьмы и Демьяна и древние деревянные главы самого собора, очевидно, пострадала и колокольня. Таким образом, можно предполагать, что возведение первой каменной колокольни началось вскоре после этого пожара на месте старой деревянной и шло параллельно со строительством каменной церкви-придела Козьмы и Демьяна (1680 г.).

Чтобы представить себе первоначальный облик этого сооружения, необходимо, в первую очередь, определить ту высотную границу, которая отделяет древнюю кладку от поздней. В этом вопросе на помощь снова приходит стилистический анализ, позволяющий без особого труда отличить дробные, выполненные в штукатурке поздние профили от деталей XVII в., неразрывно связанных с кладкой стены и имеющих сочные обломы, модульные размерам кирпича. Такое сопоставление подсказывает, что верхний ширинчатый пояс современного звона принадлежит уже поздней надстройке. Следовательно, ранняя колокольня Успенского собора имела значительно меньшую высоту. За основу композиции колокольни было принято традиционное сочетание восьмерика на четве-

рике основания. Сплошной ширинчатый пояс, обходящий весь объем четверика, свидетельствует о том, что первоначально нижний ярус колокольни был трактован в виде открытой галереи, покоящейся на монументальной аркаде. Эта галерея обнимала центральный столп восьмерика и, очевидно, связывала колокольню с новым каменным приделом, примкнувшим к собору с южной стороны. Восьмерик колокольни завершался арками звона с типичными для XVII в. килевидными архивольтами и с неизменным ширинчатым убранством парапета⁶⁰. И, наконец, всю композицию колокольни венчал традиционный кирпичный шатер. Следовательно, восьмигранная колокольня Успенского собора первоначально представляла собой типичное для древнерусской архитектуры сооружение рассматриваемой группы и была очень близка к колокольням Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского монастырей, хотя и отличалась от этих прототипов более сложными и обогащенными формами нижнего яруса.

Значительно труднее без специальных исследований восстановить ранний облик второй прямоугольной колокольни, примкнувшей к восьмигранному столпу с запада. Однако взаимосвязанность обеих колоколен и сходство их деталей свидетельствуют, что вопрос о расширении «благовеста» Успенского собора был поставлен не позднее 80-х годов XVII в., в результате чего уже в процессе строительства первой колокольни к ней

*Церковь Власьевская. Вид
с юго-восточной стороны*

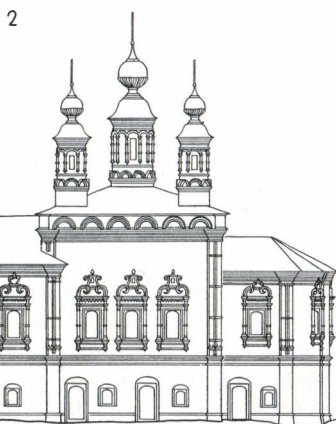
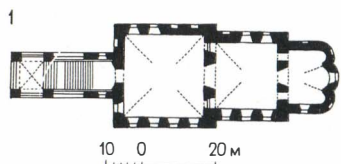
решено было пристроить новый объем, который на уровне звона был связан с основным столпом единым ширинчатым поясом, выполненным в типичных для XVII в. формах. Наличие такого пояса, применявшегося в то время для украшения парапетов, наводит на мысль о том, что в старину прямоугольная колокольня на этом уровне имела открытую площадку, на которой, вероятно, была размещена звонница, по своим формам близкая к получившим широкое распространение в кремлевском и монастырском строительстве XVI—XVII вв. звонницам псковско-новгородского типа. Таким образом, колокольни Успенского собора первоначально представляли собой чрезвычайно живописную композицию, весьма типичную для усложненных и расширенных соборных звонов рассматриваемого периода. А своеобразное сочетание в одном объеме шатровой колокольни и стенки-звонницы придало этой постройке весьма оригинальный облик, несколько напоминающий композицию звона Московского Кремля, где к главному восьмигранному столпу колокольни Ивана Великого примкнула обширная прямоугольная звонница, так называемая Филаретова пристройка.

Основные изменения колокольни были произведены одновременно с перестройкой собора, т. е. в 80-х годах XVIII в., когда восьмигранный ее объем получил завершение в виде ярусного, увенчанного шпилем вось-

Церковь Мироносицкая. Южный фасад

Церковь Мироносицкая (построена в 1714 г.)

1 — южный фасад; 2 — разрез;
3 — план

Церковь Спасо-Преображенская. Вид с юго-западной стороны

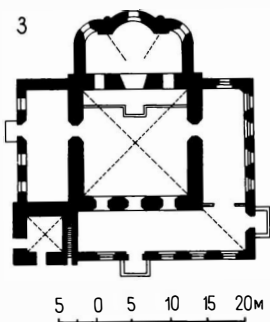
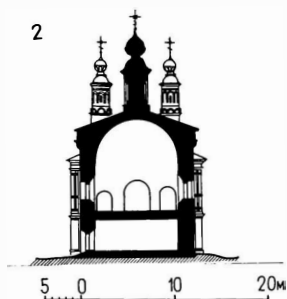
мерика с часами, а на второй колокольне специально для установки вновь отлитого крупнейшего устюжского колокола (по имени «Варлаам») была возведена прямоугольная, перекрытая сводом надстройка с большими арочными проемами. В результате колокольня получила высоту 50 м, превратившись таким образом в самое высокое сооружение города, а ее внешний облик, несмотря на существенные изменения, сохранил свой необычный и своеобразный характер.

Прокопьевский собор — второе по значению сооружение устюжского Соборного ансамбля. История каменного здания этого собора ведет свое начало с 1668 г., когда на месте одноименного пятишатрового храма-памятника XV в. «иждивением» купца Афанасия Гусельникова была построена новая каменная соборная церковь, получившая традиционную четырехстолпную кубическую пятиглавую форму. Основной объем храма был перекрыт «по-полатному», а фасады членились на три части лопатками и завершались декоративными закомарами. С трех сторон этот объем окружала низкая галерея паперти, а к юго-западному углу

Церковь Спасо-Преображенская (построена в 1696 г.)

1 — западный фасад; 2 — план;
3 — разрез

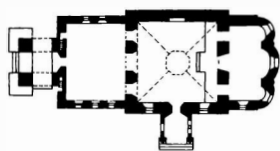
Прокопьевский собор. Об-
щий вид с реки

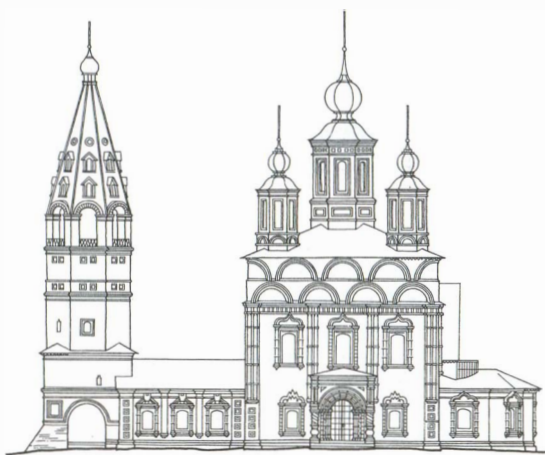
Церковь Сретенско-Мироносицкая. Вид с восточной стороны. Снимок выполнен в 1915 г. (фототека МАСиА)

Церковь Дмитриевская в селе Дымково (построена в 1708 г.)

1 — южный фасад; 2 — план; 3 — разрез; 4 — план колокольни, второй и третий этажи

5 0 5 10 15м

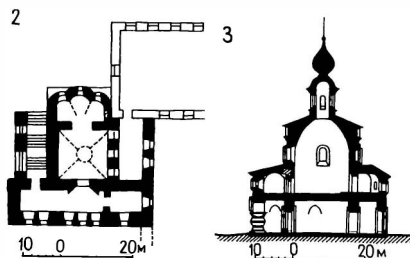
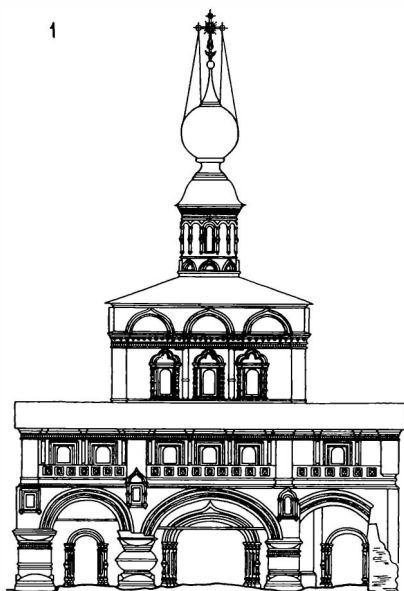
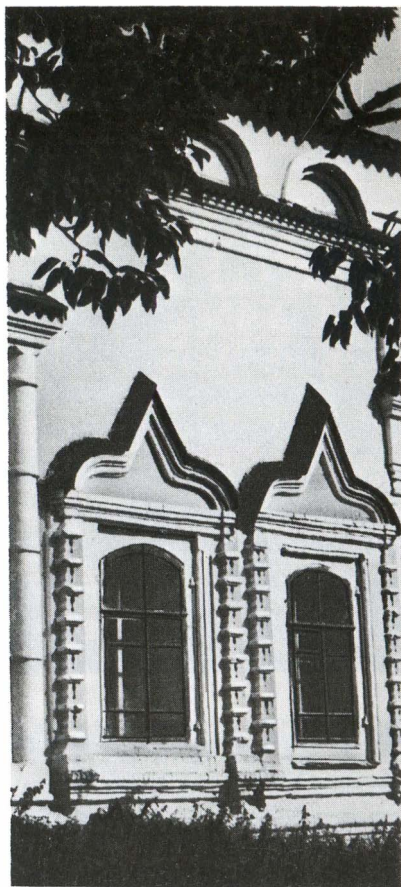

5 0 5 10 15м

Церковь Сретенско-Мироносицкая. Фрагмент южного фасада

Владимирская надвратная церковь Михайло-Архангельского монастыря (построена в 1682 г.)

1 — западный фасад; 2 — план; 3 — разрез

здания примыкала шатровая колокольня. Таким образом, Прокопьевский собор первоначально имел формы, типичные для устюжских соборных храмов XVII в., хотя значительно уступал последним по своим масштабам, а от монастырских соборов отличался отсутствием подклета.

Сравнительно скромные размеры внутреннего пространства Прокопьевского собора ($11,3 \times 10$ м) позволили позднее принципиально изменить его общее конструктивное решение: в 1724 г. устюжане разобрали старые своды вместе со световыми барабанами и перекрыли основной объем типичным для приходских церквей XVII в. четырехлотковым сомкнутым сводом. Эта замена перекрытия позволила ликвидировать старые несущие столбы, значительно затеснявшие главное поме-

Церковь Дмитриевская в селе Дымково. Вид с юго-восточной стороны

щение храма. Новый свод оказался выше старого, поэтому кровлю собора пришлось поднять, а над ранними закомарами появился второй ряд декоративных кокошников. Одновременно было заменено и венчающее пятиглавие. При этом новые барабаны превратились в глухие и получили столь полюбившуюся устюжанам форму восьмериков, грани которых украсили тонкие колонки, а в основании расположились декоративные кокошники. К сожалению, поздние пристройки сильно исказили обращенный к реке главный фасад этого интересного сооружения, однако центральный объем и алтарная часть собора в основном сохранили свои формы XVII—первой четверти XVIII вв.

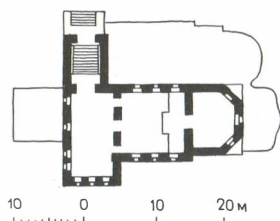
История донесла до наших дней имя строителя Прокопьевского

собора устюжского мастера Петра Дмитриева Котельникова, что представляет большой интерес, так как все старые документы, подробно отмечая имена лиц, финансировавших строительство, обычно не упоминают зодчих. В результате, почти все памятники древнерусской архитектуры, подобно произведениям коллективного устного народного творчества, остаются безымянными. Но поскольку в данном случае имя Котельникова было отмечено, постольку можно предполагать, что он был выдающимся мастером своего времени и, вероятно, возглавлял ту бригаду замечательных местных архитекторов, которые своим творческим трудом способствовали созданию своеобразных форм устюжского зодчества второй половины XVII в.

Перечень местных храмов соборного типа завершает собор **Иоанна Устюжского**, каменное здание которого было построено в 1663 г. на месте старой одноименной деревянной церкви, близ Успенского и Прокопьевского соборов. По своей общей композиции этот кубический пятиглавый храм с галереей и размещенной на углу главного объема колокольной следовал установившемуся традиционному типу, хотя представлял собой наиболее скромный вариант такого сооружения и значительно уступал по размерам остальным устюжским соборным храмам. Разделяя судьбу всего ансамбля Соборного дворца, Иоанновский собор подвергался неоднократным поздним переделкам и до нашего времени дошел уже в формах XIX в. Только в нижней части юго-восточных стен здания сохранилась первоначальная кладка XVII в. с замечательными много-

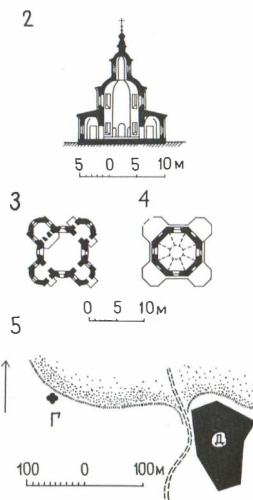
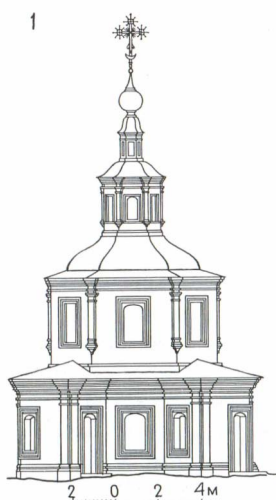
Церковь Никольская. Вид с южной стороны. Снимок выполнен в 1915 г. (Фото-тека МАСиА). План

Церковь Рождества Иоанна Предтечи в селе Пухово (построена в 1764 г.)

1 — юго-западный фасад; 2 — разрез; 3 — план нижнего яруса;

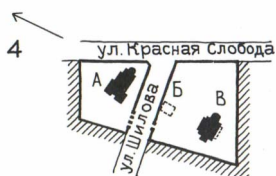
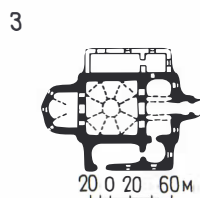
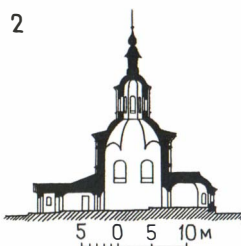
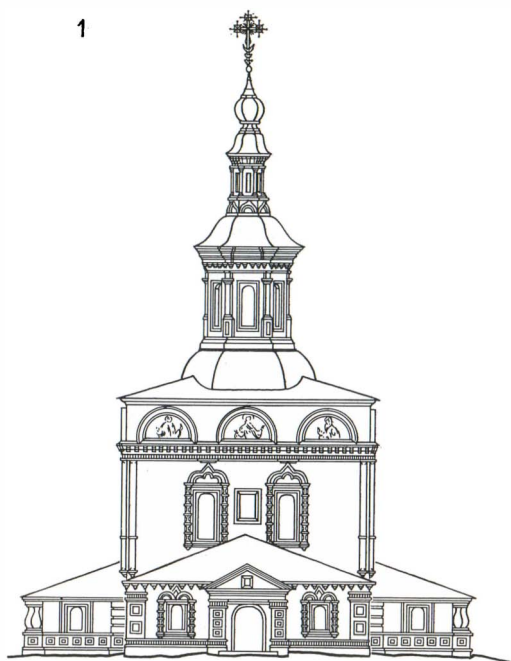
4 — план 2-го яруса; 5 — генеральный план; 2 — церковь Рождества Иоанна Предтечи; д — Троице-Гledenский монастырь

Церковь Георгиевская (построена в 1704 г.)

1 — западный фасад; 2 — разрез; 3 — план; 4 — генеральный план;

а — церковь Георгиевская; б — место колокольни; в — церковь Борисоглебская

цветными изразцовыми наличниками и с остатками великолепного кирпичного портала.

Таким образом, храмы соборного типа наглядно иллюстрируют общую эволюцию устюжского каменного зодчества, которое в этот ранний период своего развития прошло путь от тяготевшего к древним образцам, строгого и монументального Успенского собора к более сложным, но в то же время величественным и парадным, композициям монастырских соборов и, наконец, завершилось созданием Иоанновского и Прокопьевского храмов.

Эти памятники по своим размерам значительно уступали ранним образцам и подготовили переход к новому этапу в развитии устюжской архитектуры последней четверти XVII в., когда основным типом культового сооружения становится небольшой приходский храм, а прежнюю простоту и монументальность постепенно сменяет свойственная новому направлению нарядность и «изукрашенность». В это время устюжские зодчие обращаются к церкви Вознесения с ее живописной, асимметричной композицией и необычайным богатством декоративного убранства.

Один из наиболее характерных памятников устюжского культового зодчества конца XVII в. — летняя церковь Спасо-Преображения, по-

Церковь Сретенско-Преображенская. Вид с юго-восточной стороны. Вид с юго-западной стороны

строенная в 1696 г. на месте деревянного шатрового храма, который служил собором одноименного монастыря. В связи с этим новая каменная церковь первоначально также играла роль соборной и только после упразднения монастыря (1764 г.) была превращена в приходскую. По-видимому, именно в этом назначении храма и была заключена основная причина того, что его строители приняли за образец собор расположенного рядом Михайло-Архангельского монастыря. Так же, как и в Архангельском соборе, главный объем Спасо-Преображенской церкви имеет форму традиционного куба, перекрытого «по-полатному» и увенчанного пятиглавием. С трех сторон храм окружает галерея паперти, а на северо-западном углу здания в связи с центральным объемом расположена шатровая колокольня, весьма сходная по общей композиции и по пропорциям с колокольней Михайло-Архангельского монастыря. И вместе с тем Спасо-Преображенская церковь существенно отличается от своего прототипа, а сравнение этих памятников наглядно иллюстрирует те изменения, которые произошли в устюжской архитектуре за истекшие четыре десятилетия.

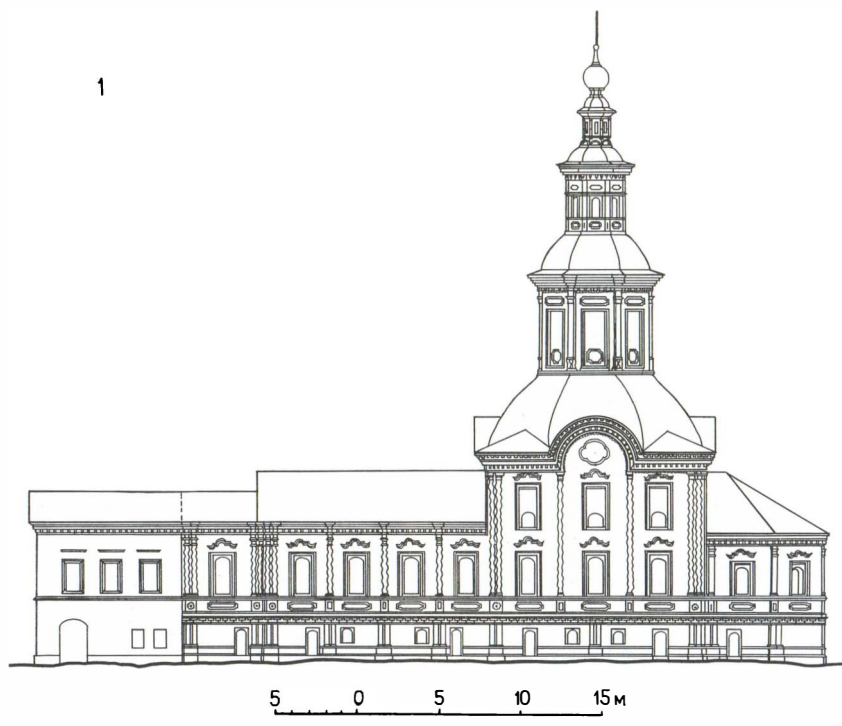
Основная особенность Спасо-Преображенской церкви заключена в принципиально отличной от Архангельского собора трактовке главного

Церковь Сретенско-Преображенская (построена в 1725—1739 гг.)

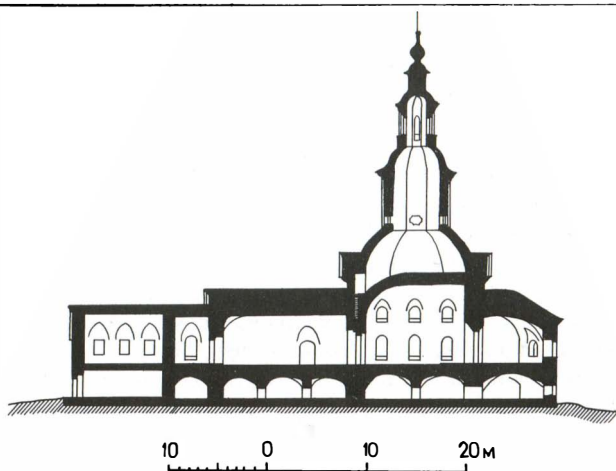
1 — южный фасад; 2 — разрез;
3 — план 2-го этажа; 4 — план 3-го яруса центрального объема;
5 — фрагмент фасада; 6 — гене-

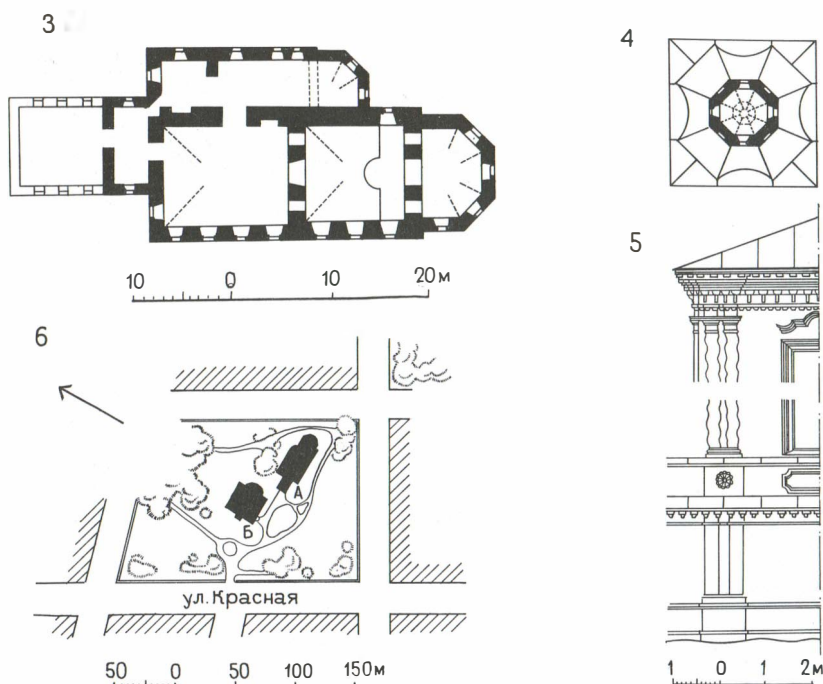
ральный план комплекса Преображенских церквей: А — церковь Сретенско-Преображенская; Б — церковь Спасо-Преображенская

1

2

объема, который — в соответствии с общей тенденцией развития русского зодчества XVII в. — освобожден от внутренних несущих столбов и перекрыт четырехлотковым сомкнутым сводом. Неизменным следствием такого конструктивного решения стала совершенно иная трактовка традиционного пятиглавия, которое здесь утратило свое первоначальное назначение, так как поставленные прямо на свод угловые барабаны из световых превратились в глухие объемы, играющие роль декоративных «символов». Существенным отличием Спасо-Преображенской церкви является также и то, что она не имеет подклета, а небольшие галереи придают всему сооружению значительно более интимный характер. Кроме того, эта церковь получила всего один (южный) придел, а северная ее пристройка отрезана от основной галереи четвериком колокольни и имеет вспомогательное, хозяйственное, значение. Так, отходя от тяготеющих к предыдущему столетию монументальных и симметричных композиций с двумя приделами и трехчастной галереей, Спасо-Преображенская церковь приобретает свойственные постройкам XVII в. свободу и асимметричность.

Храм этот отличается от своего прототипа значительно более бога-

Церковь Сергия Радонежского в селе Дымково. Вид с северо-восточной стороны

Церковь Иоанна Предтечи в Иоанно-Предтеченском монастыре. Вид с восточной стороны. Снимок выполнен в 1915 г. Фототека МАСиА

тыми формами декоративного убранства. Фасады центрального объема здесь расчленены уже не лопатками, а тонкими с перехватами полуколонками — спаренными в простенках и строенными на углах здания. Расположенный в основании традиционных трехчастных закомар карниз также получил здесь более сложную и развитую форму, обогащенную дополнительными профилями и завершающими колонки раскреповками. Особое место в композиции фасадов отведено наличникам окон с характерными для XVII в. трехлопастными профилированными завершениями и дробными «наборными» колонками. Венчающие основной объем храма глухие угловые барабаны по старой традиции имеют круглую форму и украшены аркатурно-колончатými поясами, а в основании этих барабанов, так же как и в основании центрального восьмерика, расположены декоративные кокошники.

Анализируя общие формы убранства этого памятника, нетрудно установить, что его строители свободно и творчески использовали тот «ассортимент» типично московских деталей, которые были столь богато представлены в церкви Вознесения. Однако, в отличие от этого образца, разнообразные «узорочья» применены здесь весьма умеренно и не затеяют глади стен. А в целом Спасо-Преображенский храм, несмотря на всю свою нарядность, сохранил ту общую монументальность, которую он унаследовал от своего основного прототипа — собора Михайло-Архангельского монастыря.

Особую роль в убранстве Спасо-Преображенской церкви играет многоцветная поливная керамика. Сплошной сверкающей лентой изразцы опоясывают поверху всю галерею; богатые и разнообразные изразцовые раппорты размещены в многочисленных ширинках; изразцами украшены карнизы основного объема храма и центрального барабана, а также наличники алтарных апсид. Кроме того, отдельные изразцы свободно и прихотливо скомпонованными вставками разбросаны по всему полю стены между закомарами. А если к тому же учесть, что первоначально главка колокольни также была покрыта поливной глазурованной черепицей, а, возможно, и сам шатер имел изразцовые украшения, то станет очевидной необычайная нарядность этого храма, который представляет собой один из интереснейших в древнерусском зодчестве примеров использования фасадной облицовочной керамики и ярко свидетельствует о блестящем расцвете этого вида устюжского прикладного искусства. К сожалению, в настоящее время богатое изразцовое убранство забеледно, в результате чего храм утратил свою изумительную многоцветность.

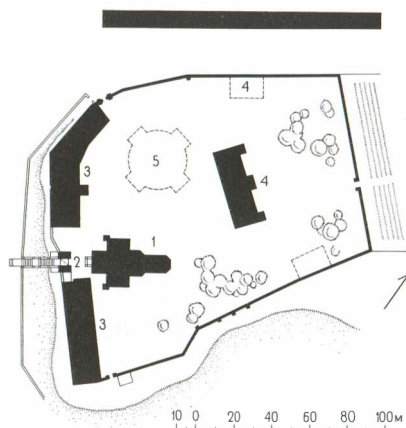
Характерным представителем рассмотренной группы устюжских храмов была также и **Сретенская церковь** Мироносицкого прихода, позднее значительно перестроенная и сохранившаяся лишь в деталях. Первый деревянный храм был сооружен здесь в 1446 г. в честь победы устюжан над подступившими к городу с этой стороны казанскими татарами и стал одним из наиболее ранних устюжских обетно-победных храмов-памятников, получивших величественную пятишатровую форму. Этим особым назначением храма, очевидно, и объясняется то, что построенное на его месте каменное здание (1690 г.) было очень парадно и повторяло композицию устюжских соборных храмов середины XVII в. с их кубическим пятиглавым центральным объемом, с расположенной на углу коло-

План Иоанно-Предтеченско-
го монастыря

1 — церковь Иоанна Предтечи;

2 — Святые ворота монастыря
с расположенной над ними ко-
локольней; 3 — келья; 4 — хозяй-

ственные постройки; 5 — место
строительства нового собора, сло-
женного в 1926 г.

кольней и с низкой галереей, которая, подобно ранним образцам, завершалась двумя симметричными приделами. Храм этот был обращен на Мироносицкую площадь своим восточным фасадом, поэтому в общей композиции сооружения такое важное значение приобрели его приделы, которые здесь особо выделены и получили сильно развитые трехчастные алтарные апсиды. Совместно с алтарем самого храма эти апсиды образовали девять полукружий, украшенных великолепными наличниками и придававших восточному фасаду храма особую пластичность, нарядность и индивидуальность.

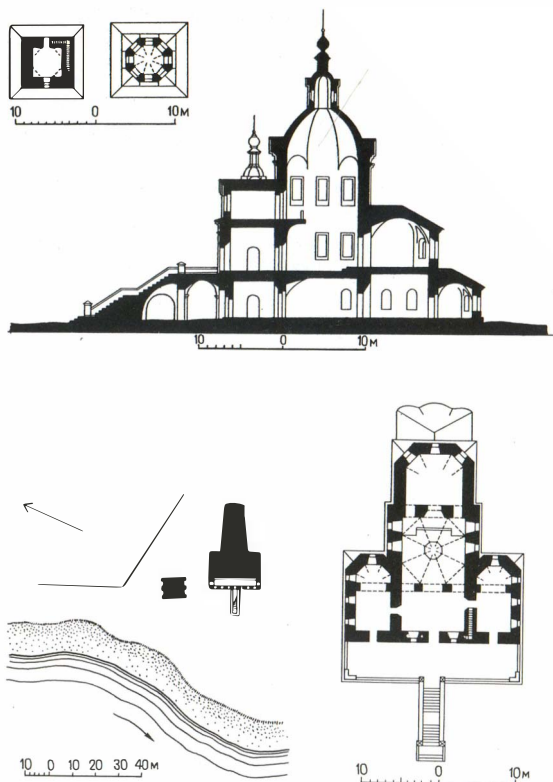
Как уже отмечалось выше, каменное строительство в Великом Устюге началось с возведения летних храмов. Длительное время при этих новых зданиях еще продолжали существовать старые деревянные зимние церкви, которые только в последней четверти XVII в. постепенно заменяются каменными сооружениями. При этом весьма характерно, что в отличие от холодных храмов, которые после реформы Никона неизменно получали каноническую пятиглавую форму, принципиально отличную от предшествовавших им старых шатровых композиций, теплые каменные церкви повторяли архитектурную тему, обычную для деревянных храмов этого типа. Так, например, зимние монастырские церкви — Введенская в Михайло-Архангельском монастыре (1653 г.) и Тихвинская в Троице-Гледенском монастыре (1659 г.) — по аналогии со старыми деревянными храмами были выполнены в виде кубических одноглавых объемов, поднятых на подклет и неразрывно связанных с трапезной, с келарской и с ведущими к собору переходами.

Но, пожалуй, самым характерным примером теплой устюжской церкви XVII в. служит церковь Власьевская (Богоявленская), построенная в 1689 г. на территории Соборного дворца на месте одноименного

*Церковь Симеона Столпника
(построена в 1725—1747 гг.)*

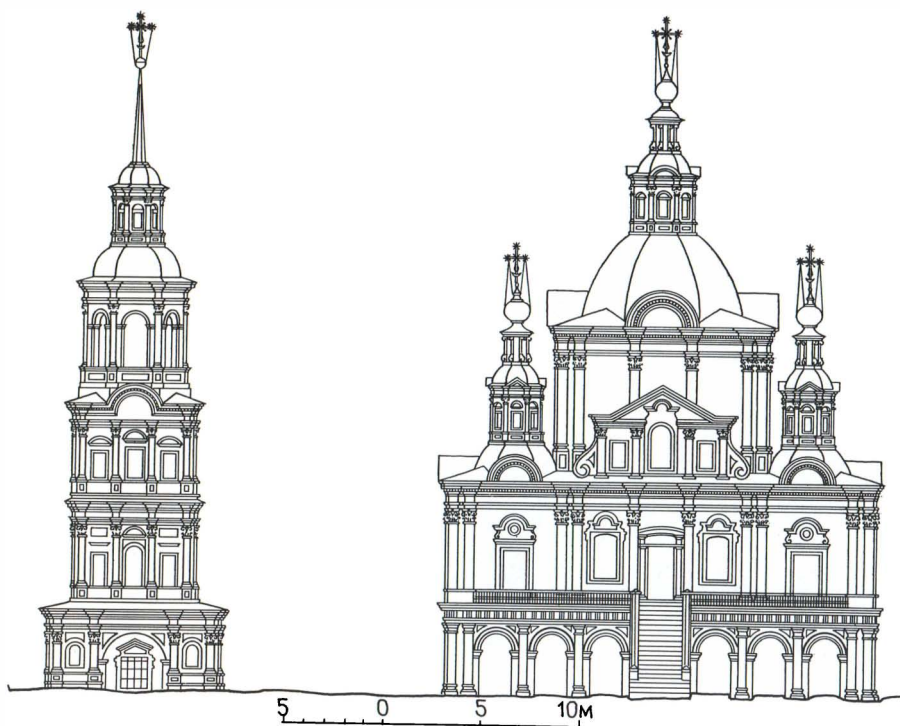
Разрез, план церкви, планы 2-го и
4-го ярусов колокольни, генераль-

ный план комплекса, фасад со сто-
роны Сухоны

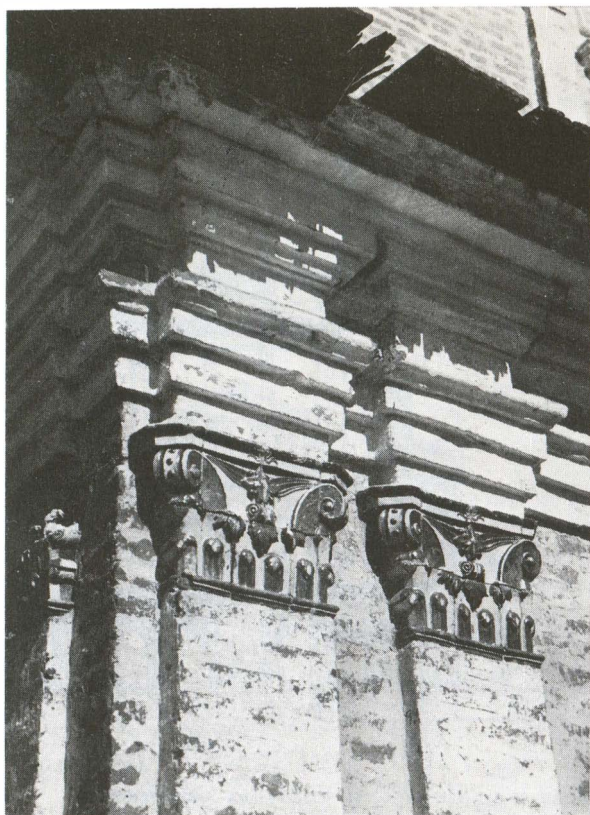
деревянного храма и в основном следовавшая его общей композиции. Так, центральный объем этой церкви, получивший форму перекрытого четырехскатной кровлей и увенчанного одной декоративной главкой куба, явно повторяет в камне форму обычного избяного сруба старой клетской церкви, а с запада и с востока к этому объему примыкают низкие пристройки трапезной и алтаря, также имитирующие древние деревянные прирубы. И в то же время эта скромная, но чрезвычайно интересная церковь является типичным каменным сооружением своего времени с такими неизменными элементами убранства, как декоративные кокошники, сочный кирпичный карниз, аркатурно-колончатый поясок барабана его единственной главки и, наконец, великолепные изразцовые наличники окон южного фасада.

Особое место среди всех устюжских памятников XVII в. принадлежит **Владимирской надвратной церкви** Михайло-Архангельского монастыря, которая была построена в 1682 г. на месте Святых ворот, издревле

игравших роль главного входа в монастырь, и замыкала перспективу Архангельской улицы. Первоначально эта церковь располагалась в створе со старыми деревянными монастырскими стенами, и только позднее (в XVIII—XIX вв.), в связи с расширением монастыря на запад и строительством новых каменных стен и ворот, она оказалась в глубине монастырской территории и постепенно утратила свое древнее назначение.

В общей композиции этого сооружения собственно церковь играет весьма скромную роль, а ее небольшой по размерам кубический бесстолпный объем увенчан всего одной главой и поднят на высокий, сильно развитый подклет. В этом подклете и размещены главные Святые ворота монастыря, трактованные в виде широкого, перекрытого коробовым сводом прохода с великолепным килевидным перспективным порталом, набранным из фигурных керамических элементов. В нижней части подклета расположена своеобразная лоджия, открытая тремя асимметричными арками, опирающимися на мощные и разнообразные по форме столбы, а над аркадой помещена крытая галерея паперти, связанная с церковью керамическим порталом с существовавшей здесь ранее

прекрасной деревянной резной дверью. Отсюда же можно попасть и в южную пристройку храма, так называемую «кладовую полатку». На галерею ведет высокая наружная лестница, которая пристроена к основному объему с северной стороны и служит главным входом в храм. В композиции этого сооружения общая симметрия построения объемов сочеталась со свободной асимметричностью отдельных элементов и деталей, в чем проявился один из наиболее характерных приемов древнерусского зодчества.

В декоративном убранстве Владимирской надвратной церкви применены типичные для XVII в. элементы, однако все они — начиная от декоративных кокошников, нарядных наличников и ширинчатого пояса и кончая прихотливо размещенными килевидными киотами для икон — выполнены своеобразно и обнаруживают руку выдающегося мастера-декоратора. Главная особенность убранства этого храма заключена

Церковь Алексеевская. Вид с юго-восточной стороны.

в необычайно сочной трактовке отдельных деталей, светотеневая игра которых придает наружным объемам сооружения особую нарядность и скульптурность. И в то же время в применении декоративных элементов здесь тонко соблюдено чувство меры, благодаря чему общая щедрость убранства не превращается в столь свойственную архитектуре XVII в. перегруженность.

Оценивая архитектуру этого небольшого, но необычайно целостного по своей художественной законченности храма, следует отметить, что он стоит особняком не только в истории устюжского, но и всего древнерусского зодчества и не имеет непосредственных аналогий, хотя в общей его композиции прослеживается типологическое сходство с надвратными храмами таких выдающихся ансамблей времени Ионы Сысоевича, как Ростовская митрополия и Ростовский Борисоглебский монастырь. Однако от всех этих крупных пятиглавых сооружений, неизменно флан-

кированных крепостными башнями, одноглавая Владимирская церковь отличается скромными размерами. Вместе с тем она обладает той особой монументальностью, которая составляет характерную черту лучших памятников устюжского зодчества XVII в. Кроме того, особенность этого храма заключена в своеобразном, четко прорисованном пирамидальном силуэте, обусловленном лучшими традициями народного деревянного зодчества, а также в гармоничной соразмерности всех его частей и изумительно ясном пропорциональном построении объемов, которое сразу угадывается даже неискушенным глазом. Так, обнаруживая хорошее знакомство с лучшими образцами своего времени, устюжские зодчие создали на их основе свой оригинальный вариант надвратного храма, свободно трактующего установившиеся композиционные приемы.

И, наконец, в заключение обзора каменных культовых сооружений Великого Устюга второй половины XVII в. полезно еще раз вернуться к самому древнему из них — к храму Вознесения для того, чтобы сравнить рассмотренные выше устюжские церкви с этим типичным для московской архитектуры середины столетия, живописным и «изукрашенным» храмом. В результате такого сопоставления особенно очевидной становится та свойственная всем местным памятникам относительная монументальность и сдержанность декоративного убранства, которая была обусловлена всем ходом развития устюжского зодчества и тесной связью его с творчеством простого народа, неизменно приносящего в архитектуру свое понятие красоты, основанное на характерной для народного мировоззрения мудрой и ясной простоте.

Прогрессивные хозяйственные и культурные преобразования начала XVIII в. получили яркое отображение в архитектуре и подготовили развитие нового стилистического направления, которое было обусловлено становлением рационалистических тенденций мировоззрения и складывалось на основе достижений русского зодчества предыдущей эпохи. Освобождаясь от старых церковных канонов, архитектура этого времени отходит от типичных для XVII в. сложных и «изукрашенных» композиций и в своем стремлении к четкости и ясности приобретает все более светский характер, гармонично сочетающийся с новыми чертами торжественности и парадности. Этот качественно новый этап развития архитектуры ярко иллюстрируют памятники обширной русской провинции и, в частности Великого Устюга, где напряженные творческие искания местных мастеров уже в 20—30-х годах XVIII в. завершились созданием нового типа храма, в формах которого проявилось новое понимание стиля в духе барокко начала XVIII в.

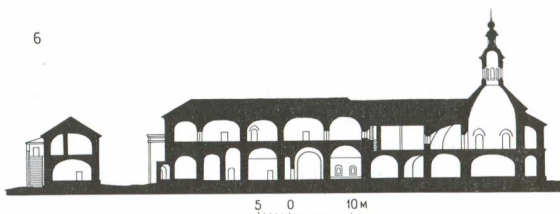
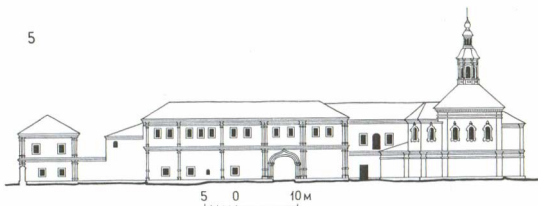
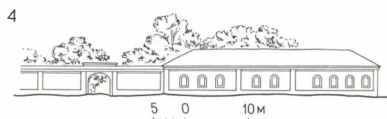
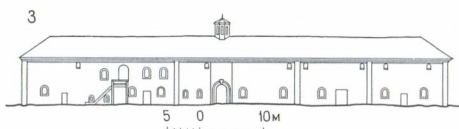
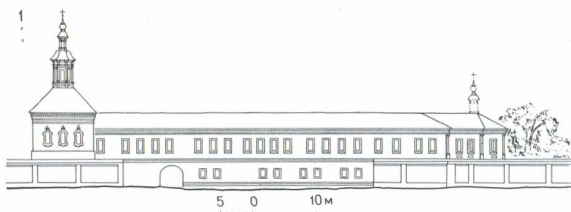
В это время устюжское каменное зодчество, некогда связанное общностью задач с архитектурой городов Северного Поволжья, постепенно отходит от выработанного в XVII в. кубического пятиглавого храма с галереей, колокольней и симметричными приделами (который для Ярославля, Углича, Ростова, Борисоглебска и других городов так и остался преобладающим) и обращается к архитектуре столицы, где на рубеже двух столетий шел бурный процесс создания нового типа

Архиерейский дом (построен в 1690 г.)

1 — Владычная палата; фасад со стороны реки Сухоны; 2 — повар-

ня; 3 — хозяйственный корпус; фасад со стороны Архиерейского дворища; 4 — хлебня; фасад со стороны Архиерейского дворища; 5 — Казенный приказ и церковь; фасад со стороны соборного комплекса; 6 — разрез здания Казенного приказа, церкви и хлебни

5 — Казенный приказ и церковь; фасад со стороны соборного комплекса; 6 — разрез здания Казенного приказа, церкви и хлебни

высотного, ярусного, центричного сооружения, ярче всего выраженного в композиции церкви Покрова в Филях. Однако в Великом Устюге не было социальной основы для развития подобных этому памятнику усадебных, вотчинных храмов с их величественным внешним обликом при крайне малой вместимости. Поэтому церкви типа филевской здесь не получили — и не могли получить — широкого распространения, хотя влияние их на общие формы устюжских культовых сооружений было весьма значительно. Из всех столичных храмов ближе всего к устюжским постройкам первой половины XVIII в. стоит церковь Ивана Воина на Якиманке, представляющая собой чрезвычайно интересный памятник, принадлежащий кругу Зарудного и высоко оцененный самим Баженовым. По своей композиции этот храм относится к типу так называемых трапезных церквей, где главный объем объединен с колокольней и трапезной, а общая симметрия построения архитектурных масс подчиняется явно выраженной продольной оси запад-восток.

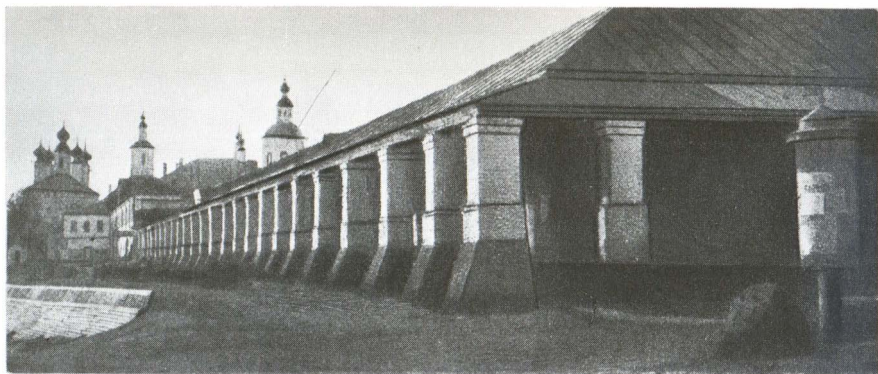
Именно этот тип храма и был принят за основу устюжскими зодчими XVIII в., причем определяющую роль здесь, очевидно, сыграло наличие трапезной, которая, в силу климатических особенностей, стала неотъемлемым и традиционным элементом всех северных храмов. Кроме того, по своей структуре храмы «трапезного» типа, рассчитанные на

вмещение значительных масс прихожан, были в известной степени демократичнее тесных вотчинных «нарышкинских» храмов и больше соответствовали общему укладу жизни устюжан. Вместе с тем следует отметить, что при явном типологическом сходстве устюжских храмов XVIII в. с этим образцом все столичные влияния здесь были творчески переработаны на основе местных художественных традиций, тесно связанных с особенностями народного деревянного зодчества и выраженных в наличии характерного для всех устюжских сооружений подклета, в своеобразной форме алтарных пристроек и в той особой пирамидальности силуэта, которая потенциально сохранена всеми памятниками местного зодчества и которая в храмах XVIII в. получила свое новое художественное выражение.

Образование новых архитектурных форм представляло собой процесс весьма сложный и длительный, поэтому особое значение для исследования основных путей развития устюжского зодчества XVIII в. приобретают храмы переходного типа, на примере которых можно наглядно проследить, как постепенно здесь вырабатывались новые конструктивные и художественные приемы.

Из сооружений этой группы самый ранний — Георгиевский летний храм, построенный в 1704 г. на месте деревянной церкви одноименного

прихода. По аналогии с установившейся схемой устюжского культового сооружения XVII в. в общей композиции этого храма еще господствует основной кубический бесстолпный объем, окруженный с трех сторон низкой галереей паперти и завершенный на востоке пониженной алтарной пристройкой. Общее декоративное убранство Георгиевского храма — с его традиционными закомарами-кокошниками, с сочными городчатыми карнизами, с фигурными наличниками, ширинками и кувшинообразными столбами пристройки — также тяготеет к XVII в. И тем не менее это сооружение существенно отличается от устюжских храмов предыдущего периода.

Основная особенность Георгиевской церкви заключена в принципиально новой трактовке ее завершающей части, где строители решительно отошли от канонического пятиглавия и, отказавшись от применения угловых барабанов, окончательно утративших к тому времени свое утилитарное значение, развили центральный световой барабан, который получил форму восьмерика и был завершен маленьким декоративным восьмериком, несущим главку. Так в устюжской каменной архитектуре было положено начало новым высотным ярусным композициям типа «восьмерик на четверике», ведущим происхождение от аналогичных форм древних деревянных храмов. Развитие центрального восьмерика вызвало утяжеление венчающей части храма и поставило перед строителями новые сложные конструктивные задачи, которые получили здесь решение, неоднократно применявшееся в более поздних храмах ярусного типа: главный четверик перекрыт восьмилотковым сомкнутым сводом, а в местах перехода этого свода к стенам четверика использована система угловых подпружных арок, разработанная ранее в конструкциях колоколен. Для уменьшения распора своду придана повышенная стрела подъема, в результате чего вся верхняя его часть оказалась выше кровли и в качестве основания центрального восьмерика активным элементом

вошла в общую композицию храма. Существенные новшества появляются и в плане Георгиевской церкви, где западная часть обходной галереи паперти, в отличие от ранних храмов, значительно выделена и явно преобладает над боковыми пристройками, превосходя их своими размерами и высотой. Этот прием, обусловленный общим процессом «обмирщения» культового зодчества, иллюстрирует раннюю ступень развития устойчивого храма «трапезного» типа, ставшего преобладающим в XVIII в.

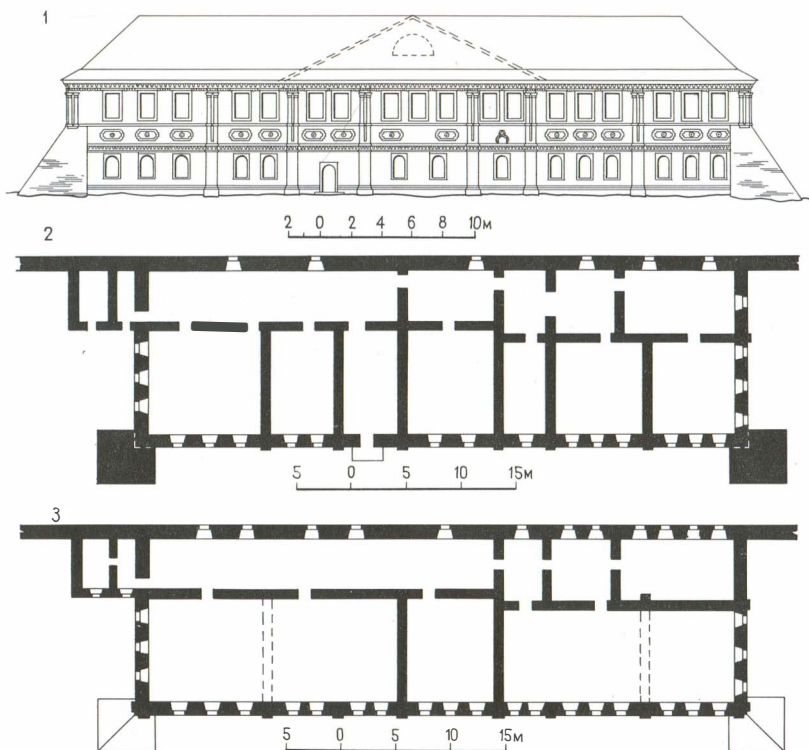
Дальнейшее развитие этот плановый прием получил в **Дмитриевской летней церкви**, которая была сооружена в селе Дымково в 1708 г. Здесь боковые галереи совсем отсутствуют, а пристроенная к главному кубическому объему с запада трапезная приобрела значительно большие размеры, чем трапезная Георгиевской церкви. К трапезной примкнула шатровая колокольня, по общему расположению, по композиции и по своим красивым пропорциям весьма близкая к колокольне Троице-Гледенского монастыря. Колокольня эта расположена над западным входом в храм, а ее нижний четверик прорезан мощными арками. В результате такой компоновки основных объемов Дмитриевская церковь приобрела характерные для культовых сооружений нового типа черты уравнищенности и симметрии при явном преобладании продольной оси всего здания.

Наряду с этими новшествами основной объем храма явно тяготеет к более ранним образцам: трактованный в виде обычного куба, перекрытого четырехлотовым сомкнутым сводом, он увенчан пятью традиционными главами на граненых барабанах, при этом фасады его сохраняют типичное для XVII в. трехчастное членение спаренными полуколонками. Как своеобразную особенность внешнего облика центрального объема этого храма следует отметить применение в его завершающей части двух рядов расположенных вразбежку декоративных закомар-кокошников. Впоследствии такой мотив был очень удачно использован при перестройке Прокопьевского собора (1724 г.), где в основном повторен общий ха-

Михайло-Архангельский мо-
настырь. Братские кельи.
Построены в 1736—1737 гг.

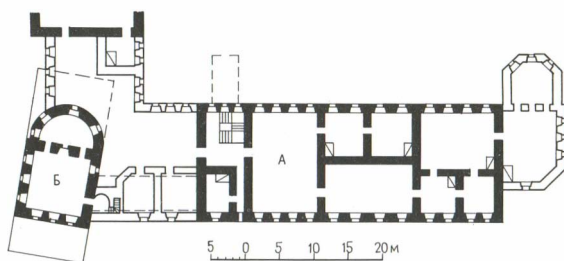
Фасад дан в примерной ре-
конструкции

1 — фасад; 2 — план первого
этажа; 3 — план второго этажа

рактир завершения Дмитриевской церкви. В результате эти храмы приобрели определенные черты сходства и, как бы переключаясь через реку, способствовали объединению застройки обоих ее берегов в единый и целостный ансамбль.

Декоративное убранство Дмитриевского храма в основном состоит из собственных XVII в. элементов и отличается пластическим богатством форм. Очень интересны здесь наличники окон, замечательные своим разнообразием. Прекрасно выполнена алтарная часть храма. Но особенно хороши великолепные перспективные порталы южного и западного входов, набранные из фигурных керамических деталей. Перед южным входом в храм несколько позднее было сооружено крыльцо на своеобразных столбах, сочетающих старую форму круглой «дыньки» с типичным для XVIII в. и ведущим начало от иконостасной «рези» мотивом витой колонки. Немалую роль в убранстве храма играют и многоцветные изразцы, примененные в карнизах главного объема и барабанов глав. Общую композицию Дмитриевской церкви дополняет расположенная над

ее алтарем и ориентированная на реку огромная икона, имеющая высоту более 5 м. Эта икона помещена в своеобразный киот, явно повторяющий форму древних деревянных покрытий типа «бочка».

И, наконец, третий и последний устюжский храм переходного типа — теплая **Мироносицкая церковь**, построенная в 1714 г. в одноименном приходе близ рассмотренного выше холодного храма XVII в. При сравнении плана этой церкви с планами более ранних культовых сооружений города бросаются в глаза значительно возросшие размеры трапезной, которая превосходит даже помещение самой церкви, при этом продольная ось здания получила особенно четкое выражение. Весьма существенно также и то, что здесь вновь возродился традиционный подклет, и хотя в этом подклете были размещены складские помещения, самое его применение уже предопределило собой композиции более поздних двухэтажных церквей. Кроме того, благодаря наличию подклета, трапезная приобрела еще более парадный облик, существенно отличающий ее от низких и скромных трапезных ранних храмов. Одновременно с разработкой этих приемов компоновки здания строители Мироносицкой церк-

ви продолжали поиски новых конструктивных решений. В этом отношении значительный интерес представляет принципиально отличная от предыдущих примеров трактовка сомкнутого свода главного помещения храма.

В связи с блестящим расцветом искусства резьбы иконостасов последние приобретают в XVIII в. все большее значение в интерьере храмов. Но поскольку сомкнутый свод своей кривизной ограничивал развитие иконостаса в высоту, постольку в Мироносицкой церкви и был разработан своеобразный однолотковый вариант такого свода, при этом стена, отделяющая основное помещение церкви от алтаря и служащая основой для иконостаса, выложена вся вертикально. Впоследствии своды такого типа нередко применялись для перекрытия как основных помещений устюжских храмов, так и их трапезных.

Однако так же, как и в других переходных храмах, все эти новшества здесь своеобразно сочетались со старыми формами. С запада в храм ведет высокое парадное крыльцо на ползучих арках, богато украшенное многоцветными изразцами, увенчанное в старину шатром и по своим формам явно тяготеющее к XVII в. Главный четверик храма опоясан мелкими декоративными кокошниками, которые здесь приобрели уже орнаментальный характер и знаменуют последнюю ступень развития некогда конструктивной закомары. Но особенно ярко эта связь с предыдущей эпохой отображена в общей трактовке венчающей части основного объема храма, завершенного каноническим пятиглавием, получившим здесь чисто декоративный характер, при этом все барабаны выполнены глухими и имеют круглую форму, украшенную старозаветными аркатурными поясами. И в то же время в общем убранстве Мироносицкой церкви наряду со старыми мотивами применены новые, не встречавшиеся ранее в устюжском зодчестве детали, к числу которых в первую очередь относятся своеобразные завершения наличников окон, выполненные в форме свойственных московскому барокко завитков, так называемых кудрей. Основная особенность этих деталей заключена в накладном характере их рельефа, который был обусловлен общим утонением стены, вызванным достижениями в области строительной техники, и принципиально отличал элементы убранства зданий XVIII в. от деталей XVII в., всегда заглубленных рельефом в толщу стены.

Новый период в развитии каменного зодчества Великого Устюга открывает **Никольская церковь**. Расположенная на берегу реки на территории старого торгового центра, церковь эта была основана приезжими торговцами «гостями» еще в 80-х годах XVII в., поэтому ее план приобрел свойственную тому времени асимметрию, а сама она стала называться «Гостинской». Однако строительство было завершено лишь в 20-х годах XVIII в., и в своем окончательном виде храм получил характерные черты культового сооружения нового типа, при этом в его формах наиболее полно отображены все те новшества, которые постепенно складывались в архитектуре переходных храмов.

Никольская церковь — самый ранний пример устюжского каменного двухэтажного храма, в котором старый подклет, игравший раньше чисто хозяйственную роль, был расширен и использован для размещения зимнего храма, тогда как легкий храм расположился на верхнем этаже.

Такой композиционный прием позволил совместить функции двух старых отдельно стоящих деревянных приходских церквей в одном сооружении и получил широкое применение в устюжском культовом зодчестве XVIII в.

В отличие от ранних образцов основной четверик Никольской церкви представляет собой высокий трехсветный объем, при этом верхний храм освещен двумя рядами больших прямоугольных окон. С запада к главному объему примыкает трапезная, а с востока — своеобразная алтарная пристройка, которая, по старой церковной традиции, запрещавшей устанавливать алтарь над алтарем, выполнена с уступом, что придает силуэту здания особую динамичность. Интересна здесь трехгранная форма верхнего алтаря, явно ведущая свое происхождение от алтарей деревянных храмов. По-новому трактовано и общее убранство фасадов, получивших четко выраженные горизонтальные членения, обусловленные применением классического ордера, который впервые в устюжском зодчестве использован здесь не в качестве декорации фасада, а как определенная тектоническая система работы стены. Завершение центрального объема однотипно с венчающей частью более ранней Георгиевской церкви и выполнено в виде двух восьмериков, из которых нижний (световой) установлен на восьмилотковый сомкнутый свод, возвышающийся над кровлей здания. В композиции центрального объема Никольского храма нашел воплощение столь характерный для рассматриваемого периода тип «восьмерик на четверике». При этом основной четверик, взятый без венчающей части храма, напоминает трехэтажное гражданское сооружение и тем самым свидетельствует о новых светских тенденциях в развитии устюжской архитектуры.

По старой традиции деревянного зодчества, колокольня Никольской церкви трактована отдельно стоящим объемом, который в своей нижней части, следуя композиционным приемам XVII в., получил формы стройного восьмигранного столпа, воздвигнутого на низком четверике основания. Однако арки звона здесь перекрыты уже не шатром, а сомкнутым сводом, на котором установлен второй меньший восьмерик, увенчанный шпилем. А в целом это сооружение представляет собой наиболее ранний и весьма характерный пример устюжской колокольни нового ярусного типа.

Но самым интересным и своего рода классическим произведением устюжского культового зодчества рассматриваемого периода считается теплая **Сретенско-Преображенская церковь** (1725—1739 гг.),⁶¹ построенная на месте старой деревянной церкви бывшего Спасского монастыря. Памятник этот замечателен тем, что он как бы подводит итог всем многолетним творческим исканиям местных зодчих и наиболее полно отображает ведущий тип устюжского храма XVIII в.

Все основные объемы Преображенской церкви — начиная от западного входа и сильно развитой трапезной и кончая алтарной частью — скомпонованы на одной продольной оси, а в целом это сооружение представляет широко распространенный в это время тип «трапезных» церквей. Только поздние пристройки, примкнувшие к зданию с севера и с запада, искажают его первоначально симметричную и уравновешенную композицию. Вместе с тем главный объем храма, представляющий собой

наиболее совершенную его часть, трактован в виде высокого четверика, увенчанного динамичным ярусным верхом из трех последовательно уменьшающихся восьмериков. Эта завершающая часть церкви была использована для размещения колокольни и, таким образом, в общей композиции центрального объема получил свое законченное художественное выражение тип храма «под колоколы», который появился здесь как отгосок аналогичных храмов московского барокко. Однако, сравнивая этот объем с постройками «нарышкинского» круга, необходимо отметить, что он близок к столичным образцам только по общей идее своей композиции, тогда как его архитектурные формы неизменно связаны с местными традициями народного деревянного зодчества. Той же связью с деревом объясняется своеобразная пятигранная форма алтаря Преображенской церкви и самая ее двухэтажность, обусловленная наличием традиционного подклета, который с самого начала использовался, очевидно, только в хозяйственных целях, и поэтому алтарь не получил здесь характерного для двухэтажных храмов сдвига. И, наконец, трактовка главного объема «под колоколы» избавила строителей Преображенской церкви от необходимости устройства самостоятельной колокольни, которая является обычной принадлежностью «трапезных» храмов и играет важную роль в облике основного прототипа этого сооружения — московской церкви Ивана Воина.

Так, в общей композиции Преображенского храма столичные формы церковей «трапезного» и «нарышкинского» типов прихотливо сочетались с местными художественными приемами. В этом и заключен основной «секрет» неповторимого своеобразия этого храма, который, будучи типичным примером русского культового сооружения XVIII в., в то же время ярко иллюстрирует основные особенности устюжской архитектурной школы рассматриваемого периода.

Расположение колокольни над основным помещением Преображенского храма поставило перед его строителями новые сложные конструктивные задачи, которые решены здесь путем устройства двойного перекрытия главного четверика. При этом верхняя часть основного восьмилоткового сомкнутого свода отрезана от внутреннего помещения церкви вторым сомкнутым сводом, получившим однолотковую форму со спрямленной восточной стеной. Аналогичный свод, впервые примененный устюжанами в Мироносицкой церкви, использован здесь также и для перекрытия трапезной. Венчающие здание световые восьмерики совместно с верхней частью свода храма образуют единое помещение колокольни, куда ведет расположенная в стене узкая лестница. Все ярусы главного объема храма покрыты прямо по сводам, что придает внешнему облику здания особую тектоническую убедительность и усиливает общее впечатление динамичности его основных масс.

В декоративном убранстве Сретенско-Преображенской церкви особая роль принадлежит типичным для московской архитектуры начала XVIII в. полукруглым фронтонам, которые завершают стены основного четверика. При этом богатый и сочный по своим формам венчающий карниз, огибая фронтоны, усиливает художественную законченность и пластическую выразительность фасадов храма. Этот мотив полукружия фасадов находит свое повторение также и в завершениях оконных на-

личников, получивших широко распространенную в столичном зодчестве того времени форму так называемых бровок, которые в данном примере трактованы очень своеобразно и явно перекликаются с фигурными наличниками местных храмов предыдущего столетия. И, наконец, совсем необычны здесь «витые» плоские пилястры, которые применены в качестве вертикальных членений основного объема и придают ему особую орнаментальность. По своему происхождению эти пилястры связаны с формами тонких витых колонок иконостасов, оказавших в XVIII в. большое влияние на развитие отдельных декоративных элементов зданий. Вместе с тем трактовка этого мотива здесь совершенно оригинальна и представляет собой чисто местный его вариант. Общее убранство храма довершают разнообразные филенки, рамки, лепные розетки и смягчающие углы восьмериков тонкие пилястры. А в целом наружная отделка фасадов Преображенской церкви, несмотря на столичные влияния, отмечена теми особыми местными чертами, которые гармонично сочетаются с оригинальной композицией храма и еще больше усугубляют его своеобразный, местный характер.

В общем развитии устюжского зодчества XVIII в. Сретенско-Преображенский и Никольский храмы сыграли исключительно важную роль, и за сравнительно короткий срок здесь было построено много церквей подобного типа: Рождественская (1716—1729 гг.), Пятницкая-старая (1720 г.); Петропавловская (1738—1739 гг.), Ильинская (1736 г.), Леонтьевская (1738—1742 гг.), Сергия Радонежского в Дымково (1739—1748 гг.), Тихвинская в с. Богородском (1761 г.) и др. Причем тип этот оказался настолько устойчивым, что применялся устюжанами даже в XIX в. (церковь Иоанна Богослова, 1814 г.). Все эти храмы в основном повторяли характерную для рассмотренных сооружений компоновку объемов, по-разному варьируя их пропорциональное построение и общий характер декоративного убранства, в формах которого новые детали свободно сочетались с традиционными приемами и с отдельными элементами XVII в.

Наряду со строительством храмов рассмотренного типа устюжане продолжали упорные поиски новых художественных форм и в этом отношении большой интерес представляет чрезвычайно оригинальный, но, к сожалению, не сохранившийся до нашего времени главный храм **Иоанно-Предтеченского монастыря**. Строительство этого сооружения началось еще в конце XVII в., однако закончено оно было не раньше 20—30-х годов XVIII в., о чем свидетельствуют типичные для того времени полукруглые фронтоны фасадов главного объема, общий характер венчающего карниза, а также завершения самого храма и его приделов, выполненные в виде двухъярусных восьмериков. В истории устюжского каменного зодчества храму этому принадлежит совершенно особое место благодаря необычной форме его главного объема, выполненного в виде обширного, идущего прямо от земли восьмерика, несомненно повторяющего в камне форму древнейших рубленых «округло» деревянных храмов. Храм этот имел два этажа с неизменным сдвигом пятигранных алтарных пристроек, а к его главному объему, по установившейся традиции, была пристроена трапезная. Однако общая композиция этого сооружения также была весьма оригинальна: симметрично расположенные два тради-

ционные придела в отличие от подобных композиций XVII в. разместились здесь не с востока, а с запада и, примкнув к трапезной, фланкировали обращенный в сторону города главный фасад храма.

Исключительно интересную трактовку этот композиционный прием получил в церкви Симеона Столпника (1765 г.), где он был обусловлен стремлением обогатить ориентированный на реку западный фасад храма. Симметрично расположенные и выдвинутые на передний план приделы определили общую трехчастную композицию этого фасада с его ясно выраженной центричностью. Между этими приделами расположен сравнительно небольшой объем трапезной, над которой поместились вновь возродившиеся хоры, открытые внутрь храма большими проемами и завершенные на фасаде фронтоном с типично барочными волютами. В старину общую парадность и торжественность западного фасада храма еще больше усиливало обращенное к реке открытое гульбище на могучих арках с расположенной по оси здания широкой лестницей. К сожалению, во время одного из наводнений это гульбище сильно пострадало и в XIX в. было заменено новой террасой, плохо увязанной с общим характером сооружения и оставшейся недостроенной.

Однако, несмотря на такое необычное построение западного фасада, общая композиция Симеоновского храма в основном следует установившемуся типу устюжских культовых сооружений XVIII в. Храм имеет два этажа, а к его высокому, расчлененному по горизонтали и перекрытому восьмилотковым сомкнутым сводом главному четверику примыкает алтарная пристройка, выполненная со сдвигом. При этом над полукруглыми апсидами нижней зимней церкви возвышается алтарь верхнего летнего храма, повторяющий формы трехгранного прируба. Стены четвериков основного объема и обоих приделов завершены полукруглыми фронтонами, покрыты по сводам и увенчаны двухъярусными восьмериками. Основной темой обработки фасадов здания служит классический ордер, трактованный аналогично ордеру Никольского храма, однако получивший здесь более сложные и обогащенные формы, которые гармонично сочетаются с фигурными рамками и типично барочными наличниками окон. Среди различных элементов декоративного убранства этого храма особого внимания заслуживают замечательные многоцветные керамические капители, придающие всему сооружению исключительную нарядность и цветовую насыщенность.

Близ северо-западного угла Симеоновской церкви расположена отдельно стоящая ярусная колокольня, фасады которой решены в ордере и в основном повторяют мотивы декоративного убранства самого храма, включая и замечательные изразцовые капители пилястр. Нижние четвериковые ярусы этой колокольни завершены двумя восьмериками, и все это сооружение увенчано высоким, типичным для XVIII в. шпилем. А в целом Симеоновский храм вместе с его колокольней отличается большой художественной законченностью форм, красивыми пропорциями и подлинным совершенством исполнения, что позволяет поставить этот сравнительно поздний памятник в один ряд с лучшими произведениями устюжской школы зодчества XVIII в.

И, наконец, совершенно особое место в истории устюжской архитектуры занимает скромная, но очень своеобразная церковь Рождества

Иоанна Предтечи, которая была сооружена в 1764 г. близ Троице-Гледенского монастыря в бывшем селе Пухово взамен старой деревянной часовни, построенной некогда на месте рождения популярного местного юродивого Иоанна. Такое назначение не требовало от здания большой вместимости, что позволило его строителям отказаться от установившегося местного типа храма и принять за основу строго центрированную ярусную композицию из трёх последовательно уменьшающихся восьмериков. К главному объёму храма по странам света были пристроены три входных тамбура, совершенно идентичных с его восточной алтарной частью и завершённых подобием полукруглых апсид, благодаря чему храм получил крещатый план, весьма близкий по форме к широко распространённому в XVIII в. так называемому лепестковому плану. Таким образом, это сооружение стало своеобразным и единственным устюжским вариантом ярусных храмов центрического типа, которые на рубеже XVII и XVIII вв. становятся преобладающими в архитектуре Москвы и Подмосковья.

Одновременно с возведением самостоятельных летних и спаренных (по своему назначению) двухэтажных храмов в городе продолжалось строительство скромных одноэтажных зимних церквей, наиболее ярко представленных **Борисоглебской церковью** Георгиевского прихода. Храмы этой группы очень мало эволюционировали и в основном сохранили свойственные XVII в. принципы компоновки объёмов, которые сочетались теперь с новой системой венчания главного объёма и с типичными для того времени формами убранства.

В заключение следует отметить, что в настоящий раздел вошли далеко не все храмы города. Однако рассмотренными примерами в основном исчерпываются типологические особенности устюжского культового зодчества XVII—XVIII вв. При этом наибольшее распространение здесь получили две фактически типовые схемы: для XVII в. это был кубический пятиглавый храм с приделами, колокольной и обходной галереей, тогда как в XVIII в. его сменяет новый тип здания с четко выраженной продольной осью, с развитой трапезной и с ярусным завершением главного четверика. Но, несмотря на ограниченное число типов, устюжские церкви очень разнообразны и лишены шаблона, так как основные типологические схемы здесь бесконечно варьировались в процессе конкретного их применения, при этом каждый храм получал свою индивидуальную трактовку. И в то же время принципиальное сходство основных композиционных приемов объёмно-пространственного построения храмов и единый стилиевой характер декоративного убранства придавали культовым сооружениям Великого Устюга художественную целостность.

Во второй половине XVIII и особенно в XIX в. в связи с характерной для этого времени общей тенденцией преобладания гражданской архитектуры над церковной последняя постепенно угасает. В Великом Устюге этот общий для русской художественной культуры процесс был усилен экономическим упадком города, в результате чего немногочисленные местные храмы позднего времени — Стефановский кладбищенский, Митрофановский тюремный, Варлаамовский в Городище, Пятницкий новый — по своей художественной ценности намного уступают памятникам предыдущей эпохи.

Таким образом, период расцвета устюжского культового каменного зодчества продолжался примерно с середины XVII в. и до середины XVIII в. и захватил немногим более ста лет. В это время здесь было создано большое количество замечательных памятников, свидетельствующих о том, что в рассматриваемый период в Великом Устюге работала группа талантливых местных зодчих-новаторов, творчество которых было отмечено напряженными исканиями и крупными достижениями, подтверждающими наличие самостоятельной устюжской архитектурной школы с ярко выраженными местными художественно-стилевыми традициями.

Памятники жилой и гражданской архитектуры XVII—XIX вв.

Памятники гражданского зодчества в Великом Устюге представлены намного скромнее, чем культовые сооружения, которые значительно раньше начали переводиться в камень, тогда как для жилых, общественных и хозяйственных построек дерево всегда продолжало оставаться здесь материалом преобладающим. Вместе с тем отдельные гражданские каменные здания, несмотря на свою немногочисленность, представляют большой интерес и занимают почетное место в ряду аналогичных произведений древнерусского зодчества рассматриваемого периода.

Древнейшее гражданское каменное сооружение Великого Устюга — трапезная **Михайло-Архангельского монастыря** — было построено одновременно с собором (1653 г.) и стало характерным представителем одностолпных каменных палат, повсеместно получивших широкое распространение в монастырском и кремлевском строительстве XV—XVII вв. Наследуя общую композицию предшествовавшего ей деревянного сооружения, трапезная эта была поднята на высокий подклет, благодаря чему все здание превратилось в двухэтажное. Главное помещение этого здания — собственно трапезная — размещается во втором этаже и представляет собой обширный (площадью около 250 м²), квадратный в плане зал. Подобно Грановитой палате Московского Кремля и Белой палате Ростовского кремля, зал этот перекрыт системой взаимно перекрещивающихся цилиндрических сводов, которые опираются на один центральный столб. К трапезной палате, выполнявшей прежде роль общей монастырской столовой, примыкают келарская и теплая церковь Введения, а нижний этаж использован для различных хозяйственных и подсобных помещений.

Необычайно выразительный внешний облик здания трапезной отличается предельной простотой, монументальностью и лаконизмом своих форм, явно тяготеющих к ранним образцам древнерусского каменного зодчества. Суровая гладь стен прорезана редко расставленными, глубокими арочными нишами окон, лишенных какого-либо убранства. В вертикальных членениях фасадов применены плоские лопатки, которые располагаются на углах здания и в местах примыкания внутренних стен к наружным, являясь своеобразным пересказом в камне древних принципов рубки «в обло». По горизонтали весь объем сооружения расчленен междуэтажной тягой, профиль которой находит свое повторение в про-

филе карниза асимметричного треугольника фронтона главного фасада. И только расположенный по оси этого фронтона киот общими формами своего наличника свидетельствует о принадлежности здания к XVII в.

На уровне второго этажа трапезная связана с собором крытыми каменными переходами. По своему композиционному замыслу сооружения подобного типа восходят к глубокой древности, к замечательным дворцовым и монастырским ансамблям Владимиро-Суздальской Руси времен Андрея Боголюбского и Всеволода III, а их первоначальные образцы следует искать в живописных композициях рубленых деревянных хором с неизменными крыльцами, гульбищами и переходами, особенно типичными для северного зодчества. Однако самые близкие аналогии с этим замечательным комплексом гражданских сооружений Михайло-Архангельского монастыря обнаруживаются в ансамблях строительства Ионы Сысоевича, и особенно в Ростовской митрополии, где подобными переходами связаны не только церкви и палаты, но также различные терема, террасы и службы.

Основным элементом переходов служит освещенная двусторонними арочными окнами галерея, которая покоится на монументальной аркаде, открытой прежде широкими проемами. На галерею ведут два торжественно раскинутых крыльца, простые столбы которых гармонично сочетаются со строгими объемами трапезной и собора. Главным мотивом убранства переходов служит ширинчатый пояс, композиционно увязанный с аналогичными вставками, украшающими столбы и парапеты крылец. Завершает это сооружение простейший кирпичный карниз, а все его арочные проемы, включая и ползучие арки входов, обработаны полукруглым валиком, образующим над боковыми проемами крылец своеобразное подобие килевидных наличников. А в целом переходы Михайло-Архангельского монастыря представляют собой исключительно живописную композицию и являются едва ли не лучшей частью всего ансамбля. Сооружение это сравнительно хорошо сохранилось, и только растесанные окна галереи да две заложенные нижние арки искажают его первоначальный облик.

Время строительства переходов неизвестно, а установившееся в литературе мнение о том, что они были возведены одновременно с собором и трапезной, не подтверждается стилистическим анализом элементов декоративного убранства. Так, детали переходов, несмотря на всю свою сдержанность, выполнены в типичных для XVII в. формах и существенно отличаются от сурового лаконизма трапезной и от несколько примитивной трактовки деталей собора. Особенно показательны в этом отношении ширинки переходов, украшенные рельефными керамическими плитками и весьма близкие по форме к ширинчатым поясам Владимирской надвратной церкви и колокольни Успенского собора. Такое сравнение позволяет предполагать, что переходы были построены несколько позже основных сооружений ансамбля, очевидно в 70—80-е годы XVII в., при этом весьма вероятно, что первоначально на их месте между собором и трапезной существовали аналогичные деревянные переходы.

Трапезная палата Троице-Гледенского монастыря была построена в 1659 г. и стала вторым по времени возникновения каменным гражданским сооружением города. По своей общей композиции это здание весь-

ма сходно с трапезной Михайло-Архангельского монастыря: главное помещение собственно трапезной также расположено здесь в верхнем этаже двухэтажного сооружения и объединено с зимней церковью; в нижнем этаже-подклете находятся различные вспомогательные и хозяйственные помещения; фасады почти лишены элементов декоративного убранства и отличаются большой простотой и строгостью. Кроме того, общее сходство этих комплексов усиливали переходы, соединявшие некогда трапезную с Троицким собором, но не сохранившиеся до нашего времени. И вместе с тем трапезная Троице-Гледенского монастыря уступает своему образцу в размерах и в значительной степени утрачивает присущую ему общую суровость и монументальность, представляя собой более скромный вариант здания этого типа.

Одним из крупнейших устюжских гражданских сооружений раннего периода был **Архиерейский дом**, построенный по указанию епископа Александра в 1690 г. на берегу Сухоны к югу от Успенского собора.

Самые ранние сведения об этом комплексе содержат составленные в 1701 г. переписные книги устюжского Архиерейского дома. По описанию авторов этих книг, Архиерейское подворье на рубеже XVII и XVIII вв. представляется обширным и сложным ансамблем, в состав которого входили несколько корпусов и разнообразные службы, по древней традиции связанные между собой сенями и переходами. Комплекс этот имел в окружности 0,5 км и занимал площадь 1,3 га, а его территория приобрела конфигурацию, близкую по форме к вытянутому вдоль реки правильному прямоугольнику. По всему периметру Архиерейское подворье было обнесено кирпичной стеной, в которой расположились четыре въезда.

По своей планировочной организации устюжское Архиерейское подворье с его периметрально расположенными сооружениями и свободной от застройки серединой, занятой обширным садом, явно повторяло композиционные приемы, разработанные ростовскими градостроителями и наиболее ярко выраженные в ансамбле Ростовского кремля, где главный Успенский собор, так же как и в устюжском ансамбле, находится вне пределов резиденции духовенства и связан с последней северными Святыми воротами, а многочисленные и разнообразные корпуса ансамбля объединены живописными переходами. И хотя устюжское Архиерейское дворце представляло собой значительно более скромный вариант ансамбля подобного типа, принципиальное сходство композиционного построения этих комплексов совершенно очевидно и свидетельствует о тесных культурных связях Устюга с Ростовом.

Главным сооружением Архиерейского дома служил обращенный к Сухоне трехэтажный корпус Владычной палаты, где находилась приемная зала устюжских епископов, известная под названием Крестовой кельи. К юго-восточной части этого корпуса в 1823 г. была пристроена Спасская церковь, ведущая свое начало от одноименной деревянной церкви, располагавшейся некогда над Спасскими воротами Городища. С северо-запада Владычная палата была связана деревянными переходами с домовою архиерейской церковью, которая размещалась во втором этаже, надстроенном в конце XVII в. над отдельно стоящим теплым Алексеевским храмом. С востока к этой церкви примкнул двухэтажный

каменный корпус казенного Архиерейского приказа с различными кладовыми. В первом этаже этого корпуса находились главные Святые ворота, ведущие с территории Архиерейского подворья на Соборную площадь. Следующие два корпуса были обращены своими фасадами на Успенскую улицу: в одном из них помещалась хлебня, другой имел чисто хозяйственное назначение. Крайнюю южную часть комплекса занимали низкие одноэтажные сооружения, в которых были размещены поварня, различные кладовые, винные «магазейны» и амбары. Центральная часть внутреннего пространства участка была отведена под архиерейский сад и огород, при которых располагался погреб с ледником.

К сожалению, ансамбль Архиерейского подворья сильно пострадал от пожаров и неоднократных поздних переделок, в результате чего он почти полностью утратил свой первоначальный облик. Однако сохранившиеся до нашего времени обмерные чертежи, выполненные архитектором Соколовым в 1834 г. с целью реконструкции Архиерейского дома под здание Присутственных мест, позволяют проанализировать основные принципы планировочной и объемно-пространственной структуры отдельных его построек.

Уже при первом взгляде на план этого комплекса становится очевидным, что общие формы его сооружений складывались под непосредственным воздействием деревянного зодчества. И эта параллельность путей развития деревянной и каменной архитектуры в данном случае особенно понятна, так как строителями каменных сооружений Архиерейского дома были вчерашние плотники, а сам этот комплекс возведен на месте живописных рубленых хором старого Владычного двора и явно наследовал его приемы, основанные на разнообразной компоновке простейшей рубленой клетки.

Такой прием свободной компоновки помещений, разделенных капитальными стенами и перекрытых самостоятельными сводами, наглядно представлен в структуре главного здания Архиерейского дома — Владычной палаты. Здание это претерпело множество поздних переделок и уже на чертежах Соколова показано в сильно измененном виде, а его первоначальный облик помогают восстановить данные переписных книг 1701 г., авторы которых сообщают, что по аналогии со старыми деревянными хорами нижний подклетный этаж Владычной палаты был отведен под вспомогательные, хозяйственные помещения, кладовые и «полатки», тогда как во втором этаже располагались все парадные комнаты. Среди этих комнат так называемая Крестовая келья играла роль главной приемной залы с расположенным здесь центрально «архиерейским местом», а «кельи» Средняя и Задняя служили для бытовых нужд устюжских епископов (опочивальня, гардеробная и пр.). От помещений нижнего этажа эти комнаты отличались своими значительными размерами и, по-видимому, были перекрыты деревом. Над парадным вторым этажом в старину был надстроен третий деревянный жилой этаж «в пять келий». Общую композицию Владычной палаты дополняло открытое гульбище «все дощаное в косяк», расположенное над сенями Крестовой залы. С территории Архиерейского дворища к этим сеням вел самостоятельный парадный вход, рундучное крыльцо которого было увенчано двумя декоративными шат-

риками. И, наконец, весь корпус перекрывала «по-полатному» единая высокая тесовая кровля, формы которой гармонично сочетались и с побеленной гладью кирпичных стен, и с разнообразными деревянными элементами этого живописного сооружения.

Большой интерес представляют второстепенные сооружения ансамбля — хозяйственный корпус и хлебня, в которых отмеченные выше принципы выражены особенно наглядно. Планировочную основу этих сооружений образуют отдельные, примерно одинаковые помещения, близкие в плане к квадрату, составленные в один ряд и объединенные между собою холодными сенями, к которым в старину вели наружные лестницы, расположенные вне пределов здания. Каждое из этих помещений отделялось от соседнего капитальными стенами и имело самостоятельное перекрытие в виде цилиндрического или коробового свода, нередко приобретающего одно- или двухлотковую форму. Места примыкания внутренних стен к наружным, так же как и при рубке с остатком, отмечены на фасаде вертикальными членениями. В хозяйственном корпусе эти членения были трактованы в виде простейших плоских лопаток, которые составляли единственное убранство гладких стен, прорезанных редко расставленными маленькими окнами, а в целом этот несохранившийся до наших дней корпус представлял собой чрезвычайно интересный пример древнейшей устюжской каменной постройки хозяйственного назначения. В отличие от предельной простоты внешнего облика этого здания фасады хлебни и Казначейского корпуса были опоясаны междуэтажной тягой, а их вертикальные членения приобрели формы типичных для XVII в. тонких трехчетвертных колонок, спаренных на углах зданий. Кроме того, обращенный к Успенскому собору фасад Казначейского корпуса был дополнительно украшен сохранившимся до нашего времени килевидным перспективным порталом арки Святых ворот.

Так, уже в этих ранних памятниках XVII в. определились общие принципы планировочной и объемно-пространственной композиции устюжских каменных гражданских сооружений. При этом весьма существенно, что принципы эти, основанные на древних традициях деревянного зодчества, были здесь весьма устойчивы, а устюжские мастера неизменно следовали им и в значительно более поздние строительные периоды.

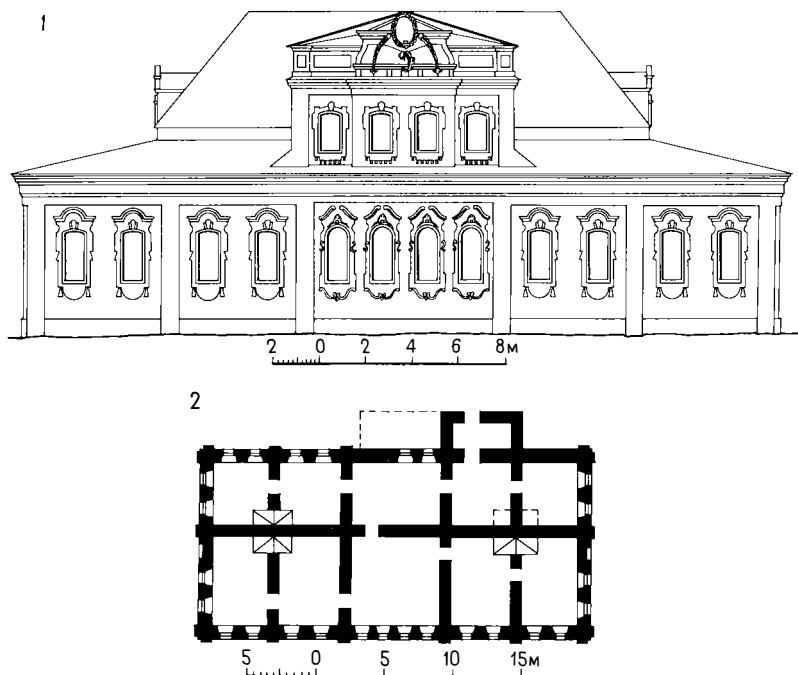
Общий характер устюжского гражданского каменного зодчества первой половины XVIII в. ярко иллюстрирует корпус **братских келий Михайло-Архангельского монастыря** (1736—1737 гг.). По аналогии с подобными сооружениями многих русских монастырей корпус этот расположен периметрально, вдоль монастырской стены и ориентирован своим главным фасадом внутрь монастыря. В плане он имеет форму протяженного прямоугольника, составленного из отдельных келий, которые объединены общими сенями и обращены своими окнами на главный фасад. Фасады здания расчленены лопатками, соответствующими внутренним капитальным стенам. Таким образом, по общей своей структуре корпус братских келий явно тяготеет к устюжским гражданским сооружениям XVII в. и в то же время он существенно отличается от этих последних.

Главная особенность здания заключена в ином характере его декоративного убранства: простые лопатки нижнего этажа в верхнем этаже переходят в спаренные пилястры, имеющие базы и капители и трактованные уже в виде ордера; прежнюю скромную междуэтажную тягу здесь заменяет украшенный кирпичными «городками» карниз, который, совместно с подоконным профилем и с фигурными вставками, образует богатый декоративный пояс; общее убранство корпуса дополняют прямоугольные наличники окон верхнего этажа и, наконец, все здание венчает сочный городчатый карниз, исключительно пластичный и богатый по форме. Из различных элементов декоративного убранства этого здания особо следует отметить подоконные вставки в виде крупных розеток, заключенных в фигурные рамки. Вставки эти выполнены из неполивной керамики (терракоты) и вначале сохраняли свой естественный цвет красной обожженной глины, а их контрастное сочетание с побеленными стенами и с окружающей сочной зеленой выгладело очень эффектно и придавало всему сооружению особую декоративность и нарядность. По своему общему характеру отдельные детали корпуса братских келий весьма близки к элементам убранства устюжских культовых сооружений XVIII в. и как бы перекликаются с ними, создавая стилевое единство гражданской и церковной архитектуры города. В настоящее время здание это сравнительно хорошо сохранилось, и только растесанные окна, «ампирный» треугольный фронтон и поздние угловые пилоны искажают его первоначальный облик.

Одноэтажный больничный корпус с церковью Всех Святых был сооружен в Михайло-Архангельском монастыре с 1695 г. Однако уже в 1734—1735 гг. это здание подверглось коренной реконструкции и над старыми больничными палатами был надстроен второй этаж, где разместились настоятельные кельи, связанные переходами с Архангельским собором. К сожалению, и это здание подверглось неоднократным поздним переделкам, и сейчас только отдельные сохранившиеся детали свидетельствуют о том, что первоначально оно представляло собой очень интересную композицию, общими формами убранства весьма сходную с расположенным рядом корпусом братских келий.

В течение второй половины XVIII в. в городе было построено значительное число различных каменных гражданских зданий: почта, богадельня, воспитательный дом, провинциальная канцелярия, банковская контора, семинария и др. Однако все эти сооружения либо не сохранились до наших дней, либо искажены поздними переделками до неузнаваемости, и поэтому судить об их первоначальном облике сейчас чрезвычайно трудно.

Перечень общественных зданий Великого Устюга завершает монументальный корпус городских торговых рядов, построенных в 1817—1819 гг. В соответствии с утвержденным планом города, торговые ряды были возведены на самом берегу Сухоны близ Соборного и Архиерейского комплексов и заняли целый квартал. В центре этого сооружения расположился открытый квадратный двор, окруженный разнообразными торговыми помещениями, общее число которых равнялось 170. Фасады этого несохранившегося до наших дней здания были оформлены торжественной колоннадой, а в целом торговые

ряды представляли собой одно из наиболее интересных поздних сооружений города.

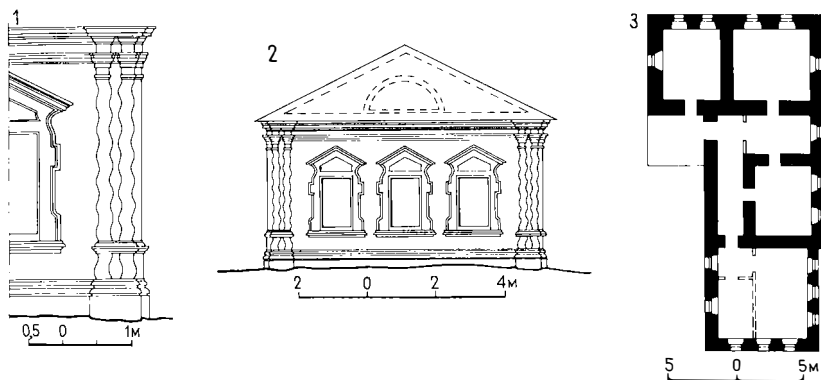
Весьма своеобразно решались здесь и различные вспомогательные каменные сооружения — «службы», которые составляли неотъемлемую часть монастырских, приходских, жилых и общественных комплексов. Основная особенность всех этих построек заключалась в органичном сочетании их утилитарного назначения с подлинно художественным совершенством форм, в результате чего они входили активным слагаемым в общий архитектурный ансамбль города.

* *
*

Значительно полнее представлена в Великом Устюге архитектура каменных жилых зданий, ведущих свое начало примерно с середины XVIII в. Жилища более раннего периода здесь не сохранились, так как все они были выстроены из дерева. Деревянное жильё в старину считалось более здоровым, а наши предки, возводя каменные культовые и общественные здания, продолжали жить в деревянных, и только

Дом Кузнецова

1 — фрагмент фасада; 2 — фасад на улицу Красную; 3 — план

после участвовавших в XVIII в. городских пожаров здесь начинают строиться первые каменные жилища.

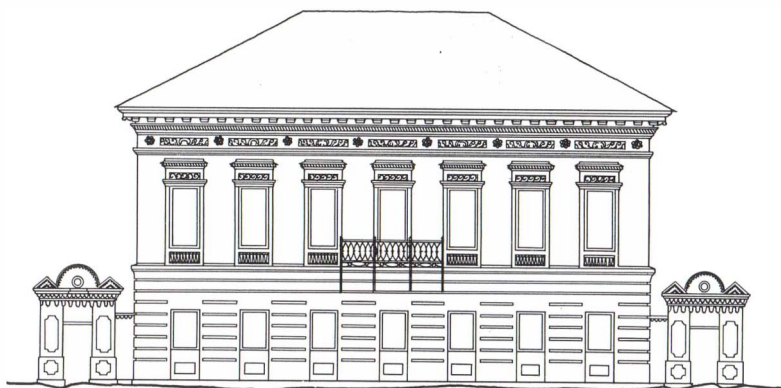
Общие принципы архитектурной композиции устюжских каменных жилых домов XVIII в. были predeterminedены всем ходом местного жилищного строительства предыдущей эпохи и складывались под влиянием выработанных веками приемов деревянного зодчества. В соответствии с установившимся типом северного жилища устюжские деревянные дома обычно были подняты на высокий подклет, имевший хозяйственное назначение, и строились чаще всего «в две клетки», соединенные между собою холодными сенями. К сеням прямо в верхний жилой этаж вела наружная лестница с нарядным крыльцом, а над сенями размещалась светлица. В XVIII в. под влиянием столичных образцов древняя светлица постепенно превратилась в перекрытый самостоятельной кровлей мезонин, который становится весьма характерным элементом местного жилища. Эта сложившаяся в дереве схема была принята за основу общей композиции каменных устюжских домов, имевших обычно два этажа, неизменный мезонин-светлицу и центрально расположенные сени, к которым вела наружная выносная лестница, обращенная чаще всего в сторону двора, в связи с предписанными Петром I новыми приемами постановки домов фасадами по красным линиям улиц. Одновременно развивался и более скромный одноэтажный вариант такого дома, получивший здесь очень широкое распространение.

Самое раннее каменное жилое здание города — дом купца **Максима Кузнецова**. Здание это неоднократно подвергалось поздним переделкам, в результате которых вся его центральная часть была полностью изменена. Однако можно предполагать, что первоначально это был типичный для Устюга одноэтажный дом с мезонином. Древнейшая часть дома Кузнецова — его западное крыло, обращенное в настоящее время на улицу Красную. Одноэтажный, квадратный в плане объем

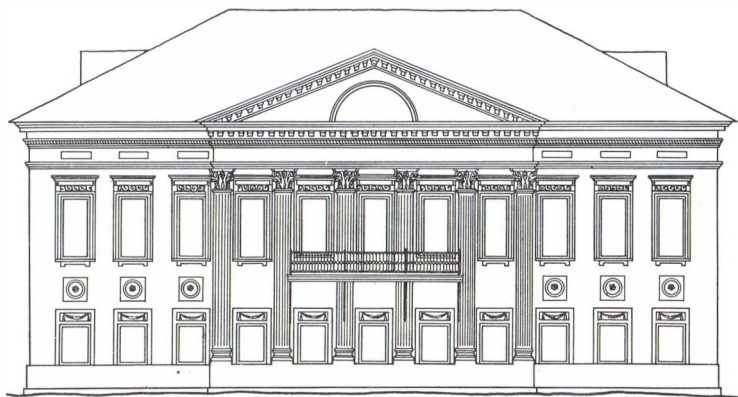
Комплекс жилых домов первой половины XIX в. на Набережной.

панорама со стороны реки; фасад дома № 55; фасад дома № 57

Сверху вниз —

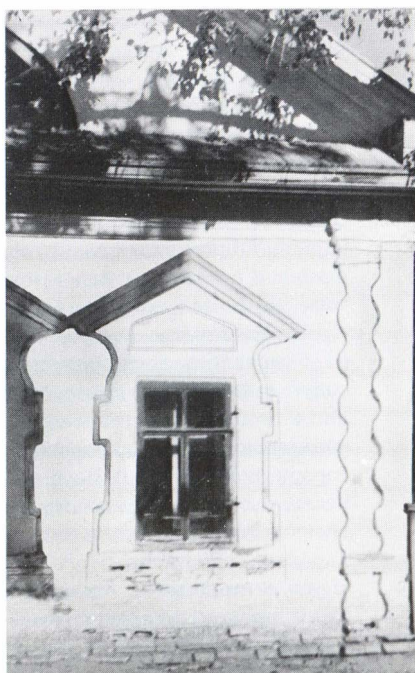

2 1 0 2 4 6 м

Дом Кузнецова по ул. Крас-
ной № 105. Фрагмент фаса-

да, обращенного на улицу
Красную

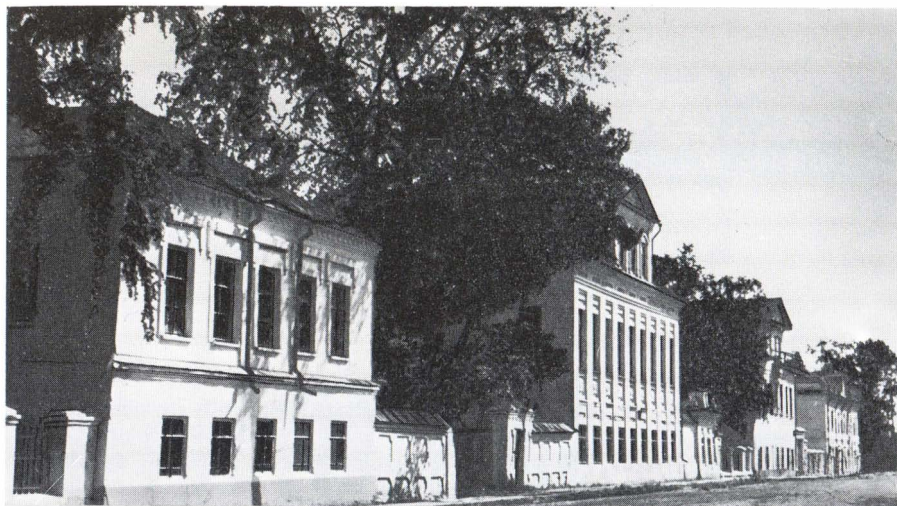

этого крыла перекрыт самостоятельным сомкнутым сводом и представляет собой тот первичный элемент, который, подобно клетки рубленых построек, составлял основу каменного жилого здания. Выходящий на улицу фасад этого объема имеет традиционные три окна, украшенные скромными наличниками, по своему рисунку весьма типичными для первой половины XVIII в. и выполненными из формованного кирпича. Но особенно интересны расположенные по углам спаренные плоские «витые» пилястры, повторяющие аналогичный мотив обработки фасадов расположенной поблизости Сретенско-Преображенской церкви. Объем этот сравнительно хорошо сохранился, и только поздний фронтон с полукруглым «ампирным» окном выпадает из общего характера убранства его фасада.

Строительство жилых домов, в отличие от церковных зданий, не отмечалось документально, и поэтому их датировка представляет собой значительно более сложную задачу, решение которой возможно лишь путем сопоставления различных косвенных данных. Основным материалом в этом вопросе служит предшествовавший перепланировке города его первый обмерный план, на который были тщательно нанесены все каменные сооружения, сохранившиеся после пожара 1772 г. Но дом Кузнецова на этом чертеже отсутствует. И тем не менее общий характер убранства этого здания свидетельствует, что оно построено «прежде пожара», очевидно, в середине XVIII в. Доказательством этого предположения служит также и необычайная в условиях регулярной планировки постройка дома углом к улице, вызывающая при

Застройка Советского проспекта жилыми домами первой половины XIX в.

первом взгляде естественное недоумение. Однако обмерный план подсказывает, что дом этот первоначально был размещен на одном из весьма ответственных участков в развилке двух улиц старого деревянного города; западное крыло дома выходило на красную линию древней Гулыни, и по его положению в настоящее время можно приблизительно судить об общем направлении этой полностью исчезнувшей улицы. Своим главным северным фасадом дом Кузнецова был обращен в сторону бывшего Спасо-Преображенского монастыря и, благодаря сходным элементам декоративного убранства, он как бы перекликался с этим интереснейшим комплексом культовых сооружений, образуя вместе с ними единый и целостный архитектурный ансамбль. Вполне возможно, что по аналогии с сооружениями XVII в. верхний мезонинный этаж этого каменного здания был выполнен в дереве, поэтому дом сильно пострадал во время пожара 1772 г. В этом, очевидно, и заключалась основная причина того, что он не был изображен на обмерном плане города.

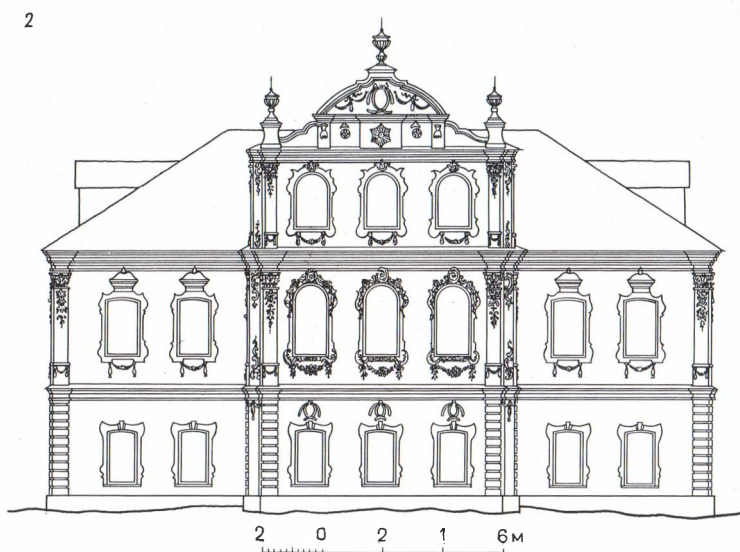
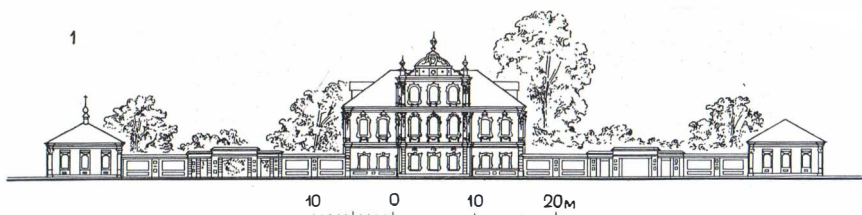
К числу ранних каменных домов Великого Устюга следует отнести еще три здания, из которых дом Захарова и Дом Шилова находятся во 2-й части города, а дом Наледина — в 1-й его части. Все указанные сооружения изображены на обмерном плане, следовательно, построены они были до 1772 г.

Расположенный на улице Шилова одноэтажный с мезонином дом купца Григория Захарова интересен тем, что, явно тяготея к рассмотренным выше устюжским жилым домам, он одновременно являет-

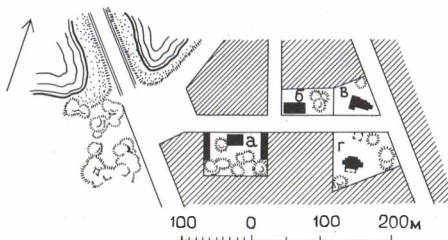
Дом Шилова по ул. Шилова № 8 (фасады главного корпуса и флигелей даны в примерной реконструкции)

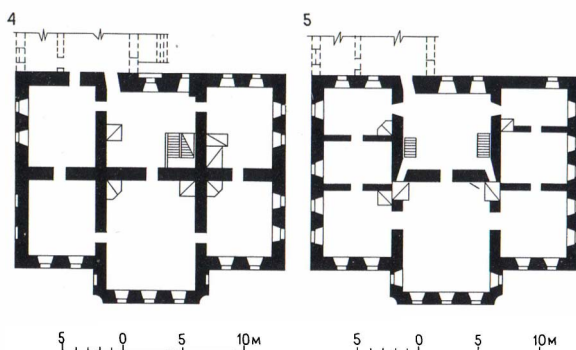
1 — общий вид ансамбля; 2 — фасад; 3 — генеральный план комплекса; а — бывший дом Шилова; б — бывший дом Захарова; в —

церковь Борисоглебская зимняя; г — церковь Георгиевская летняя; 4 — план первого этажа; 5 — план второго этажа

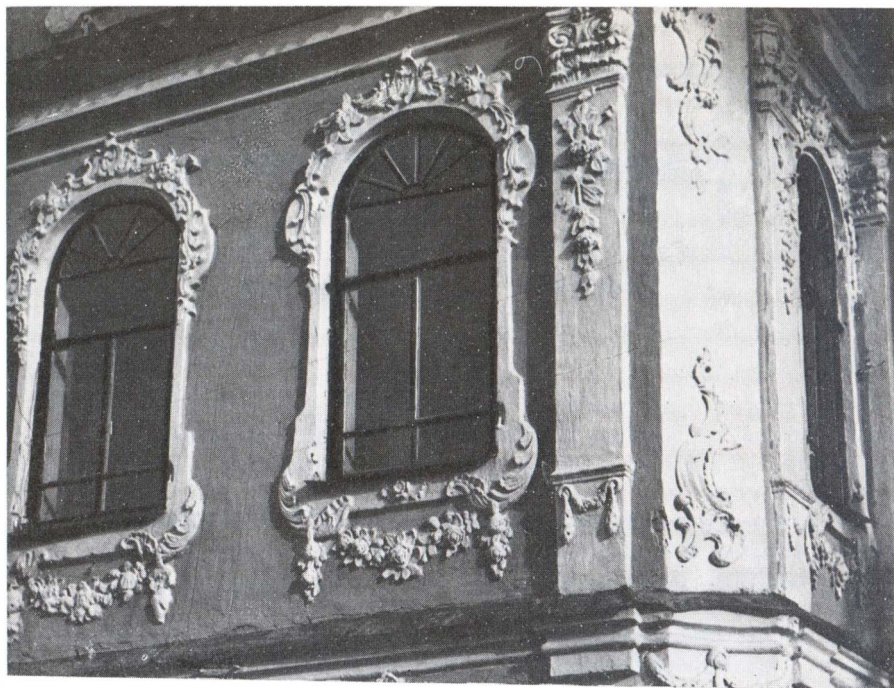
3

ся характерным представителем нового вида рядового городского жилища. Общая композиция дома Захарова свидетельствует о близком знакомстве устюжан с «образцовыми» проектами жилых домов петровского времени и, в частности, с проектом так называемого дома для зажиточных, который, очевидно, и был положен в основу этого здания. План дома Захарова предельно прост: все его помещения примерно одинаковы по размерам и, по старому обычаю, имеют близкую к квадрату форму, выделены капитальными стенами и перекрыты самостоятельными сводами. Однако в отличие от построек раннего периода (Архиерейский дом и братские кельи) компоновка всех этих помещений подчинена здесь новым принципам строгой симметрии и типичной для XVIII в. анфиладности. Согласно типовому проекту, жилые комнаты сгруппированы по четыре и связаны с общими сенями, располагавшимися вначале центрально. Вместе с тем дом этот значительно отличается от своего образца: сени здесь ориентированы во двор, парадная зала заняла осевое положение и обращена на главный фасад, иначе скомпонованы окна. А в целом дом Захарова — яркий пример свободного и творческого использования «образцовых» проектов XVIII в. в строительстве провинциальных городов. Строго симметричный главный фасад этого здания расчленен простейшими лопатками, выявляющими его внутреннюю планировочную структуру. Большие окна дома украшены наличниками, которые трактованы весьма свободно и, несмотря на свой явно барочный характер, отличаются сравнительной простотой форм. Убранство фасадов довершает своеобразный картуш, венчающий фронтон мезонина. Общий характер этого декоративного убранства и его явная связь с архитектурой петровского времени свидетельствуют о том, что дом Захарова является наиболее ранним из жилых зданий, отмеченных обмерным планом города, и по времени строительства вероятно близок к дому Кузнецова.

Невдалеке от дома Захарова на противоположной стороне улицы

расположен один из интереснейших устюжских жилых домов XVIII в. Это дом землепроходца **Василия Ивановича Шилова**, перешедший позднее к Азовым. Дата возведения этого здания неизвестна, однако типичные для середины столетия пышные, барочные формы его декоративного убранства свидетельствуют о том, что оно было сооружено позднее домов Кузнецова и Захарова. Но поскольку дом Шилова нанесен на обмерный план, постольку очевидно, что при пожаре 1772 г. он уже существовал. Таким образом, строительство его правильнее всего датировать 60-ми годами XVIII в. По своей общей композиции этот богатый особняк очень характерный и наиболее совершенный пример устюжского двухэтажного дома с мезонином. Основу геометрически правильного плана здания составляет строго симметричное расположение всех его помещений, сгруппированных вокруг центральных сеней-вестибюля и связанных между собой по принципу анфиладности. Нижний этаж дома, по аналогии с древними подклетами, отведен под вспомогательные помещения, перекрытые сводами и значительно уступающие по высоте парадным комнатам верхнего этажа. На фасаде этого компактного «в 7 окон» дома четко выявлена его внутренняя

структура: горизонтальными карнизами весь объем расчленен поэтажно, при этом второй парадный этаж отличается от первого вспомогательного крупными окнами и обогащенными формами убранства; главная парадная зала выделена на фасаде сильно выступающим ризалитом, который завершается мезонином и своей централизованной композицией подчеркивает общее осевое построение всего здания.

Особый интерес представляет декоративное убранство дома Шилова, выполненное в типичных для елизаветинского барокко пышных и богатых формах, окончательно сменивших к тому времени скромные лопатки и простые наличники первой половины столетия. Композиция главного фасада построена на основе классического ордера, примененного в виде пилястр, которые, по старой традиции, расположены на углах основных объемов и имеют в нижнем этаже форму простых рустованных накладок, а в верхних этажах обогащены характерными для XVIII в. сложными капителями, раскреповками и гирляндами. Удивительно разнообразны в этом доме наличники окон, богато украшенные скульптурными деталями, формы которых свидетельствуют о блестящем декоративном мастерстве местных зодчих. Общее убранство

здания дополняют лепные гирлянды и рокайли, трактованные очень сочно и свободно, а характерные для барокко срезанные выкружкой углы центрального ризалита придают этому объему особую пластическую выразительность. И, наконец, все здание венчает сложный лучковый фронтон с волютами, вазонами и живописно скомпонованным гербом в виде картуша. При этом нижний вспомогательный этаж украшен очень сдержанно и тем самым выгодно подчеркивает нарядность второго основного этажа, где пластическое богатство постепенно нарастает от крыльев к центру ризалита и достигает своего максимального напряжения в убранстве окон главной парадной залы. Верхний мезонинный этаж снова обработан проще и художественно подчинен бельэтажу. Таким образом, типичная для стиля барокко декоративная насыщенность фасадов здесь сочетается с большой четкостью и ясностью композиционного построения объема. Общее впечатление богатства и нарядности значительно усиливается цветовым решением этого дома, где белые детали контрастно выделяются на интенсивном, первоначально изумрудно-зеленом фоне. И, наконец, особого внимания заслуживают те черты самобытности, благодаря которым это здание, напоминая петровские «образцовые» проекты домов «для именитых» и перекликаясь с пышными композициями столичных дворцов середины XVIII в., представляет собой сооружение индивидуальное, чисто местное, с неизменным мезонином и своеобразно трактованными эле-

ментами убранства, в которых как бы оживают формы замечательной устюжской иконостасной «рези».

Главный корпус дома Шилова фланкируют два одноэтажных флигеля, которые вначале, очевидно, были деревянными, но сильно пострадали во время пожара 1772 г. и поэтому не изображены на обмерном плане города. Вскоре после пожара на их месте были возведены каменные здания, в которых, по сохранившейся описи 1805 г., находились каретники, поварня, кладовые, погреба и даже дымовая церковь. По красной линии улицы флигеля были связаны с домом каменной оградой с воротами. Кроме того, за домом располагались конюшни, сарай и две бани, а вся территория в глубине участка была занята обширным огородом и садом, а «в нем галдарея». Все эти сооружения вместе с главным зданием создавали чрезвычайно интересный архитектурный ансамбль, весьма типичный для русских городских усадеб XVIII в.

Дом купца Наледина — третий из нанесенных на обмерный план и сохранившихся до наших дней крупных каменных жилых домов города. Этот богатый двухэтажный особняк с мезонином был построен, очевидно, вскоре после дома Шилова, послужившего для него основным образцом. По общей архитектурной композиции дом Наледина очень сходен со своим прототипом и отличается от последнего лишь срезанными углами основного объема, меньшим выносом центральной части и значительно более скромным декоративным убранством фасадов. Подобно дому Шилова, этот особняк был главным сооружением обширной городской усадьбы, расположенной некогда на северной окраине бывшего Верхнего посада (1-я часть города). Однако после перепланировки города усадьба Наледина была значительно урезана, а дом оказался в глубине квартала.

В начале XIX в. после утверждения нового генерального плана широко развернулись работы по реконструкции города и в связи с этим еще больше возросло значение массовой регулярной жилой застройки, которая за сравнительно короткий срок совершенно преобразила общий характер города. В это время основным объектом строительства становится рядовой жилой дом, в архитектуре которого окончательно утверждаются новые традиции классицизма: здание располагается фасадом по красной линии улицы, с фасадов постепенно исчезают последние барочные детали, а на смену им приходит общая строгость архитектурных форм и декоративных приемов, гармонично сочетающаяся с четко выраженной симметричной композицией здания и с ордерным построением фасада.

Устюжское жилищное строительство первой половины XIX в. развивалось по двум направлениям. Первую линию этого развития определили типовые проекты так называемой Тверской серии и «Фасадов примерных против протчих вновь строящихся городов каменным и жилым домам», которые были приложены к двум самым ранним планам города. В соответствии с этими проектами строились и скромные деревянные дома городских окраин и богатые каменные особняки центра. В зависимости от состоятельности заказчика дома выполнялись одно- или двухэтажными в 3, 5, 7, 9 и 11 окон по главному фасаду.

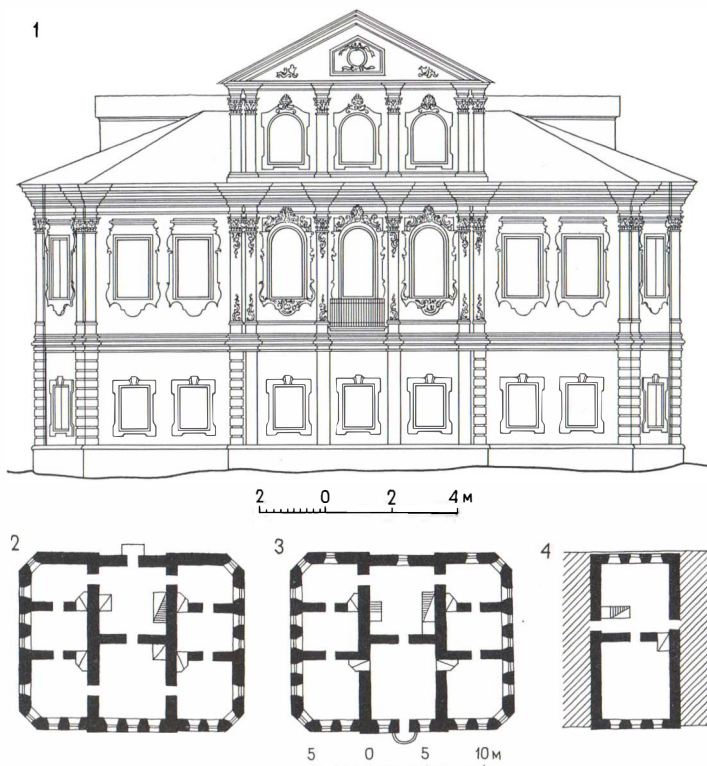
Но наибольшее применение получил в Устюге тип № 3 «Фасадов примерных». Этот тип представлял собой двухэтажный особняк «в 7 окон» с вспомогательным назначением нижнего этажа и с парадными помещениями, расположенными в бельэтаже. До настоящего времени в городе сохранилось много каменных двухэтажных жилых домов этого типа, весьма сходных между собой по общей композиции и отличающихся лишь элементами декоративного убранства, которые, согласно предписаниям типового проекта, разрешалось «оставить хозяевам на воле, кто каких пожелает».

Вторую группу устюжских жилых домов этого периода составляли дома мезонинной системы, которые по своей структуре были весьма сходны с рассмотренным выше типом жилища и отличались от последнего лишь применением традиционного мезонина, значительно обогащавшего композицию здания. Такая система применялась обычно для наиболее богатых особняков в 7 и 9 окон по фасаду и также получила в городе очень широкое распространение.

Типовые проекты того времени не регламентировали внутреннего расположения помещений, и поэтому планировка устюжских жилых домов XIX в. в основном следовала установившимся традициям предыдущего периода: парадные и жилые комнаты, как правило, размещались во втором этаже, тогда как нижний этаж, подобно древнему подклету, имел вспомогательное значение и перекрывался системой сводов; все помещения дома, по старому обычаю, группировались вокруг центральных сеней, при этом во второй этаж вела наружная лестница, вынесенная из основного объема здания и расположенная обычно со стороны двора. Весьма любопытно, что такие лестницы, по своему происхождению неразрывно связанные с древними приемами деревянного зодчества, получили в Устюге чрезвычайно широкое применение,

Дом Наледины по ул. Красной
№ 70 (фасад дан в пример-
ной реконструкции)

1 — фасад; 2 — план первого эта-
жа; 3 — план второго этажа; 4 —
план мезонина

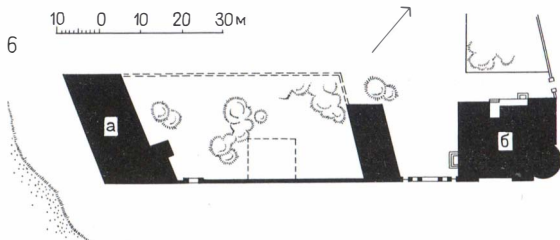
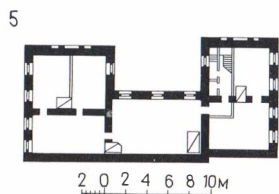
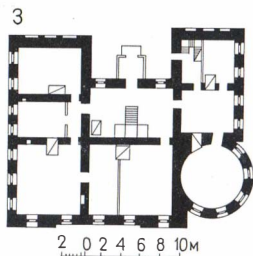
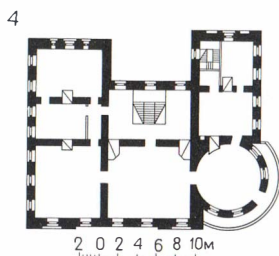
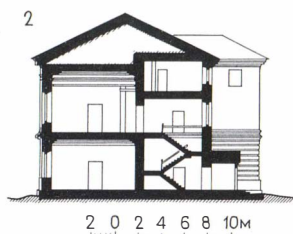
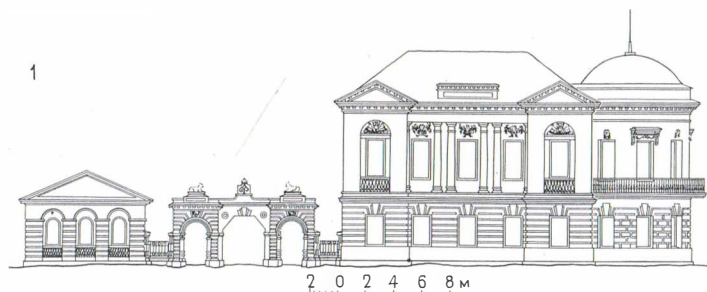
и до настоящего времени этот традиционный элемент устюжского жилища сохраняют многие дома XIX в. Нередко утилитарные требования приводили к асимметричному расположению внутренних помещений. Однако во всех случаях внешний облик здания был приведен к симметричной форме, определявшейся стилистикой классицизма.

Декоративное убранство фасадов всех этих зданий отличается типичной для классицизма строгостью и сдержанностью. Нижний вспомогательный этаж дома обычно трактован в виде цоколя и обработан рустами; нередко здание расчленено междуэтажным карнизом в виде простейшей тяги; широкое распространение получил здесь прием заглабления окон в стену, в результате чего простенки приобретают характер лопаток, которые завершаются полным классическим антаблементом с карнизом, украшенным модульонами и сухариками, и с лепным фризом. Определяющую роль в общей композиции фасада играют большие окна парадного второго этажа, а на обработке наличников

Жилой дом на углу Советского проспекта и улицы Красноармейской

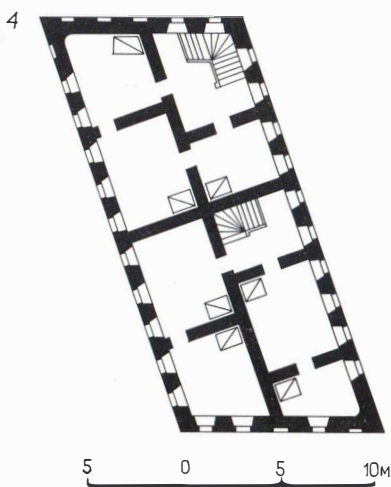
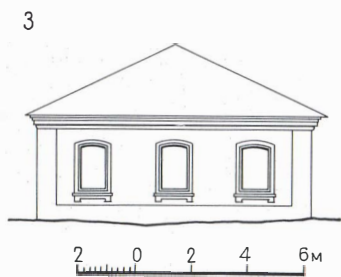
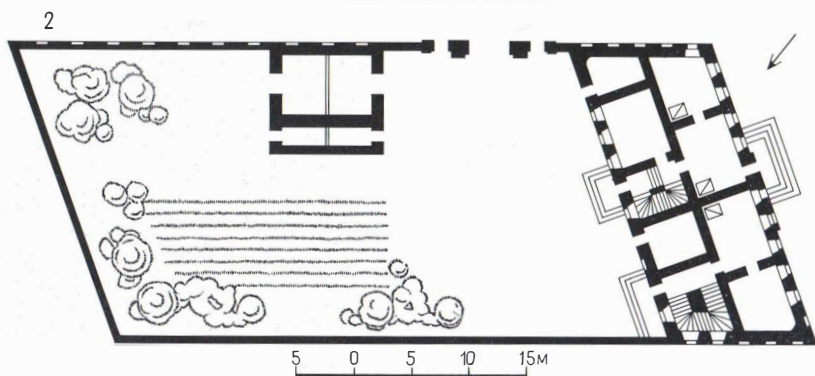
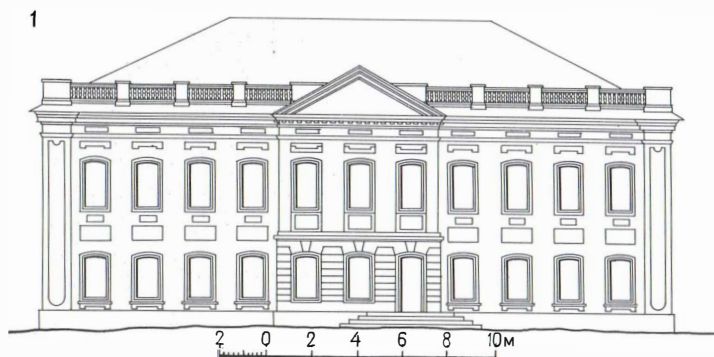
1 — фасад на улицу Красноармейскую; 2 — разрез; 3 — план первого этажа; 4 — план второго этажа; 5 — план третьего этажа;

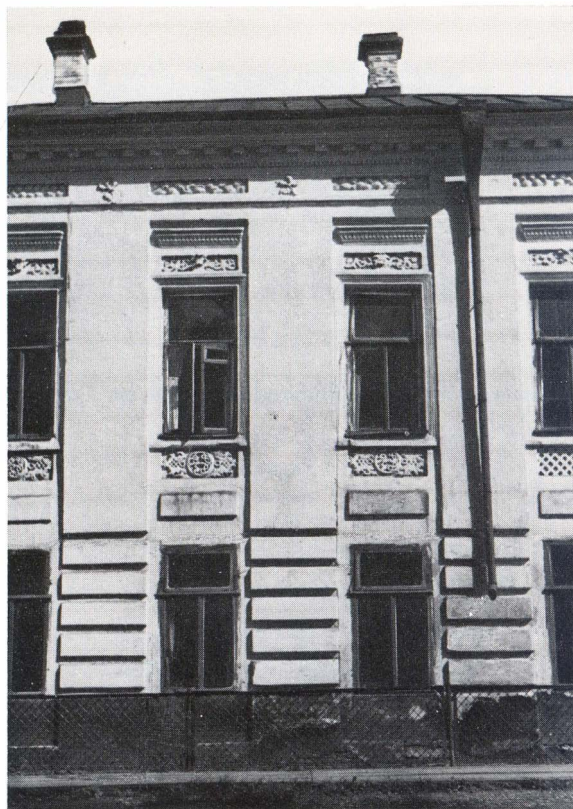
6 — генеральный план; а — банковская контора; б — обывательский дом

Здание бывшей Банковской
конторы

1 — фасад на реку; 2 — план пер-
вого этажа; 3 — план второго эта-
жа; 4 — фасад флигеля

этих окон сосредоточено все богатство декоративного убранства дома. Одним из основных элементов оконных наличников служит завершающий сандрик, в формах которого обычно повторяется мотив сухариков венчающего карниза. Но особенно интересны надоконные и подоконные лепные вставки с их необычным для классицизма рисунком и оригинальной плоскостной трактовкой форм, явно унаследованной от древней народной резьбы по дереву. В этом своеобразном характере элементов убранства кроется основной секрет того местного колорита, который приобретали в Устюге все « типовые » дома. По своему замыслу и исполнению элементы убранства устюжских жилых домов чаще всего отмечены печатью подлинного декоративного мастерства местных зодчих, но нередко в их трактовке появляется и оттенок провинциализма, который свидетельствует о начале упадка и отличает постройку конца XIX в. от ранних произведений устюжского « большого искусства ».

Интересный ансамбль жилых домов первой половины XIX в. сохранился в центральной части набережной города. Одно из основных зданий этого комплекса (дом № 55) представляет собой типичный пример выстроенного в соответствии с «Фасадами примерными» двухэтажного каменного дома «в 7 окон» с рустованным цокольным этажом, с классическим венчающим карнизом и с характерными для того времени наличниками окон бельэтажа. К этому зданию примыкают два двухэтажных флигеля, трактованных подчеркнуто скромно и связанных с основным корпусом малыми формами въездов, выполненными в виде двух своеобразно обработанных калиток, между которыми располагались некогда металлические решетчатые ворота. Аналогичные въезды получили в Устюге широкое распространение и, играя роль типовых, неоднократно повторялись в различных уголках города. Роль главного сооружения этого комплекса играет обширный

двухэтажный особняк «в 11 окон», в котором сейчас расположен Велико-Устюжский краеведческий музей (дом № 57). Основная особенность фасада этого здания заключена в классическом ордере, представляющем большую редкость в устюжском жилищном строительстве и примененном здесь в виде каннелированных пилястр с пышными коринфскими капителями. Эти пилястры образуют подобие портика, увенчанного фронтоном и четко выделяющего центральную часть дома. Общую композицию здания дополняет обращенный к Сухоне изящный ажурный балкон. А в целом этот дом отличается гармоничными пропорциями и тонко прорисованными деталями.

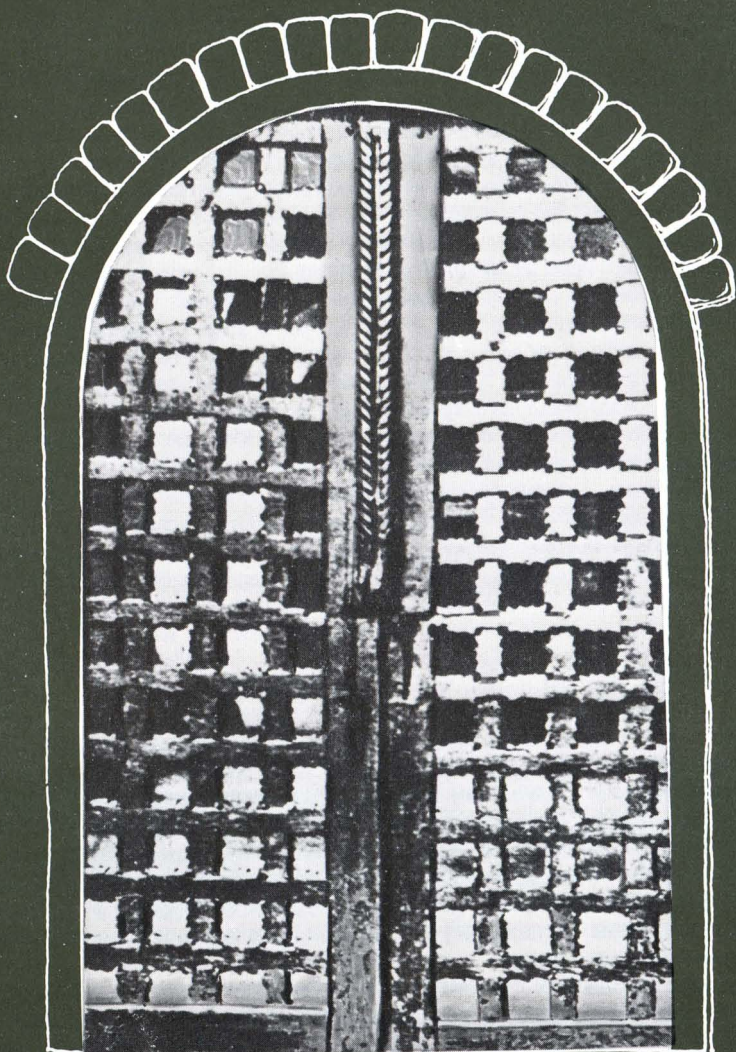
Большой обывательский дом, расположенный на углу улицы Красноармейской и Советского проспекта (ныне здание Велико-Устюжского райисполкома), выделяется среди жилых домов города своей оригинальной композицией, принципиально отличной от установившегося традиционного типа устюжского жилища. Обычная схема плана с центрально расположенными сенями приобрела здесь асимметричный характер благодаря размещению в угловой части дома обширной ротонды, перекрытой куполом и украшенной ажурным круговым балконом. Необычна здесь и общая композиция фасадов, в обработке которых применены трехчетвертные спаренные колонны, тематические барельефы и объемные лепные маски. Неотъемлемую часть общего ансамбля этого дома составляет одноэтажный флигель, ориентированный на улицу Красноармейскую и связанный с основным зданием оградой и своеобразными по форме трехарочными воротами.

Одновременно с широким размахом каменного жилищного строительства в городе интенсивно возводились также и деревянные дома, которые продолжали преобладать в застройке. По своей архитектуре устюжские деревянные жилища первой половины XIX в. обычно следовали установившейся местной традиции и чаще всего принадлежали к мезонинному типу, но в их декоративном убранстве в это время появились новые элементы, явно повторявшие в дереве классические приемы каменного зодчества (полукруглые «ампирные» окна, «рустовка» нижнего этажа, дощатые замковые перемычки окон и пр.).

К середине XIX в. общий подъем устюжской архитектуры сменился периодом длительного упадка. В это время жилищное строительство здесь резко сокращается, а отдельные поздние сооружения уже не представляют художественной ценности. Таким образом, период расцвета устюжского каменного жилища продолжался примерно сто лет (с середины XVIII в. и до середины XIX в.), в течение которых почти весь жилой фонд города был перестроен заново. При этом основная масса новых жилых домов относится к первой трети XIX в. и представляет собой типичную для того времени регулярную классическую застройку. Главная особенность этой застройки заключена в ее типологичности, выразившейся в господстве трех основных типовых схем жилища. Эти схемы варьировались за счет различной трактовки декоративного убранства, придававшего жилым домам особый, индивидуальный, чисто местный характер, благодаря чему в жилищном строительстве не менее ярко, чем в культовом, были отображены характерные особенности устюжской школы зодчества.

глава
пятая

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Великий Устюг всегда был одним из крупнейших центров народного творчества и издавна получил название «города умельцев». Вот почему общая картина художественного развития города не может претендовать на полноту без характеристики разнообразных отраслей изобразительного, декоративного и прикладного искусства, где особенно ярко отображено все неистощимое богатство творческой фантазии русского народа, его художественная изобретательность и извечная любовь к «узорочью» и где особенно долго жили фольклорные, полужыческие-полусказочные образы, а условность и символика прихотливо сочетались с изображениями явно реалистического характера.

Зародившись уже в глубокой древности, различные отрасли изобразительного, декоративного и прикладного искусства достигли своего наивысшего расцвета в XVI—XVIII вв., когда Устюг, благодаря своему выгодному положению на основных водных путях, превратился в крупный торгово-промышленный центр страны, что стимулировало общий подъем ремесленного производства и блестящий расцвет искусства. В это время широкое развитие получили здесь разнообразные виды художественной обработки дерева, глины, металла и многих других местных и привозных материалов, а замечательные устюжские народные художники широко прославились по всей Руси.

Однако, переходя к характеристике этой ветви устюжского художественного творчества, необходимо отметить, что данная работа ставит своей целью только кратко познакомить читателя с замечательными произведениями устюжского изобразительного, декоративного и прикладного искусства, которые, в силу своей специфики, требуют тщательного профессионального анализа и еще ждут исследователей-специалистов.

Иконопись

Древнерусская живопись, представляющая собой явление самобытное и глубоко национальное, всегда была неразрывно связана с архитектурой. Вот почему общий обзор устюжского зодчества был бы неполон без ознакомления с теми памятниками иконописи, которыми весьма богато художественное наследие Великого Устюга. Однако в настоящее время все эти материалы хранятся в различных собраниях страны и никогда не были систематизированы и изучены. Поэтому цель данного раздела заключается в первую очередь в том, чтобы на нескольких характерных примерах осветить основные черты устюжской школы иконописи и тем самым привлечь внимание специалистов к этой интереснейшей ветви искусства. Вместе с тем весь процесс исторического и художественного развития Великого Устюга позволяет оценить устюжскую иконопись, как самостоятельную местную художественную школу, основанную на лучших традициях древнерусской

живописи ростово-суздальского, а затем и раннемосковского круга эпохи Рублева и существенно отличную как от новгородской иконописи, так и от связанных с нею «северных писем». Для произведений устюжской школы характерны тонко найденная уравниченность общей композиции, изысканность рисунка, а также особая красота колорита, построенного на мягком и гармоничном сочетании розово-пурпурных, оливково-зеленых и золотистых тонов. Причем эту свойственную ранним произведениям красоту колорита устюжская иконопись сумела сохранить в течение всего XVII в., чем выгодно отличалась от поздних иконописных школ.

Самой древней из открытых устюжских икон можно считать так называемое «Устюжское благовещение», которое датируется XII в. Икона эта, по преданию, была вывезена новгородцами из Устюга и помещена в Георгиевский собор Юрьева монастыря; затем находилась в Успенском соборе Московского Кремля, а в настоящее время — в Государственной Третьяковской галерее. Композиция иконы отличается строгой простотой и выразительностью. Спокойный ритм плавных линий пронизывает все произведение и объединяет обе фигуры в ясную и гармоничную группу. Икона эта представляет исключительный художественный интерес и является памятником мирового класса. В Архангельском соборе Московского Кремля хранится интереснейшая копия этой иконы.

К древнейшим устюжским иконам относится икона «Собор Архангела Михаила», принадлежавшая главному храму Михайло-Архангельского монастыря и написанная в середине XIII в. Благодаря кропотливой работе специалистов Реставрационного центра им. И. Э. Грабаря, этот уникальный и по своему значению узловый памятник домонгольского искусства был полностью реставрирован и возвращен к жизни.

К XIII в. относится и главная святыня города — икона «Богоматерь Одигитрия», которую в 1290 г. привез в Устюг ростовский епископ Тарасий в «дар» вновь освященному Успенскому собору⁶², а вся ее история окружена легендами и преданиями. Икона эта сильно потемнела и нуждается в квалифицированной реставрации, однако и по характеру написания, и по общей композиции она, подобно предыдущим иконам, вероятно, принадлежит кисти русского мастера ростово-суздальского круга.

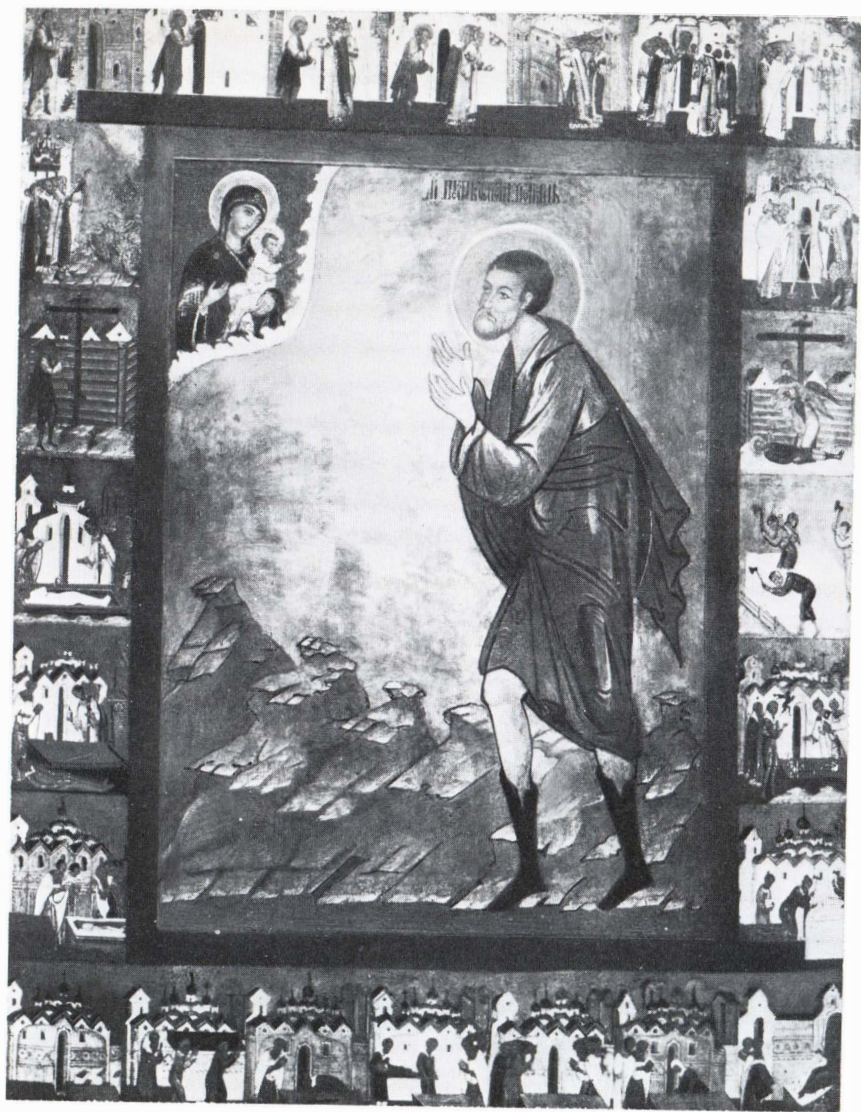
Иконы работы устюжских мастеров обычно определяет их тематика: в Устюге весьма популярны были местные юродивые — «святые» Прокопий и Иоанн, которых не знали и не изображали в других городах. Вот почему эта тематика всегда свидетельствует о принадлежности иконы к Устюжской школе, а тщательное изучение стилистических особенностей этих икон поможет специалистам в определении местных произведений также и другого содержания.

Наиболее ранняя из расчищенных икон этой группы была написана, вероятно, в XVI в. для старого деревянного Прокопьевского собора, а позднее перенесена в иконостас одноименного каменного храма. Местный юродивый Прокопий изображен здесь в окружении 24 клейм, благодаря чему икона является типичным представителем группы «житийных» икон повествовательность которых тесно связана с фоль-

«Проконий с чудесами». 60-е
годы XVII в.

«Пркопий Устюжский с житием». Икона устюжского письма. XVI в.

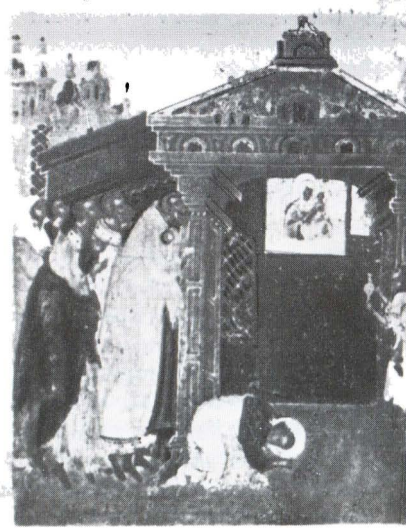
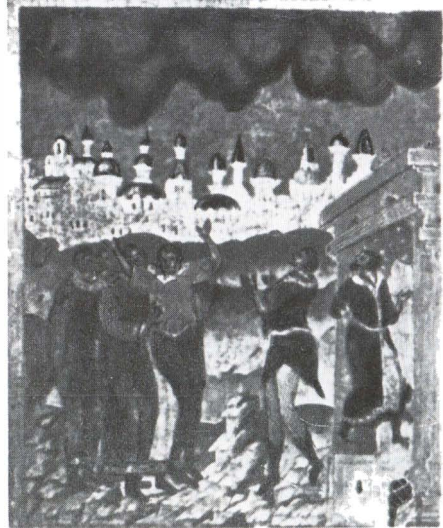

клорными народными традициями и очень характерна для живописи Северного края. Особенно интересны клейма этой иконы, где «житие» и «чудеса» Прокопия показаны на фоне архитектуры, трактованной то условно и орнаментально, то конкретно и реалистично. Очень красив теплый и звучный колорит этой иконы, причем клейма выполнены более ярко и контрастно, чем средник, и окружают его подобно нарядной многоцветной раме.

Особенно распространены были в XVI—XVII вв. иконы, изображающие Прокопия и Иоанна вместе. Среди них особого внимания заслуживает икона «Прокопий и Иоанн Устюжские», хранящаяся в музее села Коломенского под Москвой. Икона эта весьма характерна для устюжской живописи рассматриваемого периода. Обе фигуры даны здесь в спокойных традиционных позах, а изящная тонкость рисунка мягко гармонирует с красивым теплым колоритом и с умелым применением позолоты. О принадлежности иконы к Устюжской школе живописи свидетельствует типично местный сюжет и оригинальный своеобразный фон, который является наиболее ценной частью иконы. У ног Прокопия и Иоанна мастер показал панораму современного ему Великого Устюга, которую он выполнил с тщательностью чертежа и даже снабдил аннотациями. Это замечательное изображение ярко иллюстрирует общий характер древнего, полностью исчезнувшего деревянного города, его храмов и жилых построек, и представляет для исследователя устюжского зодчества документальный материал, громадное значение которого переоценить невозможно. На этой панораме художник изобразил Устюг таким, каким он видел его с реки, во всем многообразии форм живописного, узорчатого силуэта: в центре он показал главное сооружение города — Успенский собор, за рекой — Дымково, а изображения монастырей вынес отдельно и поместил в рамки. Вокруг города мастер написал лес и луга, проросшие фантастическими цветами, которые вносят в икону орнаментальные мотивы, характерные для русского народного творчества. Особо выделены художником каменные храмы города — Успенский собор и построенная в 1648 г. церковь Вознесения (справа у ноги Иоанна). Однако первые каменные постройки Михайло-Архангельского монастыря (1653 г.) не попали в изображение, и весь монастырь на иконе показан деревянным. Это позволяет предполагать, что икона была написана между 1648 и 1653 гг. и является характерным памятником устюжской живописи середины XVII в. И, наконец, особо следует отметить общее композиционное сходство этой иконы с преподнесенной некогда в дар царю архангельской иконой, изображающей святого Михаила на фоне города Архангельска. Это сходство свидетельствует о том, что икона «Прокопий и Иоанн Устюжские», вероятно, имела аналогичное официальное назначение.

К житийным иконам относится и хранящаяся в местном музее икона «Прокопий Устюжский с чудесами», написанная для первого каменного Прокопьевского собора в 1669 г. Популярный местный святой здесь изображен в окружении 40 клейм, которые отличаются особой красотой композиционного и цветового решения и представляют наиболее интересную часть иконы. Смело отказываясь от установив-

Фрагмент иконы «Прокопий и
Иоанн Устюжские». Среди-
на XVII в.

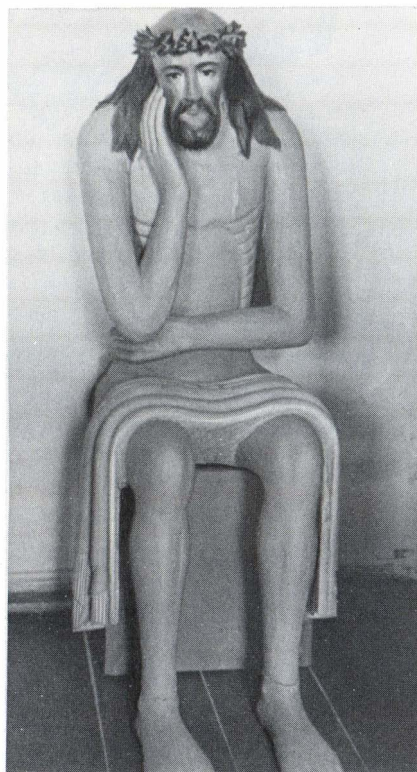
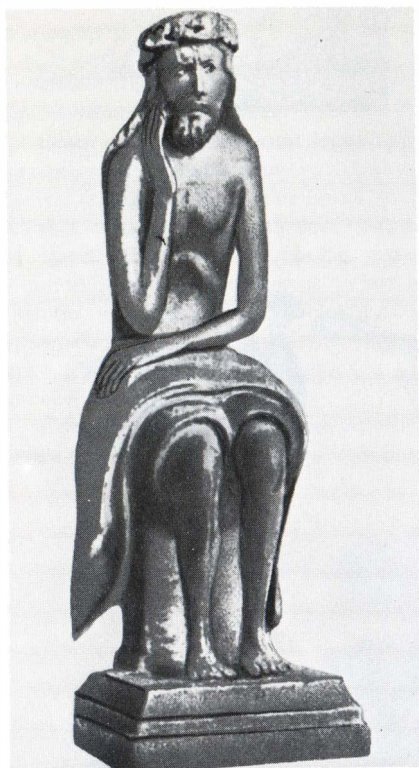
шихся канонов, мастер переходит к типично фольклорной повествовательности, благодаря чему вся икона превращается в оригинальное собрание народных преданий, рассказанных языком живописи. Особое место мастер уделит архитектуре. Узорчатый силуэт города, ритмично повторяясь, приобретает значение основной темы, композиционно объединяющей все клейма в одно целое, а сама икона благодаря этому воспринимается как торжественный и радостный гимн красоте города. Однако трактовка архитектуры здесь принципиально отличается от предыдущей официальной иконы, где панорама Устюга написана с документальной точностью. Эта «житийная» икона была как бы иллюстрацией к увлекательной сказке, поэтому автор отошел здесь от реалистического изображения природы. В то время когда почти весь Устюг еще оставался деревянным, он изобразил его таким, каким мечтал видеть — белокаменным, и эти архитектурные фантазии художника поистине удивительны своим неистощимым разнообразием.

Многие устюжские иконы XVII в. снабжены подписями, благодаря чему известно около 25 имен местных «изографов», славившихся по всей Руси и принимавших участие в росписи крупнейших сооружений Москвы. Из них особенно знамениты Василий Колмогоров и Федор Зубов. Большинство замечательных произведений устюжской иконописи и более поздней по своему происхождению монументальной живописи (XVII в.) записаны ремесленниками — «богомазами». В связи с этим можно смело утверждать, что исследователей — специалистов и реставраторов в Устюге ждут увлекательные открытия, изучение которых несравненно обогатит наши знания о художественной культуре Северного края.

Художественная обработка дерева

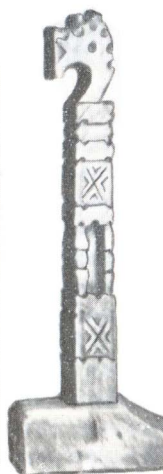
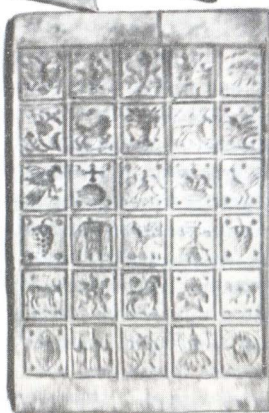
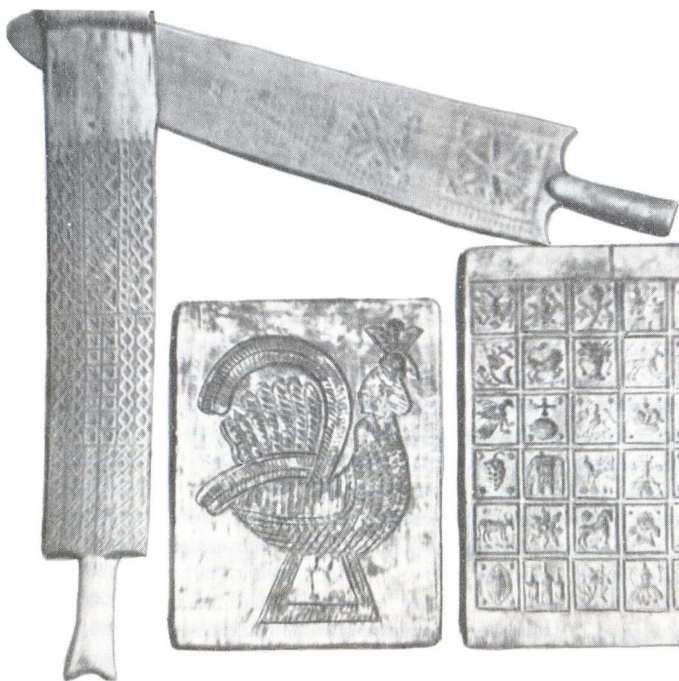
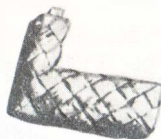
Для русского Севера дерево издревле служило основным местным материалом, поэтому именно в дереве формировались лучшие традиции народного творчества, и дерево, таким образом, явилось колыбелью всего художественного фольклора этого края. В этом и заключена причина огромного влияния дерева на развитие всех видов искусства, где в разнообразных материалах упорно жили типичные для дерева формы. Особенно сильны были эти влияния на каменные устюжские храмы XVII—XVIII вв., где от дерева ведут свое происхождение и общий композиционный строй здания, и шатровые завершения, и пятигранные алтари, и крытые галереи и высокие выносные крыльца, а также многие элементы убранства: столбы крылец, наличники окон, керамические порталы с их «дыньками», «маковицами», «грибками» и типичной для дерева «веревочкой». Интересны с этой точки зрения каменные жилые дома XVIII—XIX вв., отдельные детали которых напоминают то пышные формы барочных иконостасов, то традиционные переплетения народной деревянной «рези», что придает этим домам оригинальный, интимный, чисто местный характер. Кроме того, мотивы плоской и рельефной резьбы по дереву определили общие формы устюжских изразцов, чекана по металлу, резьбы по камню и многие другие виды прикладного и декоративного искусства.

*Деревянная резная фигура
Христа в темнице, так назы-
ваемый «Полунощный Спас»*

Так в самых разнообразных материалах и в различных элементах декоративного убранства устюжские мастера всегда отдавали дань самобытным, народным традициям и в бесконечных вариациях повторяли любимые и привычные мотивы художественной обработки дерева.

Резьба по дереву уже с древнейших времен представляет основной прием художественной обработки этого материала. К наиболее ранним формам резьбы относятся плоская или геометрическая и объемная или «облая» резьба, получившие широкое применение в убранстве храмов, жилищ и предметов домашнего обихода. Эти ранние виды резьбы по дереву в течение ряда столетий существовали параллельно, почти не меняя своих форм, так как выполнялись они, главным образом, безымянными народными мастерами-самоучками, которые всегда следовали установившейся традиции, бережно сохраняя древние образы и художественные приемы. Поэтому многие изделия XVIII и даже XIX вв., экспонированные в местном музее, повторяют древние формы,

Предметы домашнего обихода. Слева направо: сверху — берестяной пестерек, деревянные доски с металлическим контурным орнаментом для набойки тканей, берестяная охотничья солонка; внизу — глиняный рукомойник, деревянный ковшик, деревянная солонка

Примеры устюжской резьбы по дереву: сверху — трепало для обработки льна; внизу слева направо — валец для стирки белья, пряничные доски, швейка

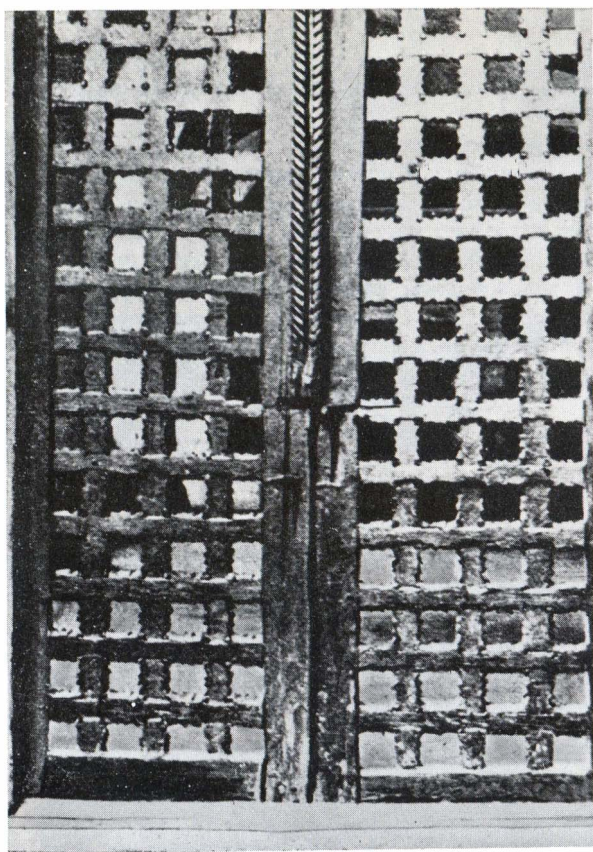
Деревянный конь. Детская игрушка.

позволяя тем самым судить о раннем периоде развития этого вида декоративного искусства.

Один из лучших примеров устюжской резьбы по дереву — так называемая «Тошя свеча», хранящаяся в местном музее. Весь корпус этого деревянного подсвечника украшен великолепной, типичной для XVII в. резьбой, которая еще сохраняет плоскостной характер. Однако от простейших ранних форм резьбы это изделие отличается повышенной декоративностью и усложненным характером орнамента, где самобытные народные мотивы прихотливо сочетаются с так называемым травным узором. По старой традиции корпус подсвечника расписан ярко и сочно в синих, зеленых и розовых тонах, что еще больше усиливает его декоративность.

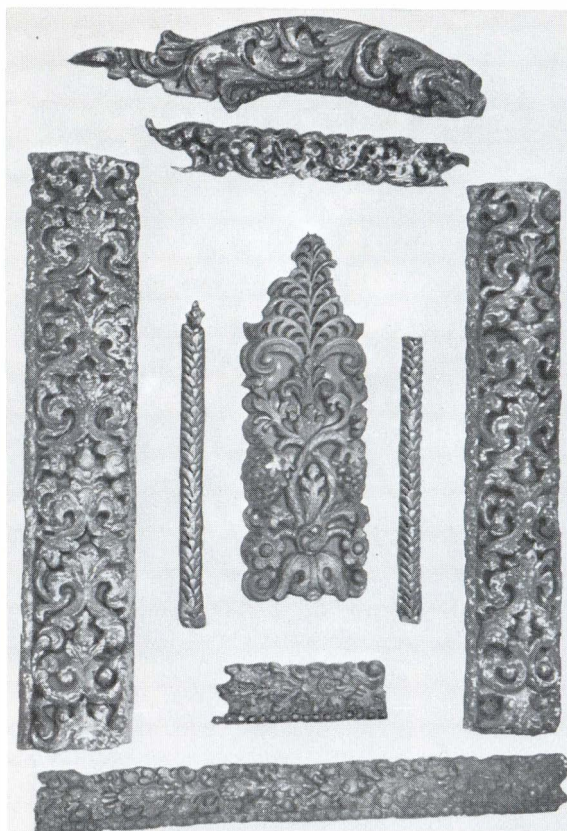
Среди разнообразных элементов внутреннего убранства древнерусского храма ведущее место принадлежало иконостасу, который в ин-

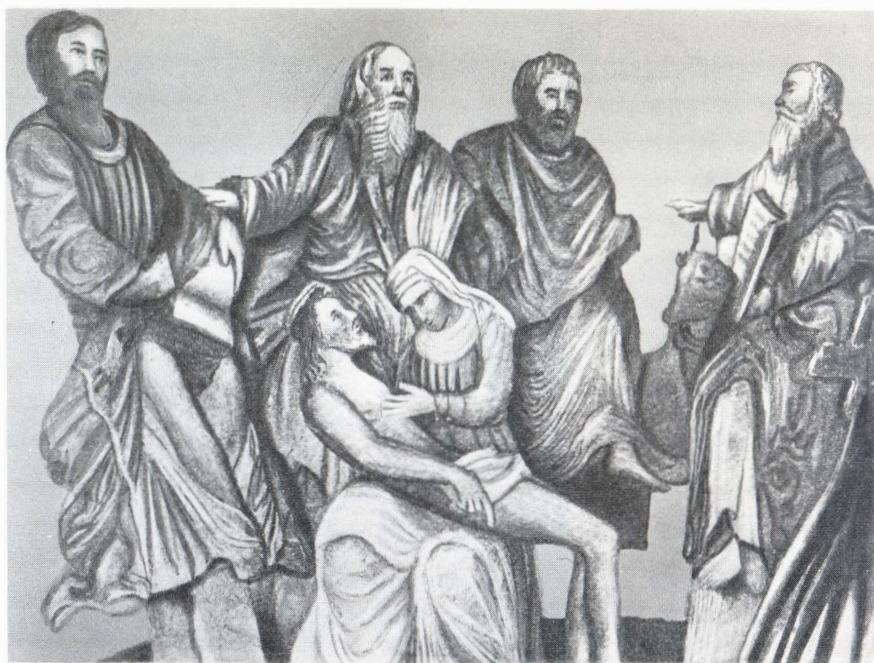

терьере культового здания всегда играл главенствующую роль. Деревянные конструкции иконостасов (тябла) устюжане украшали резьбой, что следует отметить как явление особое и редкое, поскольку в это время повсеместно на Руси были распространены расписные тябла. Эти ранние иконостасы в Устюге, к сожалению, не сохранились. В XVIII в. «радением» богатых устюжских купцов они были заменены пышными и усложненными иконостасами позднего типа. А о ранних формах иконостасной резьбы можно судить лишь по отдельным фрагментам, экспонированным в местном музее.

Среди устюжских иконостасов XVIII в. первое место принадлежит великолепному пятиярусному иконостасу собора Троице-Гледенского монастыря. Основная система несущих элементов иконостаса трактована в виде ордера с типичными для барокко элементами убранства:

витые колонки, сильно раскрепованные антаблементы с полукруглыми и разорванными фронтонами, гроздь винограда, гирлянды из цветов и листьев, замысловатые рамы и картуши из раковин и завитков. В отличие от ранних иконостасов живопись играет здесь второстепенную роль⁶³ и уступает главное место резьбе, приобретающей самостоятельное декоративное значение и представленной в исключительном многообразии форм: начинаясь с плоских, почти графичных порезок фона, резьба переходит в рельефные объемные украшения, которые, отрываясь от фона, создают подобие деревянного кружева, наброшенного на основную конструкцию иконостаса, и, наконец, превращается в самостоятельные скульптурные изображения. Главный элемент иконостаса — царские врата, отличаются особым пластическим богатством форм, достигших здесь предельной степени выразитель-

ности. Однако, отдавая дань столичной моде, устюжские мастера проявили большую творческую самостоятельность и сумели традиционные барочные формы оплодотворить той чисто народной любовью к «узорочью», которая живет в русском художественном фольклоре с древнейших времен. Вся резьба Троице-Гледенского иконостаса позолочена по левкасу, что еще больше усиливает впечатление его богатства и нарядности, а в целом этот замечательный памятник должен быть поставлен в один ряд с лучшими произведениями русского декоративного искусства XVIII в. и заслуживает самого внимательного изучения.

При этом однако нельзя не отметить ту перегруженность деталями, изошренность форм, в которых нашли свое образное выражение те идеологические противоречия, которые уже в конце столетия привели к упадку устюжского искусства.

На примере Троице-Гледенского иконостаса видно, как в процессе общей эволюции деревянной резьбы формы ее постепенно усложнились и, наконец, в барочных композициях XVIII в. они вплотную подошли к объемной скульптуре.

Деревянная скульптура — один из древнейших видов русского ис-

куства — была широко распространена на Севере задолго до принятия христианства. Но особого расцвета она достигла в XVI—XVIII вв. в связи с усилившимися украинскими и европейскими влияниями, которых не избежал и Северный край. Здесь древние языческие образы, никогда не умиравшие в творчестве простого народа, послужили благодатной почвой для развития объемной резьбы и скульптуры религиозного содержания.

Излюбленной темой северной деревянной скульптуры была фигура

Христа, сидящего в темнице с терновым венцом на голове и получившего в народе название «Полунощного Спаса». Выполнялись такие фигуры народными мастерами-самоучками и представляют одну из интереснейших страниц местного художественного фольклора. Характерный представитель этих северных народных «Спасов» хранится в Велико-Устюжском краеведческом музее. В общей трактовке фигуры Христа типичные для народного искусства условность и наивность сочетаются с большой ритмичностью и плавностью линий, несомненно

унаследованной от иконописи. Но основная сила воздействия устюжского Спаса заключена в духовном богатстве его образа, полного глубокого и горестного раздумья, что придает всему изображению особую эмоциональную напряженность и свидетельствует о высоком мастерстве безымянных народных художников этого раннего периода.

Скульптурная группа «Плачь о Христе» или «Не рыдай мене Мати» из Михайло-Архангельского монастыря также относится к раннему периоду развития устюжской деревянной скульптуры, и по общим

Деревянный резной подсвечник начала XVII в., так называемая «Тощая свеча»

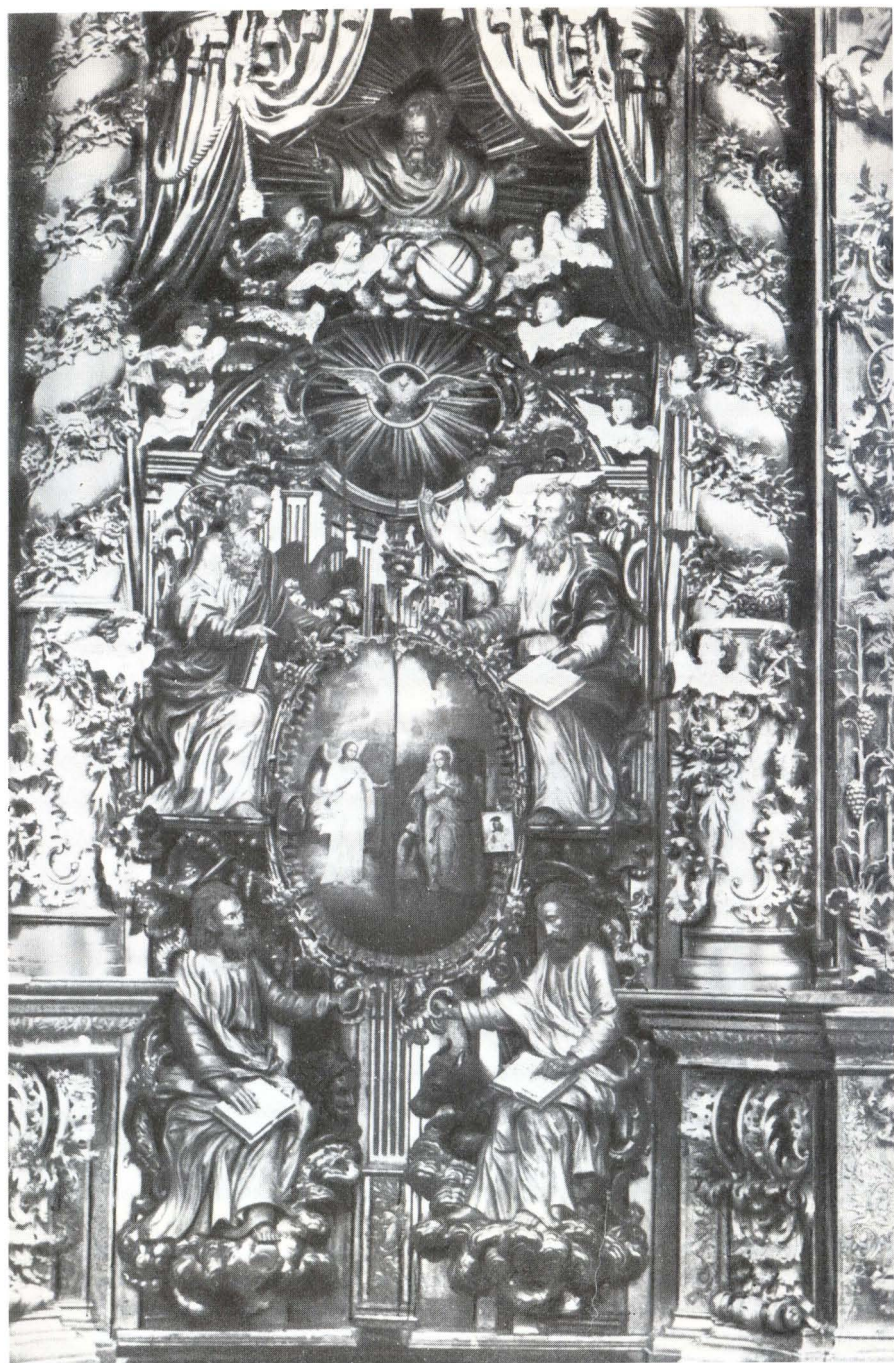

художественным приемам исполнения весьма близка скорбящему «Спасу». Деревянную скульптуру в XVII в. обычно раскрашивали «по подобию», что еще больше повышало ее декоративность и усиливало впечатление «иконности».

Наивысшую ступень расцвета устюжской деревянной скульптуры XVIII в. представляет великолепный иконостас собора Троице-Гле-

денского монастыря. Особого внимания заслуживают фигуры четырех евангелистов, украшающие царские врата этого иконостаса. В свободных и естественных позах этих фигур, в общей трактовке их одежды и в блестящей технике исполнения чувствуется твердая рука большого мастера, прекрасно владеющего законами построения сложных объемных композиций. Все евангелисты исключительно вдохновенны по образу

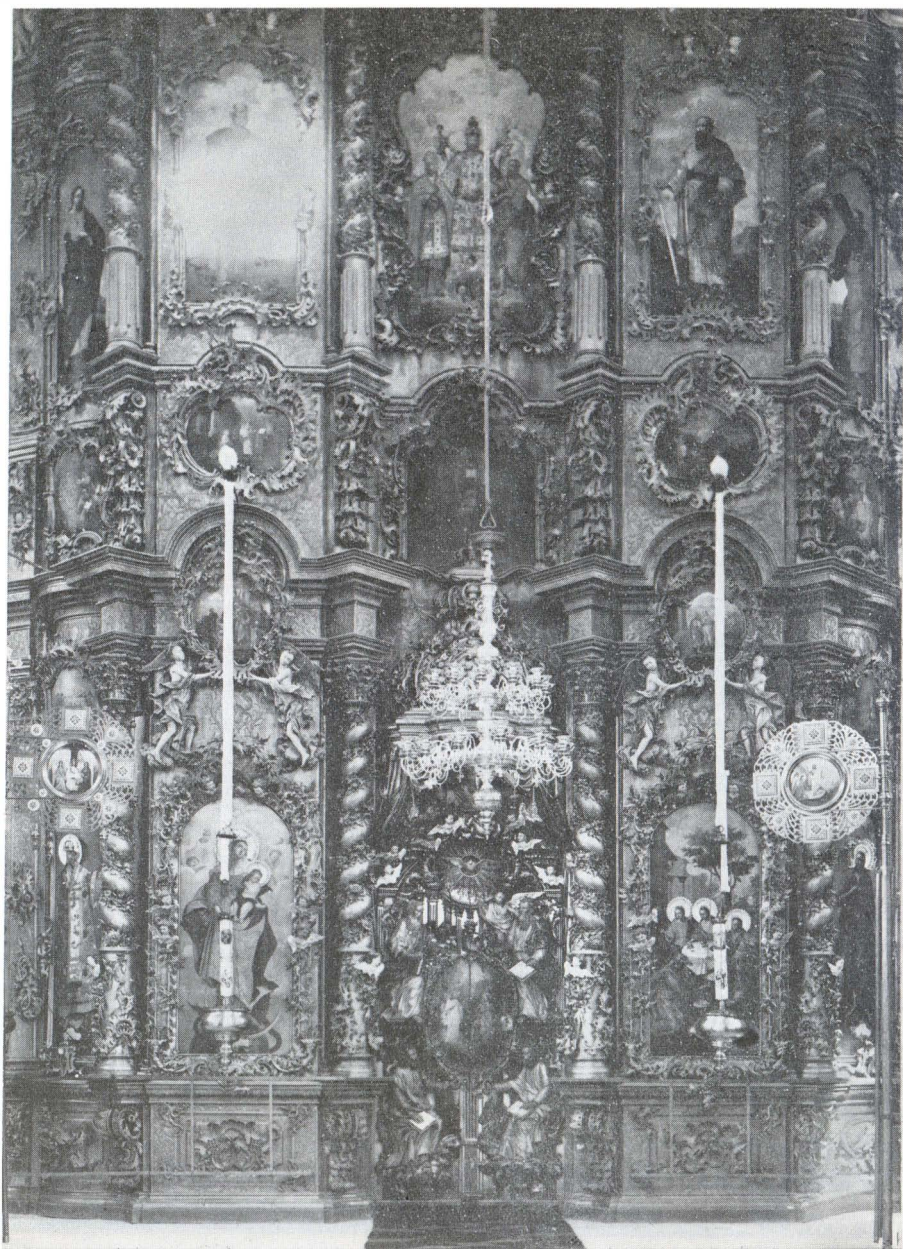
Царские врата иконостаса
Троице-Гледенского мона-
стыря

Деревянные резные фигуры
евангелистов с царских врат
Гледенского монастыря

иконостаса собора Троице-
Гледенского монастыря

Иконостас собора Троице-Гледенского монастыря. Выполнен устюжскими мастерами в середине XVII в.

и полны внутреннего напряжения, а в характеристике отдельных фигур художнику удалось добиться большой психологической глубины и яркой почти портретной индивидуальности. Фигуры объединены общей композиционной идеей, а живописно ниспадающие складки одежд евангелистов органично связывают их с пышной резьбой царских врат и всего иконостаса в целом.

Фигуры ангелов по мастерству исполнения не уступают евангелистам, а их свободные позы и живописно развевающиеся одежды полны экспрессии и прекрасно дополняют композицию иконостаса. Светлые и поэтичные образцы этих ангелов покоряют своей проникновенностью, а подлинно классическая гармония согрета здесь большой душевной красотой и лиричностью. В то же время характерный местный овал лица с большими задумчивыми глазами и ласковой полуулыбкой маленького рта говорят о том, что это не просто ангелы, но ангелы северные, устюжские, и что неизвестный художник сумел в эти вдохновенные творения вложить свою большую мечту о подлинной красоте человека.

На первый взгляд кажется, что в великолепной скульптуре Троице-Гledenского иконостаса не осталось и следа от условности и наивности ранних произведений, однако как ангелы, так и евангелисты явно унаследовали от архаики ту одухотворенность образов, в которой и заключался весь секрет обаяния ранних памятников древнерусского изобразительного искусства.

Детская игрушка представляет интересную разновидность народной деревянной скульптуры, которая зародилась в глубокой древности и всегда была неотъемлемой частью быта. Выполняли игрушку обычно мастера-самоучки из простейших подручных материалов. Поэтому в игрушке, так же как в утвари и в предметах домашнего обихода, веками жили народные традиционные образы, а сама игрушка при свойственной ей условности и наивности всегда необычайно выразительна и несет на себе печать острой наблюдательности и здорового народного юмора.

Характерный пример устюжской детской игрушки — большой деревянный конь, хранящийся в местном краеведческом музее. Общая трактовка фигуры крайне упрощена и стилизована, но вместе с тем здесь остро подмечены характерные черты этого молодого, резвого коня с высокими, стройными ногами, красивой, круто выгнутой шеей и выразительным силуэтом. Расписана игрушка очень лаконично и в то же время нарядно: по общему черному фону красной, синей и белой красками дан тонкий орнаментальный рисунок сбруи и гривы. Подобные игрушки получили в Великом Устюге широкое распространение и представляют собой одну из интереснейших страниц местного художественного фольклора.

Резьба по бересте от прочих художественных промыслов отличалась сравнительной простотой обработки, дешевизной и изобилием материала, большими декоративными возможностями. Поэтому она нашла широкое применение в убранстве самых разнообразных изделий: шкатулки, ларцы, туески («бурачки») и пр. Сквозное, ажурное кружево из бересты устюжские мастера накладывали обычно на яркий цветной фон из ткани, фольги или бумаги, что позволяло добиться высокого декора-

тивного эффекта. Основным центром художественной обработки бересты уже в XVIII в. становится деревня Курово-Наволоок, расположенная близ Устюга на речке Шемоксе, а лучшим мастером этого промысла был И. А. Вепрев, который за свои удивительные шкатулки имел десять медалей и дипломов, в том числе и почетный диплом Всемирной Парижской выставки 1900 г.

Резьба по бересте относится к немногим устюжским художественным промыслам, получившим свое дальнейшее развитие в наши дни, когда лучшие традиции народного декоративного искусства оживают в творчестве современных шемогодских мастеров, изделия которых пользуются широкой известностью не только в нашей стране, но и за рубежом.

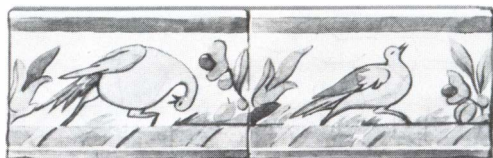
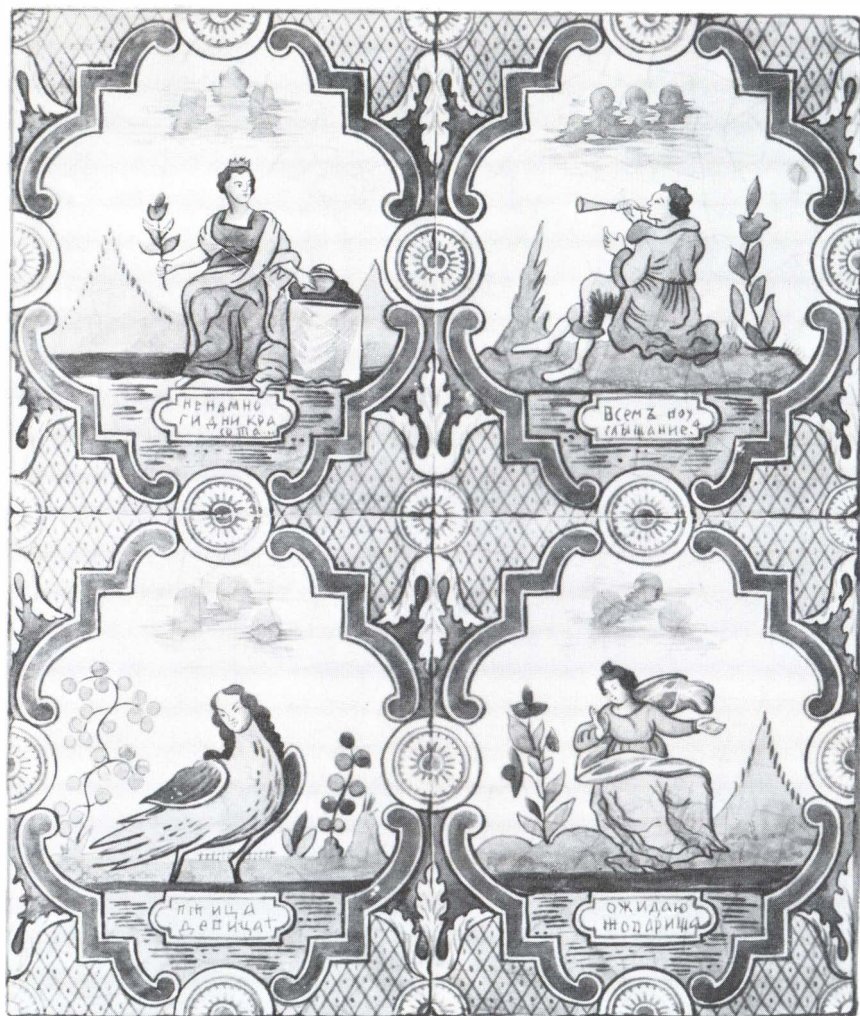
Роспись по дереву и бересте широко применялась устюжскими народными мастерами для декоративного убранства самых разнообразных изделий. Но особенно широко полихромная роспись использовалась для украшения прялок, которые не уступали знаменитым северодвинским ни по изобретательности узорной орнаментики, ни по красоте цветового решения. Все поле гребня прялки обычно отделялось затейливыми узорами растительного орнамента, который переплетался с изображениями разнообразных «сиринов», «див» и других сказочных фольклорных образов. Нередко в общую композицию включались также и забавные сюжетные сценки: гуляния, чаепития, народные пляски, охота и пр. Применяя в росписи яркие и звучные тона, устюжские мастера отдавали предпочтение красному цвету и пользовались тертыми на яичном желтке так называемыми иконными красками. В настоящее время в музеях нашей страны сохранилось немало устюжских росписных изделий, которые поражают богатством форм и красок, прихотливой затейливостью орнамента и свидетельствуют о блестящем мастерстве неизвестных нам народных художников прошлого.

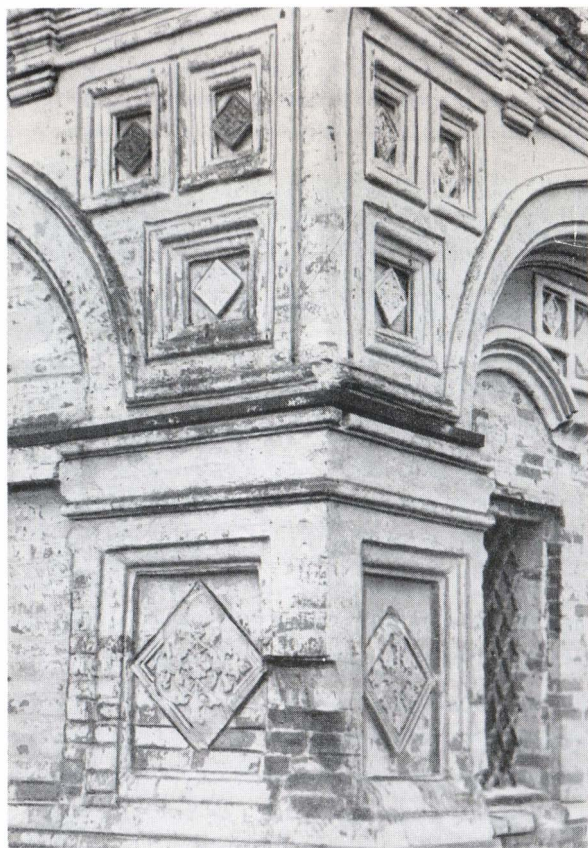
Декоративная керамика

Архитектурная облицовочная керамика относится к числу древнейших декоративных материалов, но своего наивысшего расцвета она достигла в XVII—XVIII вв. В это время Великий Устюг становится одним из крупнейших в Северном крае центров развития декоративной керамики, которая сочетала высокие художественные качества с блестящей техникой исполнения и приобрела решающее значение в наружном и внутреннем убранстве каменных зданий. Таким образом, керамика составила неотъемлемую часть архитектуры своего времени. Поэтому общий обзор устюжского каменного зодчества не может претендовать на полноту без анализа основных форм и приемов использования этого замечательного декоративного материала.

Фасадная облицовочная керамика была основной формой устюжской декоративной керамики, а начало ее может быть отнесено к середине XVII в., когда освоение нового строительного материала — кирпича вызвало поиски новых архитектурных форм и декоративных приемов убранства культовых зданий. В связи с природными особенностями русского Севера, где солнечных дней бывает так мало, мастера обращаются

Расписные многоцветные сюжетные изразцы середины XVIII в.

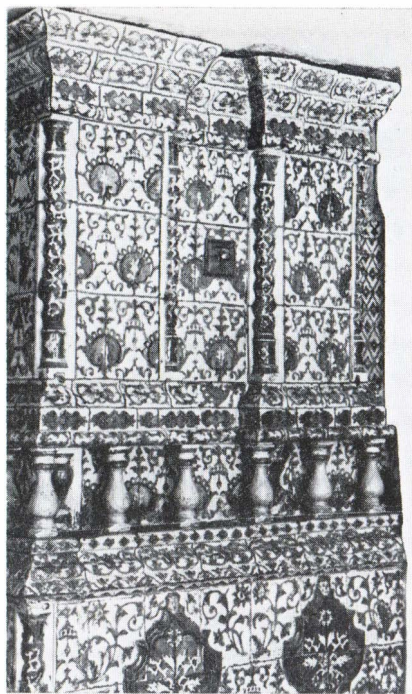

Глазурованные зеленые (муравленые) изразцы середины XVII в. (придел Всех Святых церкви Вознесения)

Изразцовая печь в доме Шляпиных

Изразцовая печь в бывшем доме Захарова

к цвету, для восприятия которого рассеянное освещение создает наилучшие условия. Вот почему многоцветная облицовочная керамика получила здесь такое широкое применение, а самые формы ее приобрели особую декоративность и цветовую насыщенность.

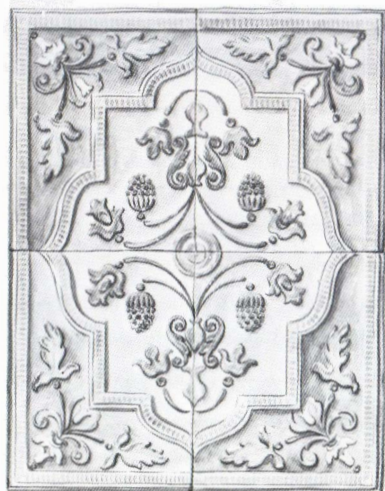
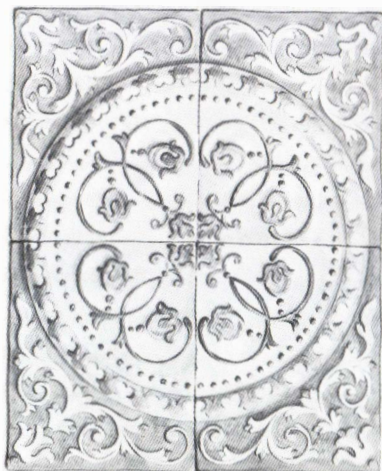
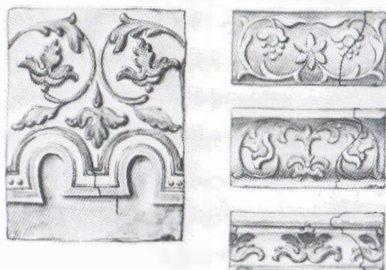
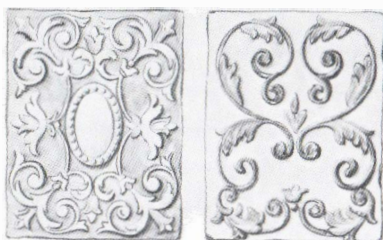
Керамическими деталями мастера XVII в. подчеркивали главные элементы храмов: окна алтарных апсид, входы, барабаны центральных глав и т. п. Использование изразцов в горизонтальных членениях, таких, как пояса и фризy, способствовало более четкому выявлению пропорционального и масштабного строя здания. Керамическая облицовка играла также важную градостроительную роль, обеспечивая контрастное цветовое выделение культовых сооружений среди рядовой деревянной жилой застройки. И, наконец, устюжские мастера применяли изразцы с большим чувством меры, благодаря чему они сверкают особенно ярко и, подобно драгоценности, украшают спокойное поле побеленных кирпичных стен. Преднамеренная скромность в их использовании обусловлена всем характером устюжского искусства XVII в., где никогда не было чрезмерного увлечения декоративными элементами и где, в отличие от столичных построек, господствовали простота и умеренность.

Печные изразцы

А — печные ценнинные изразцы конца XVII в.; **Б** —

расписной печной изразец середины XVIII в.; **В** — профильные печные изразцы

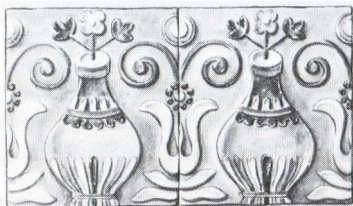
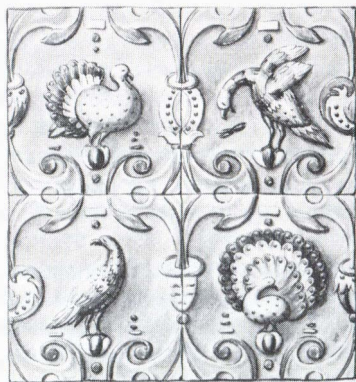
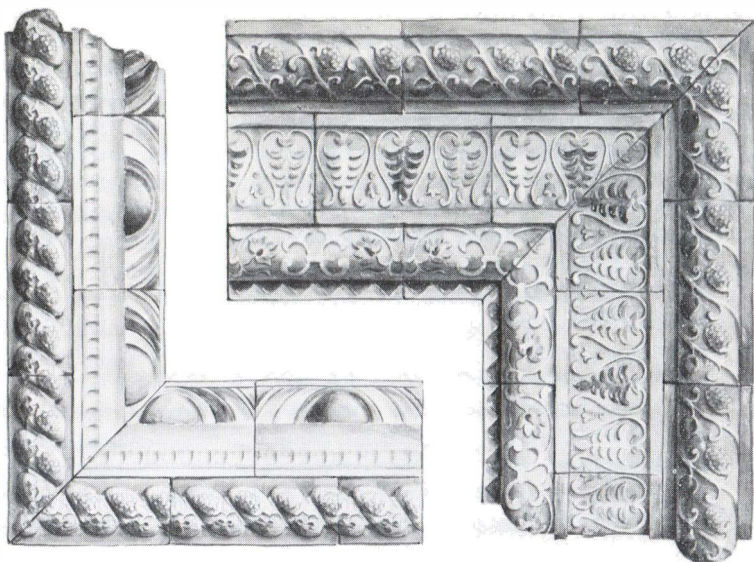
Примеры печных раппортов, составленных из четырех ценнинных изразцов

Изразцовые наличники собора Иоанна Устюжского

Ценные фасадные изразцы конца XVII в. (церковь Спасо-Преображенская)

Фасадный раппорт из ценных изразцов конца XVII в. (церковь Спасо-Преображенская)

Бесполивная терракота («красные» изразцы) представляет наиболее ранний и простой тип декоративной керамики, технология производства которой была аналогична изготовлению кирпича. Древнее производство «красных» изразцов было обнаружено при раскопках на улице Красной. Терракотовые плитки оттискивали в резных деревянных формах, поэтому они обычно украшены типичной для резьбы по дереву рельефной розеткой-звездочкой. Плитки этого типа вставляли в кирпичные ширинки, образующие сплошные ширинчатые пояса, весьма типичные для наружного убранства устюжских храмов 60—80 годов XVII в.: фасады Владимирской надвратной церкви и переходов Михайло-Архангельского монастыря, галереи собора Троице-Гледенского монастыря, нижняя часть колоколен Успенского собора и др. А наиболее поздний вариант терракотовых вставок с розетками представлен в убранстве фасадов корпуса братских келий Михайло-Архангельского монастыря. Беспололивая «красная» керамика в сочетании с фигурным формованным кирпичом широко использовалась и в композициях великолепных устюжских керамических порталов в Сретенско-Мироносицкой церкви, в Дмитриевской церкви села Дымково, в надвратной Владимирской церкви Михайло-Архангельского монастыря и др.

Глазурованные изразцы (зеленые или муравленные) — второй вид ранней устюжской декоративной керамики. Технология их производства была аналогична изготовлению терракоты и отличалась от последней лишь обработкой лицевой поверхности изделия стекловидной свинцовой глазурью с добавлением окиси меди, что давало после обжига глазурованную поверхность зеленого цвета. В облицовке юго-западного угла придела Всех Святых церкви Вознесения сохранились самые ранние из известных нам устюжских глазурованных зеленых изразцов, которые имеют квадратную форму и, подобно простейшим терракотовым плиткам, вставлены в кирпичные ширинки. Один из них украшен орнаментом растительного характера и очень близок по общей трактовке к беспололивной керамике раннего типа. Но особенно интересен сюжетный изразец, на лицевом поле которого дано рельефное изображение батальной сцены, где вооруженные луками, копьями и пушкой воины с развевающимся знаменем «идут на приступ». Профильные зеленые изразцы нашли применение в облицовке наличников окон алтарных апсид собора Троице-Гледенского монастыря, Власьевской церкви и др.

Многоцветные изразцы — основной вид устюжской облицовочной керамики периода ее расцвета. От ранних видов керамики многоцветные изразцы отличались обработкой лицевой поверхности изделия непрозрачными эмалями, изготовленными на основе окиси олова (zinn), откуда и происходит название многоцветных изразцов — «ценинные» или «эмалевые». Полихромность этих эмалей достигалась путем добавления окисей различных металлов, в результате чего мастера имели в своем распоряжении пять цветов: четыре эмали — зеленую, синюю, желтую и белую, а также прозрачную глазурь, которая давала дополнительно красно-коричневый цвет естественной поверхности обожженной глины. Преобладает в этой цветовой гамме обычно звучный и яркий изумрудно-зеленый цвет, использованный в качестве фона. Новая технология обработки поверхности изделий привела к замене высокого «под-

глазурного» рельефа более низким «эмалевым», имеющим вогнутую «ложечкообразную» поверхность, что позволяло сохранить четкость рисунка и избежать стекания красок.

С развитием новых видов облицовочной керамики принципиально меняются характер рисунка изразцов и основные приемы их использования в убранстве зданий. Так, если на ранних этапах развития каждый изразец представлял собой замкнутую, законченную композицию и применялся как самостоятельная деталь (церковь Вознесения, постройки Михайло-Архангельского и Троице-Гледенского монастырей), то позднее рисунок свободно переходит с изразца на изразец, благодаря чему обособленные изразцы сливаются в сплошные пояса и фризы, ярким ожерельем обнимающие объемы здания, а ширинчатые вкрапления объединяются в общую композицию и образуют крупные декоративные вставки-раппорты (церкви Спасо-Преображенская, Мироносицкая, Дмитриевская в Дымкове и др.). При этом формы рисунка укрупняются, приобретают большую четкость и обобщенность, а умело найденный масштаб изображения всегда рассчитан на восприятие как с ближних, так и с дальних расстояний.

Широко распространены были в Устюге многоцветные изразцы, украшенные яркими сказочными птицами в разнообразных сложнофигурных рамках. Однако излюбленной темой местной орнаментики всегда были различные вазы со стилизованными цветами в прихотливых завитках растительного орнамента. При этом вся композиция облицовки строится на принципе ритмической повторяемости узора. Кроме того, путем варьирования расцветки изразцов и различной их компоновки устюжские мастера, при сравнительно небольшом количестве форм и рисунков, добивались впечатления удивительного разнообразия и богатства облицовки.

Период расцвета устюжской декоративной керамики продолжался около ста лет: с середины XVII до середины XVIII в., когда изразцы нашли широкое применение в убранстве фасадов каменных храмов. Среди них особое место занимает Спасо-Преображенская церковь, которую можно назвать подлинным музеем устюжской многоцветной фасадной керамики.

Печные изразцы широко применялись по всей Руси уже в глубокой древности. Устюжские печи на раннем этапе украшали обычно плитками бесполойной «красной» терракоты, на смену которым пришли зеленые, а затем и многоцветные изразцы. В XVIII в. изразцы постепенно уходят с фасадов и превращаются в главный элемент убранства интерьера культовых, гражданских и жилых зданий. До наших дней прекрасные изразцовые печи сохранились в Сергиевской церкви села Дымково, Тихвинской церкви Троице-Гледенского монастыря, в корпусе братских келий Михайло-Архангельского монастыря, в домах Шилова, Павловых, Бызовых, Шляпиных и в других постройках Великого Устюга.

Многоцветные рельефные изразцы получили широкое применение для облицовки устюжских печей первой половины XVIII в. Украшались такие изразцы традиционным растительным орнаментом, при этом мелкий и нейтральный фоновый узор в общей композиции печи обычно чередуется с крупными раппортами, заключенными в сложнофигурные

рамки типа картушей и медальонов. Общий масштаб рисунка здесь всегда соразмерен с габаритами интерьера и самой печи, поэтому он более измельчен и детализирован, чем крупномасштабные фасадные изразцовые композиции. Необходимую принадлежность каждой печи составляли многочисленные профильные изразцы и фигурные детали: колонки, «гребешки», арочки, пояски, «ноги», «городки», «подзоры», «углы» и т. п.

Цветовое решение устюжских изразцовых печей обычно построено на сочетании изумрудно-зеленой, белой и желтой красок, иногда дополненных синей и коричневой. А в целом такая печь с ее яркой расцветкой и богатым растительным орнаментом в течение долгих северных зим как бы служила напоминанием о теплом и цветущем лете и становилась главным украшением интерьера.

Плоские расписные изразцы во второй половине XVIII в. быстро входят в моду и представляют новый тип устюжской печной облицовочной керамики «на голландский манер». Постепенно с изразцов исчезают рельеф и цветная полива, которые теперь заменяются росписью по гладкой поверхности, вначале синей краской по белому фону. Затем число красок увеличивается и, кроме синего, в росписи проявляются также зеленый, желтый и фиолетово-коричневый цвета. На смену растительному орнаменту приходит сюжетная роспись, которая изображает жанровые сценки, охоту, сбор плодов и овощей, семейный быт, военные действия, игры и пляски, любовные сценки, быт чужеземных народов, иллюстрации к известным поговоркам и т. п. Все сюжетные изразцы, как правило, снабжены подписями иногда глубокомысленного и нравоучительного, но чаще трогательно-наивного и даже курьезного содержания. В связи с этим в изразцовом убранстве печей начинает преобладать иллюстративное начало. Росписные сюжетные изразцы необходимо было длительно рассматривать и «читать», как книгу, в результате чего печь из декоративного украшения интерьера превратилась в своего рода сборник любопытных народных картинок и в своеобразное развлечение для семьи, которая возле такой печи коротала долгие зимние вечера.

К середине XIX в., в связи с новыми стилевыми особенностями, многоцветную керамику сменяют гладкие белые кафли. Таким образом,

период расцвета устюжской декоративной керамики продолжался примерно около двух столетий и был неразрывно связан с общим подъемом местного каменного строительства.

В заключение следует отметить, что в различных уголках страны нередко встречались рисунки изразцов, аналогичные устюжским. Судить о причинах такого совпадения затруднительно, поскольку вопрос об основных путях распространения навыков русского ценного дела еще недостаточно изучен. Однако можно предполагать, что из главных центров производства изразцов (Москва, Иверский Валдайский и Ново-Иерусалимский монастыри) лучшие образцы распространялись по всей стране. Вот почему устюжские изразцы по общему решению нередко напоминают столичные, однако неизменно отличаются от последних в трактовке деталей и представляют свободный, творчески переработанный вариант этих образцов. В то же время основная масса устюжской керамики, и особенно замечательные печные изразцы, служат примером самостоятельных оригинальных местных композиций.

И, наконец, необходимо отметить, что в настоящее время старые печные изразцы лежат в неразобранном виде на чердаках и в кладовых многих устюжских домов, а фасадные изразцы — и красные, и зеленые, и многоцветные — скрыты под толстым слоем поздней побелки, а их декоративный эффект полностью утрачен. В связи с этим данный раздел работы не претендует на полноту охвата рассматриваемой темы, а устюжская керамика еще ждет профессионального исследования.

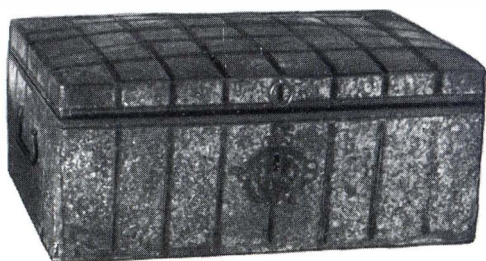
Художественный металл

В отличие от резьбы по дереву и от производства декоративной керамики, в изобилии обеспеченных местным сырьем, художественная обработка металла была основана на привозном сырье из ближайших районов Северного края и Приуралья. Поэтому расцвет этого художественного промысла относился к XVII—XVIII вв. и неразрывно связан с подъемом устюжского рынка, где «кричное» железо, чугун, медь и серебро становятся предметами оживленной торговли. Но особенно широкое развитие получило в Великом Устюге ювелирное дело, которое превратилось в одну из основных форм художественной обработки

*Лубяные ларцы, украшенные
просечным железом снаружи
и росписью внутри*

*Шкатулки, украшенные «мо-
розом по жести»
и росписью внутри*

Фрагмент южного входа
Спасо-Преображенской це-
ркви. Дверь украшена кова-
ным металлом, столбы на-
веса — чугунные литые

Серебряные сканые изделия
XVIII—XIX вв., так называ-
емая филигрань

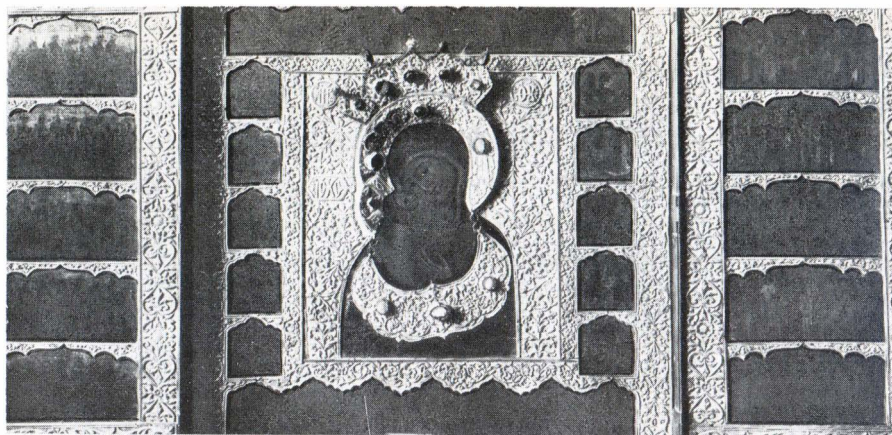

**Описание
Вологодской губернии**

Вологодская губерния имѣеть свое положе-
ніе 65 в. до 65 градусовъ северной широты и 40 в. 57.
до 79 градусовъ долготы вней 12 городовъ авоной состоятъ
и мѣст испроениевъ асименно въ Вологодѣ купцовъ 688 мѣщанъ
116-всехъ обитающихся 3256 церквей 4 табуны итмскій домовъ каменныхъ 41.
деревянныхъ 1372 казенныя строениевъ каменныхъ деревянные 2, давуезде онаго
города различно ведомства крестьянъ 32945 душъ врязовцы купцовъ 62 мѣща-
381-всехъ обитающихся 610-церквей 2-обывательскихъ домовъ каменныхъ 8
деревянныхъ 392 казенныхъ строеній каменныхъ 1-деревянныхъ 3-давуезде
онаго города различно ведомства крестьянъ 32835 душъ 68 мѣщановъ купцовъ
25 мѣщанъ 88-всехъ обитающихся 263 церквей 2-обывательскихъ деревянныхъ
домовъ 101-казенныхъ, деревянныхъ строениевъ 1- въ томъ же купцовъ 109-мѣщанъ
1038-всехъ обитающихся 1294 церквей 12-обывательскихъ домовъ каменныхъ 4
деревянныхъ 669 казенныхъ строениевъ каменныхъ 2-деревянныхъ 2-давуезде
онаго города различно ведомства крестьянъ 27308 душъ въ вельске купцовъ 10 мѣщанъ
69-всехъ обитающихся 179 церквей 3-обывательскихъ деревянныхъ домовъ 83-
казенныхъ, деревянныхъ строеній 3-давуезде онаго различно ведомства крестьянъ
29884 души вдушное великомъ купцовъ 358 мѣщанъ 2543-всехъ обитающихся 1821-
4009 церквей каменныхъ 27-обывательскихъ домовъ каменныхъ 24-деревянныхъ 1821-
казенныхъ строениевъ каменныхъ 2-деревянныхъ 4-давуезде онаго города различно
ведомства крестьянъ 28742 души въ соли вывездскѣ купцовъ 20 мѣщанъ 321-
всехъ обитающихся 712 церквей каменныхъ 9-обывательскихъ домовъ каменныхъ 2
деревянныхъ 293 казенныхъ строениевъ 1- давуезде онаго города различно ведомства
крестьянъ 28084 души въ никольскѣ купцовъ 9 мѣщанъ 162-всехъ обитающихся 320
церквей каменныхъ 1-обывательскихъ деревянныхъ домовъ 15-давуезде онаго города
различно ведомства крестьянъ 32377 душъ въ Яренскѣ купцовъ 38 мѣщанъ 269-всехъ
обитающихся 477 церквей каменныхъ 2-деревянныхъ 3-обывательскихъ деревянныхъ
домовъ 136-казенныхъ строениевъ 5-давуезде онаго города различно ведомства кресть-
яны 12130 душъ въ устьвельскѣ купцовъ 34 мѣщанъ 834-всехъ обитающихся 1- дере-
995 церквей каменныхъ 2-деревянныхъ 1-обывательскихъ домовъ каменныхъ 1- дере-
995 церквей 429-давуезде онаго города различно ведомства крестьянъ 15144 души
въ везузднхъ городахъ въ дальскѣ купцовъ 13 мѣщанъ 377-всехъ обитающихся
68 церквей 0-обывательскихъ, деревянныхъ домовъ 196-казенныя строениевъ 3
въ Краскогорскѣ купцовъ 28 мѣщанъ 185-всехъ обитающихся 191 церквей 1-обыв-
ательскихъ, деревянныхъ домовъ 112- да въ верховъ вождскомъ по селѣ купцовъ 35
мѣщанъ 154 церквей 1-обывательскихъ, деревянныхъ домовъ 1- всево 6660
Вологодской губернии купцовъ 1422 мѣщанъ 8108 различно ведомства крестьянъ
273577 душъ монашескаго мужескихъ 16-женскихъ 2-церквей кроме гра-
дѣкохъ каменныхъ 186-деревянныхъ 704-посадъ 1-свободъ 7-сель 255-
твое стовъ 342-селецъ 30-4-деревень 11182-фабрикъ бумажныхъ 2-
заводовъ соляныхъ 3-железныхъ 3-разныхъ угодіи Земли подло
селеніемъ 21647-десятины 1123-саженей пашни 73920-де-
сятинъ 2254-саженей покосу 379005-десятинъ 669-
саженей лѣсу 32912764-десятинъ 1092-саженей ме-
удрности 105782-десятинъ 785-саженей =
всево 35110520-десятинъ 1723-ка
дратныя саженику

вированной поверхности серебряного изделия специальным химическим составом «черни», которая после обжига и полировки дает графичный черновой рисунок. Устюжские мастера-ювелиры в совершенстве владели этим сложным технологическим процессом, а «секрет» изготовления своей особенно глубокой по тону и прочной черни они передавали по наследству. Лучшими ювелирами на раннем этапе здесь были И. Жилин, М. Климшин, А. Мошнин, работы которых отличаются особой тонкостью штриха и изяществом композиции.

Серебряный посох епископа Варлаама, хранящийся в Вологодском краеведческом музее, был выполнен мастером М. Климшиным в 1750 г.

и является одним из лучших среди ранних произведений устюжских ювелиров, а стилевые особенности середины XVIII в. выражены здесь особенно ярко. Необычно красивая по тону и изысканная по рисунку графичная и контрастная чернь здесь гармонично сочетается с чеканным орнаментом по серебру и рельефно-скульптурными изображениями. Изделие обладает большой живописностью и типичным для барокко декоративным богатством форм, различных приемов и материалов.

В XIX в. в творчестве устюжских ювелиров появляются новые приемы, отвечающие вкусам эпохи классицизма. В это время форма изделий упрощается, рисунок приобретает четкость и графичность; на смену затейливым орнаментам все чаще приходят строгие композиции; появляются изображения архитектурных памятников, городских панорам, географических карт. Среди сюжетов самым излюбленным было изображение панорамы Великого Устюга со стороны Сухоны. Эту панораму в различных вариациях и на разных изделиях устюжане-ювелиры изображали около ста лет. Особенно ярко новые стилевые черты проявились в творчестве потомственных местных мастеров черного дела Жилиных, И. Островского, Ф. Бушковского и др.

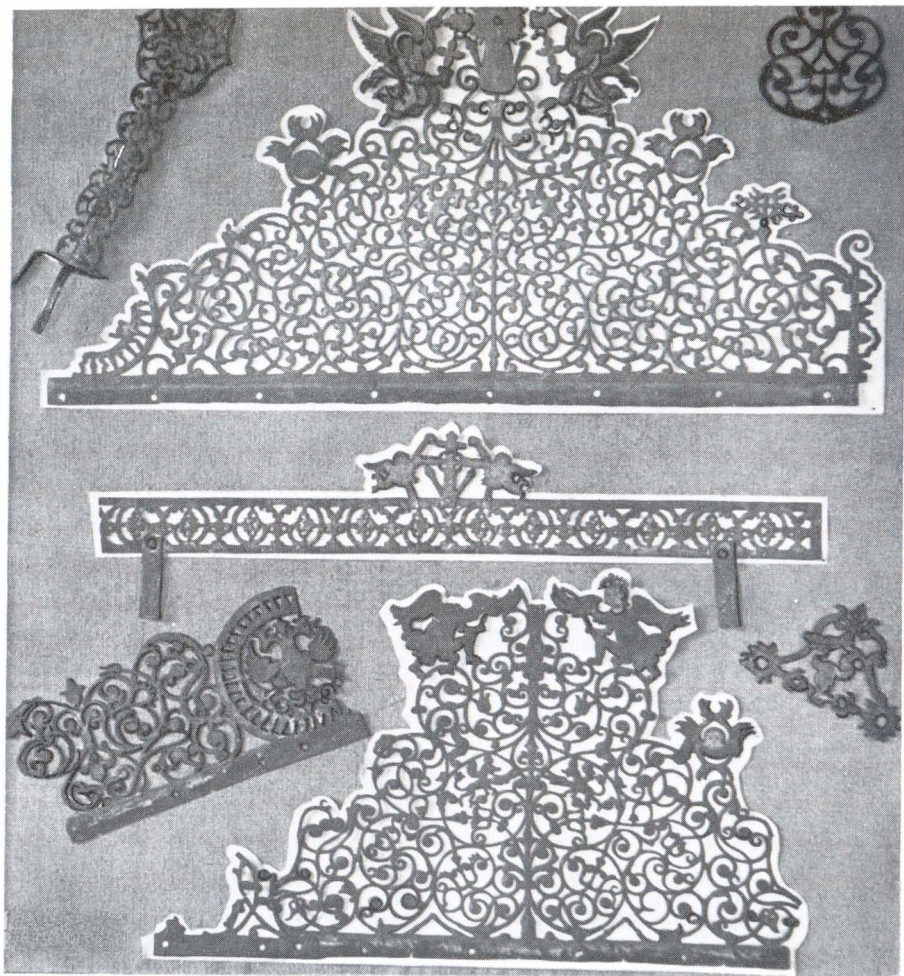
К середине XIX в. устюжское черное дело сокращается. Лучшим мастером этого позднего периода был М. Кошков, который украшал черневые изделия видами Великого Устюга и разнообразным растительным орнаментом. Эти приемы Кошков передал своему ученику и внуку Михаилу Павловичу Чиркову, который широко использовал их в разнообразных орнаментальных композициях, не отказываясь, однако, и от традиционного изображения панорамы Великого Устюга и украшая видами города многочисленные браслеты, линейки, ножи для разрезания бумаги, сальфеточные кольца и броши.

Просечное железо. Фрагменты и детали украшений XVII—XVIII вв.

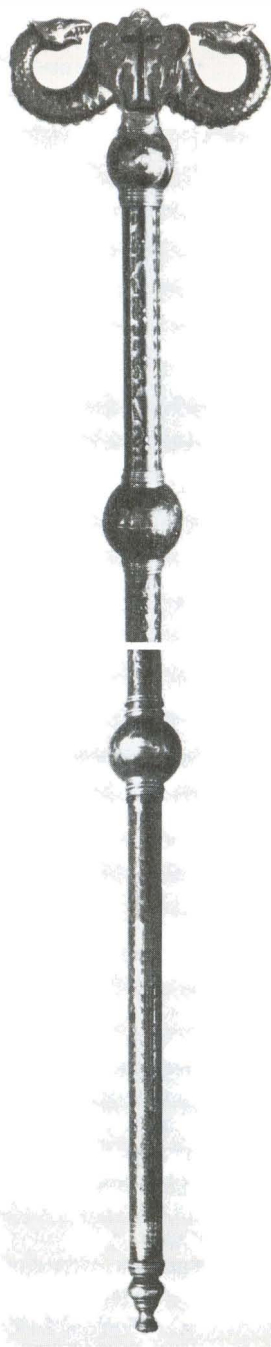
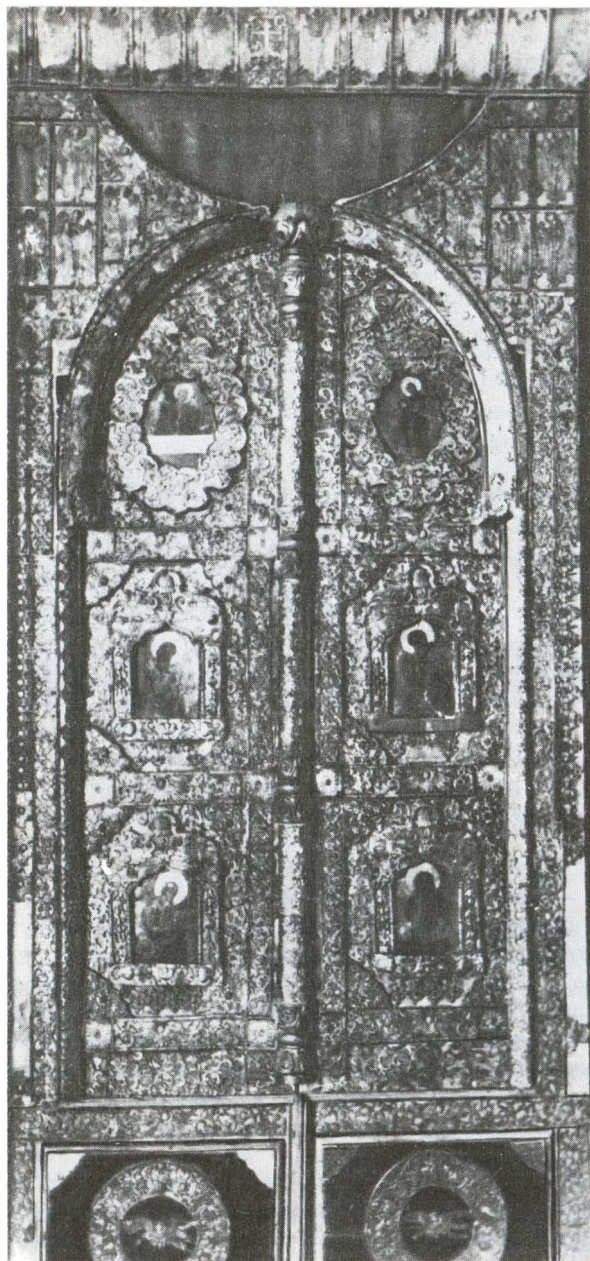
Царские врата иконостаса Владимирской надвратной церкви Михайло-Архангельского монастыря. Украшены

просечным железом, наложенным на фон из коричневой фольги. Конец XVII в.

Важную роль сыграл М. П. Чирков в дальнейшей судьбе черного искусства. В течение нескольких десятилетий, являясь последним и единственным мастером, владевшим «секретом» черни, он после Великой Октябрьской социалистической революции передал свой опыт молодым мастерам вновь основанного устюжского предприятия «Северная чернь». Благодаря этому замечательное искусство чернения по серебру не было утрачено, и в настоящее время оно является одним из основных и своего рода уникальных народных художественных промыслов, получивших

Серебряный с чернью посох епископа Варлаама. Выполнен мастером Михаилом Климиным в 1750 г.

дальнейшее развитие в талантливых произведениях современных устюжских мастеров-ювелиров.

Изделия устюжской «Северной черни» завоевали популярность не только в нашей стране, но и за рубежом: они экспонировались на Всемирных выставках в Париже, Брюсселе, Монреале, Нью-Йорке, Осака и обошли многочисленные международные ярмарки. Важную роль в истории «Северной черни» сыграл художник Е. П. Шильниковский, которому за выдающиеся заслуги в развитии декоративно-прикладного искусства присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Финифть и филигрань получили широкое применение в убранстве культовых и бытовых изделий и достигли своего расцвета в середине XVIII в., когда мастера этого профиля были объединены на устюжской ювелирной фабрике Поповых. Техника финифтяной работы заключалась в нанесении на поверхность металлического изделия огнеупорной эмали, которая после обжига давала блестящую стекловидную, многоцветную поверхность. Материалом для изготовления филиграни служила тончайшая серебряная, золотая или медная проволока крученая или «сканая», откуда и произошло второе название этой техники — «скань». В местах соединения проволочки припаивались друг к другу, образуя сложное металлическое кружево, а сама эта техника требовала исключительной тонкости выполнения. Вот почему выражение «филигранная работа» издавна стало выражением нарицательным.

Нередко финифть и филигрань применялись совместно и были объединены одним общим приемом так называемой эмали по скани. А во второй половине XVIII в. начинает применяться очень эффективная и сравнительно несложная техника кистевой росписи эмалевыми красками. В связи с развитием эмалевой росписи филигрань-скань снова, как в древности, приобретает самостоятельное значение. Вместе с тем возрождаются и основные приемы ее орнаментального решения с ритмическим чередованием спиралевидного узора из фантастических цветов, ягод, завитков и листьев. Так в замечательных филигранных изделиях русского Севера оживают раннемосковские «травные узоры», отмеченные особым изяществом рисунка и большой ритмичностью построения орнамента.

Чеканый металл и просечное железо получили в Великом Устюге широкое развитие в XVI—XVIII вв., а устюжские мастера зарекомендовали себя замечательными специалистами по изготовлению так называемого выпуклого, рельефного чекана, который они выполняли с ювелирной тонкостью, независимо от применявшегося материала: золото, серебро, медь или простое железо. Чекан по металлам обычно применялся совместно с другими видами ювелирного искусства, дополняя рельефными деталями черное серебро, финифть или филигрань. Нередко однако он выступал и как самостоятельный вид художественной обработки металла и использовался в основном для украшения иконных окладов, крышек евангелия и др.

Одним из интересных местных художественных промыслов было так называемое просечное железо, сохранившиеся образцы которого свидетельствуют о подлинно виртуозном мастерстве устюжских умель-

цев, просекавших вручную тонкие металлические листы затейливыми ажурными узорами. Применялось просечное железо для изготовления окладов икон, свесов и гребешков железных крыш, замочных щитов и разнообразных накладок на сундуки и двери, ларцы и шкатулки, где обычно ажурное просечное железо наложено на красный или синий фон.

Самым ярким примером искусной обработки местными мастерами обычного белого железа служат великолепные царские врата, принадлежавшие старому иконостасу Владимирской надвратной церкви Михайло-Архангельского монастыря, а в настоящее время экспонирующиеся в Велико-Устюжском краеведческом музее. Металлическое кружево здесь наложено на коричневый фон, покрытый золотистой слюдой, и обрамляет иконописные клейма. Эти врата — одни из лучших памятников устюжского декоративного искусства, они представляют собой уникальный пример блестящего использования просечного железа в убранстве интерьера культового здания.

Художественное литье и кованный металл в XVI—XVIII вв. превратились в одну из ведущих отраслей местного производства, а устюжские

литейщики и кузнецы успешно соперничали с ювелирами, не уступая последним в тонкости и изяществе отделки изделий. Одним из основных приемов обработки черных металлов было крупное литье и, в частности, изготовление пушек и церковных колоколов, превосходных по «звонкости» и художественной отделке. Прекрасными литыми чугунными плитами выложены пол в Прокопьевском соборе и проступи наружной лестницы террасы в церкви Симеона Столпника, а входы в Спасо-Преображенскую церковь получили форму легких металлических навесов, опирающихся на витые чугунные колонки. В интерьерах зданий широко применялись печные дверцы и вьюшки, представляющие пример тонкого и искусного художественного литья.

Устюжские кузнецы показали себя подлинными виртуозами своего дела в изготовлении металлических крестов для многочисленных церквей, колоколен и часолен, накладок на двери и сундуки, а также типичных для XVIII в. сложнофигурных церковных глав, которые устанавливались на обручах и железных дугах. Но ярче всего замечательное искусство устюжских кузнецов отображено в кованных решетках жилых и культовых зданий, среди которых особого внимания заслуживают великолепные решетки середины XVII в., сохранившиеся в старых окнах придела Всех Святых церкви Вознесения, и в нижнем окне западного крыльца переходов Михайло-Архангельского монастыря.

Мороз по жести представляет собой очень любопытный местный художественный промысел, техника которого заключалась в особой химической обработке поверхности жестяного изделия кислотами под воздействием высокой температуры. В результате поверхность приобретала своеобразную декоративную фактуру, напоминающую узоры замерзшего оконного стекла. В XVIII и особенно в XIX в. «мороз по жести» использовался в качестве убранства прославленных устюжских сундучков и шкатулок, широко распространенных по всей России, а также известных и за границей. Выдающимися мастерами этого уникального местного промысла были Н. Насоновский, братья Старковские и Цыбасовы, П. А. Сосновский и др.

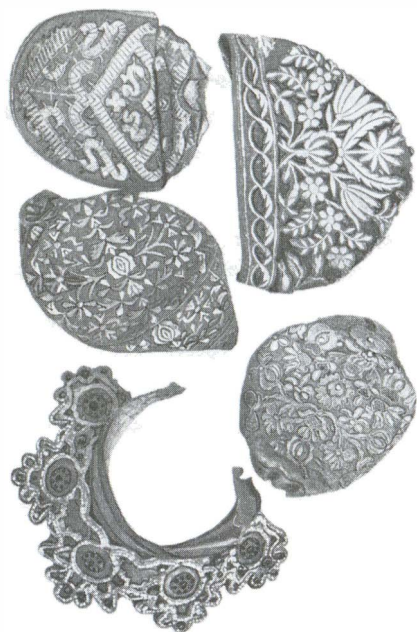
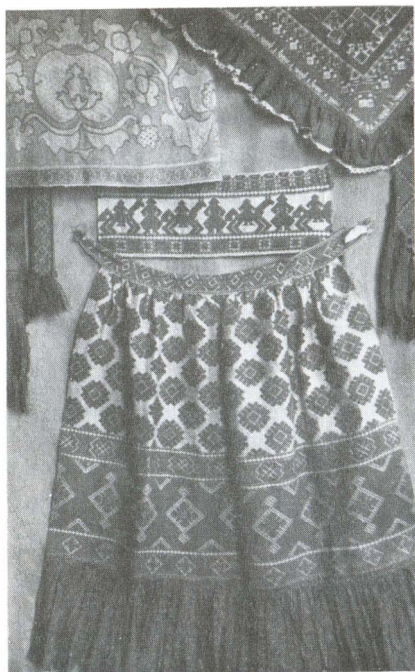
Народные ткани, художественное шитье

Яркий образец женского художественного творчества представляют разнообразные виды декоративного народного шитья и изготовления различных тканей, кружев и вышивок, которые в Великом Устюге развиваются на основе местного материала — льна, снискавшего широкую известность как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Одной из основных форм художественной обработки льна было так называемое «браное» тканье из многоцветной льняной пряжи. Рисунок таких тканей носил геометрический характер и был основан на изображении орнаментальных растительных мотивов, стилизованных животных, птиц, всадников и забавных человеческих фигурок, называемых «ефимками». Преобладающим цветом всегда был ярко-красный, получивший широкое применение в самых разнообразных видах северного народного искусства. В XVIII в. трудоемкое браное тканье постепенно

Народное «браное» узорное
тканье (концы полотенец,
пояса, косынка, фартук)

Художественное шитье. Жен-
ские головные уборы

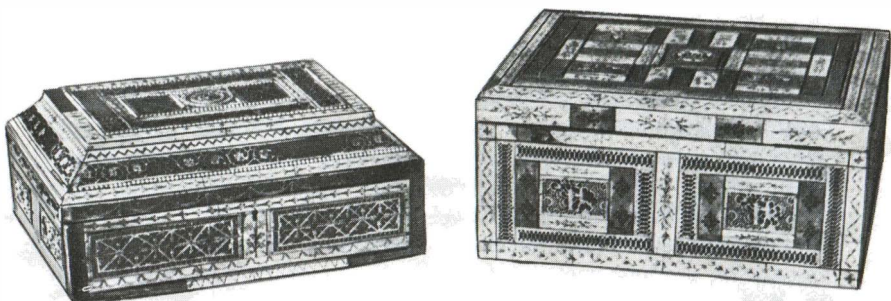
вытесняется более простой техникой набойки, которая давала почти неограниченные возможности для фантазии художников, переводивших на деревянные набойные доски, а с них на домотканый холст самые разнообразные орнаментальные мотивы. Таким образом, основным украшением народной одежды служила традиционная многоцветность, которая придавала костюму декоративную нарядность, соответствующую вкусу простого народа, метко называвшего свои яркие и пестрые ткани «пестрядью».

Костюм знати и духовенства отличался от народного костюма дорогой «заморской» основой (шелк, бархат, тафта и пр.) и богатством отделки золотым, серебряным, жемчужным шитьем и драгоценными камнями. Выстилая нитями «пряденого» золота и серебра большие орнаментальные плоскости, мастерицы создавали высокохудожественные многоцветные композиции. Но особое развитие получило при устюжском девичьем Спасо-Преображенском монастыре шитье так называемым северным жемчугом, который добывали во многих реках северного края и, в частности, в Северной Двине. Мягкая белизна и матовый блеск северного жемчуга были издавна опоэтизированы русским народом, как символ чистоты и святости, поэтому его использовали

Каменный резной крест. Вы-
полнен монахом Михайло-

Архангельского монастыря в
1625 г.

в основном для украшения богатых, праздничных девичьих одежд, головных уборов и различных предметов церковного обихода. В музеях нашей страны собраны богатые коллекции северного золотого и жемчужного шитья, основной темой которого обычно растительный орнамент, соответствующий стилю и художественным вкусам эпохи.

* * *

Каждого исследователя Великого Устюга неизменно поражает многообразие художественной культуры этого «города умельцев», где помимо рассмотренных художественных промыслов развивались также и многие другие, основанные как на местном, так и на привозном сырье. Среди последних особенно интересно искусство резьбы по кости, где местные мастера сумели создать серию прекрасных ларцов и шкатулок, не уступающих знаменитым холмогорским. Лучшие примеры устюжской резьбы по камню — прекрасный каменный крест, выполненный в 1626 г. для часовни святого Прокопия и резные каменные плитки придела Всех Святых церкви Вознесения.

В 20-х годах XVII в. устюжские часовщики Виричевы собрали и установили первые «бойные часы» на Спасской башне Московского Кремля. По всей Руси прославились также изделия устюжских замочников, горшечников, пуговичников и многих других мастеров, умевших простые утилитарные изделия превращать в высокохудожественные произведения. При этом устюжские мастера проявляли большую творческую изобретательность и, всегда тонко чувствуя особенности материала, создавали оригинальные, самобытные орнаменты и композиции. Таким образом, устюжские умельцы зарекомендовали себя замечательными мастерами своего дела и навсегда упрочили за Великим Устюгом славу одного из крупнейших на Руси центров народного художественного творчества.

Каждого путешественника, посетившего Великий Устюг, охватывает чувство эстетического подъема и того особого духовного обогащения, которое неизменно вызывается соприкосновением с великими памятниками архитектуры и искусства прошлого. Все эти памятники, начиная от общего, исторически сложившегося ансамбля города и кончая изделиями устюжских народных умельцев, являются ярким олицетворением русского национального гения и символом нашей высокой культуры. Вот почему Великий Устюг, подобно древнему Суздалю, старому Таллину и отдельным районам среднеазиатских городов, достоин стать городом-заповедником, бережно хранящим величайшие сокровища прошлого, которые представляют национальную гордость русского народа.

Грандиозный план развернутого строительства коммунизма в нашей стране предусматривает проведение ряда крупных мероприятий по оживлению и дальнейшему развитию всего Северного края. Самым непосредственным образом эти мероприятия отразятся и на судьбе Великого Устюга, который в перспективе представляется одним из крупных заповедных центров отечественного и зарубежного туризма с современными комплексами пансионатов, кемпингов, экскурсионных баз и с развитой индустрией туризма.

И, наконец, в заключение хочется сказать о творцах славной истории Великого Устюга и о создателях замечательной местной культуры — об устюжанах. Уже в период древнейшего освоения Севера в этот богатый, но суровый край отважились идти только самые смелые и выносливые. Так сложилось первоначальное население Устюга. На ранних этапах своего развития этот удаленный от центра и от великокняжеской власти город приобрел известную самостоятельность, что стало основой его самоуправления, вечового строя и типично северной «вольницы». В период сложения централизованного Русского государства устюжане выступают, как мужественные воины, самоотверженно боровшиеся за объединение разрозненных русских земель и сыгравшие решающую роль в присоединении к Москве многочисленных иноязычных северных народов. В XVI—XVII вв., когда изменилось историческое значение города, местные жители сбросили военные доспехи и превратились в искусных ремесленников и предприимчивых промышленников, а отважные устюжские землепроходцы первыми начали освоение новых богатых земель Сибири и Дальнего Востока. Так, устюжане сумели сочетать черты отважных воинов и расчетливых предпринимателей, кропотливых исследователей и талантливых художников. Весьма существенно также и то, что Устюг не знал иссушающего душу народа татарского нашествия, а его жители никогда негнули спину под ярмом крепостничества.

Все это способствовало развитию той особой самостоятельности и независимости, которая нашла свое яркое отображение в области

художественного творчества, где устюжане ревниво оберегали и последовательно развивали свои местные традиции. Так, в XIV в. они настойчиво выступили против верховного духовенства и отстаивали тот вариант Успенского собора, который отвечал их вкусам и установившимся художественным традициям. А в конце XVIII в. они упорно в течение 30 лет критиковали «конфирмованный» Екатериной II проект перепланировки города, пока не добились утверждения полностью удовлетворяющего их плана. Эти примеры наряду с многими другими свидетельствуют о том, что устюжане проявили себя большими патриотами родного города и никогда не были равнодушны к его историческим и художественным судьбам. Их приверженность к местной традиции обусловила ярко выраженное своеобразие всех видов искусства и архитектуры и стала основой самобытности устюжской художественной школы, которая наряду с другими областными школами сыграла важную роль в сложном процессе развития общерусской художественной культуры.

Взросленный веками патриотизм устюжан поможет им достойно сохранить для потомков все те величайшие и вечно живые сокровища прошлого, которыми так богат этот удивительный город.

* *
*

Все чертежи в книге выполнены автором на основе материалов государственных архивов (ЦГИАЛ, ЦГВИА, ВУА, ЦГАДА, Вологодского, Великоустюжского и др.), Великоустюжского краеведческого музея и Бюро инвентаризации с использованием летописных источников, межевых, писцовых и сотных книг XVII—XVIII вв.

Обмеры и фотографии памятников архитектуры и элементов декора кроме особо указанных выполнены автором в 1955—1962 гг. с использованием (в планах отдельных сооружений) материалов Бюро инвентаризации. Предложения по реконструкции некоторых гражданских зданий частично заимствованы из книги П. А. Тельтевского «Великий Устюг», изданной в 1960 г.

Фотографии произведений декоративного искусства выполнены Н. И. Кузнецовым в экспозиции и фондах Великоустюжского краеведческого музея в 1960—1962 гг. Обмеры изразцов выполнены автором.

В графическом оформлении оригинальных чертежей принимали участие архитекторы Е. В. Амосов и О. И. Жигалова.

Общее научное руководство в работе над первым изданием книги осуществил доктор искусствоведения, профессор А. В. Бунин.

¹ Батаков Н., Мансветова Е., Широков В. Великий Устюг. Вологда, 1960, с. 5—7.

² Такая редакция названия города встречается в кн.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950.

³ Ардашев. Летопись семисотлетнего существования города Великого Устюга.— Вологодские епархиальные ведомости, 1857, № 34; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.— Л., 1950, с. 49.

⁴ Титов А. А. Летопись Великоустюжская. М., 1889, с. 8—9; ПСРЛ, т. VII, 1856, с. 126.

⁵ Устюжский летописный свод, с. 47—48.

⁶ Бывший священник устюжского Успенского собора Стефан Пермский был направлен в район Вычегды ростовской епископией. Здесь он изучил язык коми, перевел на этот язык богословские книги, читал местному населению проповеди на его родном языке, открыл первые в этом крае школы, составил азбуку и заложил основы местной письменности.

⁷ Титов А. А. Летопись Великоустюжская, с. 28.

⁸ Приезжавшие в Россию иностранцы оставили многочисленные описания русских земель и торговых городов и, в частности Великого Устюга. Среди этих описаний особенно интересны сочинения Мейерберга, посетившего Россию в 1661 г. (см. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. М., 1874, с. 133—134).

⁹ Вот что рассказывает об этом грамота царя Алексея Михайловича верховгурскому воеводе М. Ф. Плещееву, от 21 сентября 1630 г.: «...велено на Вологоде, на Тотье, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской прибрати из вольных гулящих людей в Сибирь, в Тобольск, 500 человек казаков, да в тех же городах в Сибирь же, в Енисейский острог, велено прибрать служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу 150 человек женок и девок». Всем этим переселенцам по царскому приказу было выдано жалованье и «подорожные», а отправляли их на государевых подводах из города в город, «...не задержав ни часу» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 154—154 об., № 137).

¹⁰ Городище на Гребешке было обследовано и обмерено В. П. Шляпиным, материалы эти в настоящее время хранятся в Великоустюжском краеведческом музее.

¹¹ Первоначальная точка зрения В. П. Шляпина высказана в его книге «Житие праведного Прокопия, устюжского чудотворца, и историческое описание устюжского Прокопьевского собора», изданной в 1903 г.; вслед за нею в 1915 г. вышла в свет книга Б. И. Дунаева «Город Великий Устюг», которая в 1919 г. была переиздана. Основная работа В. П. Шляпина «Из истории города Великого Устюга» была опубликована в «Записках Северо-Двинского общества по изучению местного края» в 1925 г.

¹² Устюжскими летописцами XVIII в. были священник Успенского собора Лев Вологдин и проживавший в Устюге штаб-лекарь Академии наук Яков Фриз, их материалы в XIX в. были обобщены и переизданы Ардашевым (Летопись семисотлетнего существования города Устюга Великого.— «Вологодские губернские ведомости», 1857, № 34—52), Н. Суворовым (Устюжский летописец.— «Вологодские епархиальные ведомости» 1873) и А. А. Титовым (Летопись Великоустюжская. М., 1889, а также Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903).

¹³ Издан Академией наук в 1950 г.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950, л. 237.

¹⁵ Устюжский летописный свод. с. 66.

¹⁶ Титов А. А. Летопись Великоустюжская, с. 27.

¹⁷ Титов А. А. Летопись Великоустюжская, с. 28—29.

¹⁸ Устюжский летописный свод, с. 92.

¹⁹ Устюг Великий. Материал для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.

²⁰ Сотная книга 1630 г. была составлена дьяком Михаилом Смываловым и подьячим Никифором Демидовым «... с устюжских с писцовых книг письма и меры Микиты Вышеславцева да подьячего Андрея Федорова», а писцовые книги 1676—1683 гг.— Алексеем Ивановичем Ладыженским и подьячим Ерофеевым «с дописью» стольника Никифора Сергеевича Ефимова, стольника Иева Ивановича Пояркова и дьяка Андрея Покрышкина.

²¹ Помимо этого плана, находящегося в настоящее время в Велико-Устюжском краеведческом музее, в собраниях ЦГИАЛ, ЦГВИА и ЦГАДА сохранилось еще несколько аналогичных чертежей, очевидно, представляющих собой редакцию основного обмерного плана, совмещенного с проектом 1784 г.

²² Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. М.— Л., 1953.

²³ Из всех улиц Верхнего посада Архангельская была единственной, полностью сохраненной проектом перепланировки города, и в настоящее время ее можно считать самой древней улицей города (ныне Октябрьский переулок).

²⁴ Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий, с. 44.

²⁵ Минимальные размеры прясел стен имели укрепления Городища (до 49 м). Прясла стен Большого острога колебались от 83 м (в северо-западной стене) и до 250 м — в наиболее безопасной восточной его части, обращенной в сторону Немчинова ручья и обширной заболоченной поймы; вдоль берега Сухоны башни Большого острога располагались примерно с равными интервалами — 160—180 м.

²⁶ Несмотря на сравнительно позднее происхождение, деревянные часовни в деревне Горка, в деревне Большой Двор и у церкви в Синеге, а также деревянная церковь в деревне Большая Филипповская, следуя свойственной народному творчеству приверженности традиции, сохранили почти неизменными свои древние формы, что с известной степенью достоверности позволяет судить об устюжских клетских храмах значительно более раннего периода.

²⁷ Устюжский летописный свод, с. 49, 65—67, 98—99.

²⁸ Летописец, очевидно, ведет счет от первоначального Успенского собора, заложеного в середине XIII в. В этом случае общее число построенных здесь сооружений действительно окажется равным шести, со следующими датами их освящения: середина XIII в., 1290 г., 1397 г., 1399 г., 1493 г. и 1502 г.

²⁹ Устюжский летописный свод, с. 109.

³⁰ С учетом глубины врубок.

³¹ Так, например, храм Василия Блаженного имеет высоту 60 м, Спасская башня Московского Кремля — 72 м, а самое высокое сооружение Москвы XVI в. — колокольня Ивана Великого — 81 м.

³² Внутри все шатры Успенского собора, вероятно, были открытыми до самого верха, благодаря чему интерьер этого здания должен был также производить на зрителя исключительно сильное впечатление.

³³ Эти данные приводят в своих работах А. Е. Мерцалов, П. А. Тельтевский и другие исследователи.

³⁴ В конце XVII в. Москва занимала примерно 2 тыс. га и, при общем числе бытовых дворов, равном 16 358, имела около 200 тыс. жителей, а население Ярославля, при 360 га занимаемой им площади и 2803 дворах составляло 30—40 тыс. чел. (Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. 1, с. 267—268).

³⁵ Бунин А. В. Указ. соч., с. 268.

³⁶ ЦГИА, ф. 1310, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1, 2, 4.

³⁷ Белых Н. и Петров А. Иван Старов. М., 1950, с. 21; История русской архитектуры. М., 1956, с. 407; История русской архитектуры М., 1951, с. 207.

³⁸ ЦГИА, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 17, л. 1; ЦГИА, ф. 1310, оп. 1, ед. хр. 59, л. 1, 2, 4.

³⁹ ЦГИА, ф. 1293, оп. 168, ед. хр. 19.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 1286, оп. 1, ед. хр. 35, л. 19.

⁴¹ Великоустюжский городской архив, д. 203, арх. № 3524, св. 210.

⁴² ЦГИА, ф. 1286, оп. 1, ед. хр. 35, л. 1, 2, 3, 19, 21—27.

⁴³ Рассмотренный проект устюжан в основном повторял положения более ранних планов, разработанных и представленных «устюжским градским обществом», но, к сожалению, не сохранившихся до наших дней.

⁴⁴ ЦГИА, ф. 1286, оп. 1, ед. хр. 35, л. 28—55.

⁴⁵ Титов А. А. Летопись великоустюжская, с. 119.

⁴⁶ ЦГВИА, Москва, разр. 16, № 595 «Об Архангельске».

⁴⁷ Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII — первой половине XIX века. М., 1984.

⁴⁸ ЦГВИА, Москва, ф. 418, д. 1.

⁴⁹ До настоящего времени ни Яиковский Филипповский монастырь ни церковь Воздвиженья не сохранились.

⁵⁰ После пожара 1772 г. церковь Власия была восстановлена и освящена в честь Богоявления.

⁵¹ Титов А. А. Летопись великоустюжская, с. 8.

⁵² На южном и западном углах Владимирской надвратной церкви и сейчас еще ясно видны следы примыкавшей к ней некогда старой каменной монастырской стены, уничтоженной в XIX в.

⁵³ После большого городского пожара 1772 г. устюжский градоначальник Енгалычев, поселившись в этом здании, пристроил к нему четырехколонный выносной портик с лестницами и балконом, а также изменил все его внутренние помещения.

⁵⁴ В устюжских сооружениях XVII в. применялся в основном стандартный так называемый большемерный кирпич, имевший размеры приблизительно 30 × 15 × 8 см.

⁵⁵ Тельтевский П. А. Великий Устюг. М., 1960, с. 54.

⁵⁶ Застекление проемов галереи относится к позднему периоду.

⁵⁷ В 1784 г. окна основного объема Архангельского собора, так же как и окна его барабанов, были растесаны, что значительно искажило первоначальный облик храма.

⁵⁸ Типичные для северных храмов двухъярусные главы собора выполнены позднее самого здания (в XVIII в.), однако они гармонично увязаны с основным объемом собора.

⁵⁹ Эта галерея, подобно галерее Михайло-Архангельского собора, первоначально была открытой.

⁶⁰ Позднее эти арки были заложены, а для восстановления первоначального облика колокольни их следует представить открытыми.

⁶¹ Двойные даты постройки даются по двум различным источникам (Консistorские сведения и «Вологодский календарь» за 1894 г.), в случае их несовпадения.

⁶² «Северный архив», № 11—12, 1822, с. 325.

⁶³ Живопись иконостаса Троицкого собора выполнена устюжскими мастерами Алексеем Колмогоровым, Стефаном Соколовым и изографом монахом Сергием.

Список литературы

Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. Т. III. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII века. М., 1955.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.

Антонова В. И. Памятники живописи Ростова Великого. М., 1948. (Диссертация).

Ардашев. Летопись семисотлетнего существования города Устюга Великого.— Вологодские губернские ведомости, 1857, № 34—52.

Бабаянц Г., Воронов Н. Изречения русского севера.— Декоративное искусство СССР, 1960, № 12.

Бадигин К. По студеным морям. М., 1956.

Базилевич К. В. Торговля Великого Устюга в середине XVII века. Ученые записки института истории РАН ИОН, т. 4. М., 1929.

Батаков Н., Мансветова Е., Широков В. Великий Устюг. Вологда, 1960.

Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.— В кн.: Научные труды, т. III, ч. 1. М.,— Л., 1955.

Белехов Н. и Петров А. Иван Старов. Материалы к изучению творчества. М., 1950.

Блохина Н. Б. Приемы использования полихромной керамики в русской архитектуре второй половины XVII века. Автореферат диссертации. М., 1956.

Брайцева О. И. Новые конструктивные приемы в русской архитектуре конца XVII — начала XVIII века.— Архитектурное наследство, № 12. М., 1960.

Брунов Н. И. Мастера древнерусского зодчества. М., 1953.

Бунин А. В. История градостроительного искусства. Т. 1. М., 1979.

Бунин А. В., Круглова М. Г. Архитектурная композиция городов. М., 1940.

Вишневская В. М., Каплан Н. И., Буданов С. М. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1950.

Вологодские епархиальные ведомости, 1873. Прибавления к № 18—24.

Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. Спутник по древним городам Владимирской земли. М., 1958.

Воронов Н. В., Сахарова И. Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов.— Материалы и исследования по археологии СССР, т. III. № 44. М., 1955.

Гарф А. Л., Покшишевский В. В. Север. М., 1948.

Голосов А. Великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь. Вологда, 1901.

Гольдберг Т. Г. Черное серебро Великого Устюга. М., 1952.

Грабарь И. Русские города — рассадники искусства. Собрание иллюстративных монографий. Вып. 1. Ростов Великий. Углич. М., 1913.

Древнерусская живопись в собрании государственной Третьяковской галереи. С вступительной статьей А. Свирина. М., 1958.

Дунаев Б. И. Город Великий Устюг. Изд. 2-е, доп.— Культурные сокровища России, вып. 15, М., 1919.

- Дунаев Б. И. Северорусское гражданское и церковное зодчество. Город Великий Устюг. М., 1915.
- Евдокимов И. Север в истории русского искусства. Вологда, 1921.
- Забелин И. Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900.
- Забелин И. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России. Спб., 1853.
- История русского искусства. Т. II—VI. Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1909—1915.
- История русского искусства; т. I—III. Под ред. И. Э. Грабаря, В. Н. Лазарева и В. С. Кеменова. М., 1954—1955.
- История русского искусства. М., 1957.
- История русской архитектуры. Изд. 2-е исп. и доп. М., 1956.
- Иванов А. И. Забытое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930.
- Кизеветтер А. А. Русский север. Исторический очерк. Вологда, 1919.
- Коваленская Н. Н. История русского искусства XVIII века. М.—Л., 1940.
- Комаров В. В. Художественные промыслы великоустюжских мастеров. Вологда, 1949.
- Косточкин В. В. Архитектурные памятники Торопца — В кн.: Памятники культуры (исследование и реставрация), вып. 1. М., 1959.
- Кудрявцева Т. Н. и Кудрявцев М. П. Опыт проведения предпроектных исследований исторически ценных городов. Обзор ЦНТИ. М., 1974.
- Лукин М. П., Давыдова Н. М. Народное искусство устюжан. Северо-западное книжное издательство, 1971.
- Любомиров П. Г. Географическое размещение металлургии и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и начале XIX вв.— Очерки по истории русской промышленности. М., 1947.
- Мансветова Е. Из истории нашего города.— Советская мысль. В. Устюг, 1954, № 47—115.
- Марков С. В городе Водолея.— Наши достижения, 1936, № 7.
- Мерцалов А. Е. Устюг Великий в первой четверти XVII века.— «Вологодские губернские ведомости», 1885, № 23, 32, 347
- Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I—II. М.—Л., 1941.
- Минеев В. А., Малков В. М. Вологодская область. Экономико-географическая характеристика. Вологда, 1958.
- Михайловский Е. В. Углич. М., 1948.
- Морозов А. Северные умельцы.— Нева, 1955, № 9.
- Народное искусство СССР в художественных промыслах. М.—Л., 1940.
- Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М.—Л., 1951.
- Непеин А. Святыни и достопримечательности города Великого Устюга и его окрестностей. Вологда, 1915.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1984.
- Орлов П. Заслуженный деятель искусств.— Советская мысль, В. Устюг, 1956, № 95.
- Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петроград, 1922.
- Парийский И. Руководство к историческому и физическому описанию областного города Устюга Великого, сочиненное в 1793 году. Спб., 1899.
- Попов А. Дымковская Дмитриевская церковь в г. Устюге. Вологда, 1875.
- Попов А. Описание церкви св. праведного Иоанна устюжского чудотворца. Вологда, 1862.
- Попов А. Спасо-Преображенская церковь в г. Устюге. Вологда, 1875.
- Попов А. Сретенско-Мироносицкая церковь в г. Устюге. Вологда, 1874.
- Попов А. Церковь Рождества Христова в г. Устюге. Вологда, 1874.
- Порфиридов Н. Г. К истории русского серебряного и финифтяного дела.— Сообщения Гос. Русского музея, вып. IV, 1956.

- Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. М., 1874.
 Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. М., 1873.
 Разина Т. М., Суслов И. М., Хохлова Е. Н., Гореликов Н. М. Русский художественный металл. М., 1958.
 Рехачев М. Северная чернь. Архангельск, 1952.
 Ровинский Д. А. Обзорение иконописания в России до конца XVII в. Спб., 1903.
 Румовский Н. Описание Великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862.
 Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1954.
 Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
 Саввантов П. Описание Великоустюжского Архангельского и приписанного к нему Троицкого Гledenского монастырей. Спб., 1848.
 Сербина К. Н. Устюжский летописный свод.— Исторические записки, т. XX, 1946.
 Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.— Л., 1934.
 Соболев Н. Н. Русский орнамент. М., 1948.
 Соболев Н. Н. Чугунное литье в русской архитектуре. М., 1951.
 Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 3—4, кн. II. М., 1960.
 Суворов Н. Устюг Великий в конце XVII столетия.— Памятная книга Вологодской губернии на 1864 год. Вологда, 1864.
 Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. Планировка и застройка русских городов. М.— Л., 1953.
 Тельтевский П. А. Великий Устюг. М., 1960.
 Тельтевский П. А. Великий Устюг. М., 1977.
 Титов А. А. Летопись Великоустюжская. М., 1889.
 Титов А. А. Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку. М., 1903.
 Титов А. Описание Ростова Великого. М., 1891.
 Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.
 Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в 50—70-х годах XVII века в процессе складывания всероссийского рынка. Автореферат диссертации. М., 1954.
 Токмаков И. Историко-статистический и археологический очерк города Великого Устюга с уездом. М., 1894.
 Томилов Ф. С. Север в далеком прошлом. Архангельск, 1947.
 Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.
 Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.— Л., 1950.
 Фехнер М. В. Вологда. М., 1958.
 Филиппов А. В. Древнерусские изразцы, вып. 1. М., 1938.
 Хронологическая таблица для областного города Великого Устюга.— Северный архив, 1822, № 11, 12.
 Шамурин Ю. Ярославль. Романов-Борисоглебск. Углич. М., 1912.
 Чиняков А. Г. О некоторых особенностях древнерусского градостроительства.— «Архитектурное наследство», № 12. М., 1960.
 Шляпин В. Житие праведного Прокопия устюжского чудотворца и историческое описание устюжского Прокопьевского собора. Спб., 1903.
 Шляпин В. О финифтяной фабрике, существовавшей в городе Великий Устюг в XVIII веке, и о черневой на серебре работе.— Записки Северо-Двинского общества изучения местного края, вып. IV. В. Устюг, 1927.
 Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. II. В. Устюг, 1913.
 Шляпин В. П. Из истории города Великого Устюга.— Записки Северо-Двинского общества изучения местного края, вып. I—IV. В. Устюг, 1925, 1926, 1927.
 Штейман Г. А. Сводчатые перекрытия гражданских зданий в русской архитектуре XVI—XVII веков.— Архитектурное наследство, № 12, М., 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.

История города до середины XIX в. 7

Глава вторая.

Развитие планировочной структуры города 25

Природные условия и топография города 26

Проблемы первоначального заселения территории города 28

Планировка и застройка Великого Устюга в XVII в. 38

Проект перепланировки города конца XVIII — начала XIX в. 72

Глава третья.

Основные ансамбли 91

Соборное двориче 96

Михайло-Архангельский монастырь 103

Троице-Гледенский монастырь 107

Ансамбль Дымковского прихода 112

Глава четвертая

Памятники архитектуры 115

Церковное зодчество XVII—XVIII вв. 116

Памятники жилой и гражданской архитектуры XVII—XIX вв. 176

Глава пятая

Изобразительное и декоративное искусство, художественные промыслы 201

Иконопись 202

Художественная обработка дерева 208

Декоративная керамика 224

Художественный металл 233

Народные ткани, художественное шитье 244

Послесловие 248

Примечания 250

Список литературы 252

Научное издание
Василиса Павловна Шильниковская

Великий Устюг

*Редакция литературы по градостроительству
и архитектуре*

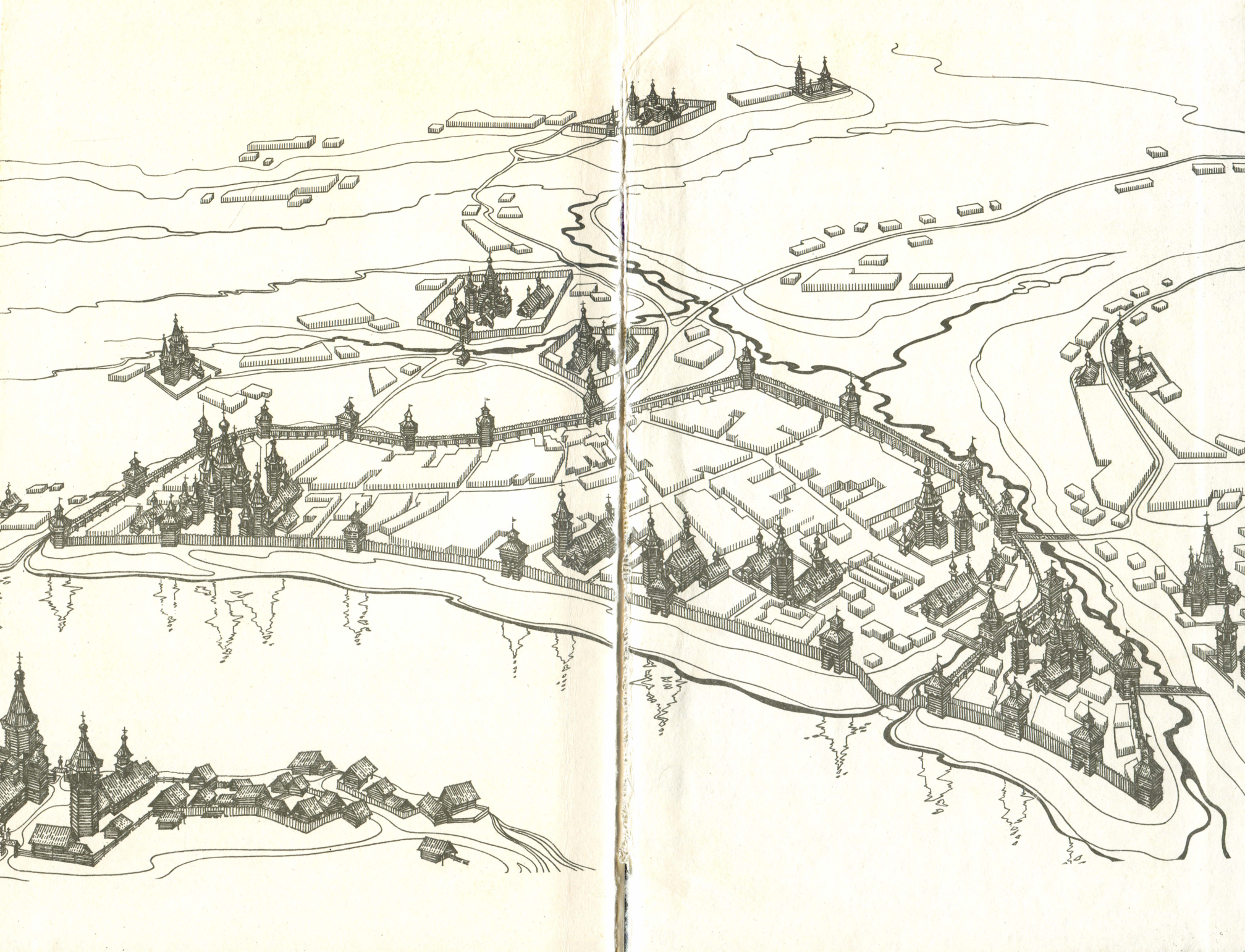
Зав. редакцией *Т. Н. Федорова*
Редактор *Т. А. Гатова*
Мл. редактор *М. А. Шиффер*
Макет и внешнее оформление
художника *Т. В. Бусаровой*
Художественно-технические редакторы *Н. Г. Алеева,*
Ю. Л. Циханкова
Корректор *Г. Г. Морозовская*

ИБ № 1332

Сдано в набор 01.08.85. Подписано в печать 27.04.87. Т-19873. Формат 60×90^{1/16}. Бумага мелованная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт. 18,87. Уч.-изд. л. 16,63. Тираж 40.000 экз. Изд. № А1Х-6910. Заказ 4066. Цена 2 р. 10 к.

Стройиздат, 101442, Москва, Каляевская, 23-а

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129243, Москва, Мало-Московская ул., 21.

В этой книге рассказывается об архитектуре одного из интереснейших древнерусских городов, который до наших дней сохранил свой самобытный облик и представляет огромный интерес для изучения культуры нашей страны. В ней дан анализ как отдельных памятников зодчества, так и целых ансамблей, рассматривается формирование планировочной структуры города на различных этапах исторического развития, начиная с основания города в XII в. и до конца XIX в.

Это наиболее полное издание, в котором освещены малоизученные памятники Великого Устюга, представляющего собой город-музей.